Альманах 4 16 ю

Рважаемые читатели, взрослые и маленькие!

В 17 выпуске «Семейки» вы прочитаете... Нет-нет, я не оговорился, а, действительно, хочу сначала сказать несколько слов о материалах, которые увидят свет не в этом, а в следующем, семнадцатом, номере. Дело в том, что в 2016 году исполняется 30 лет со дня чернобыльской катастрофы и 10 лет со дня смерти штутгартского поэта Ольги Бешенковской, чьё имя сейчас носит премия, учреждённая Международной гильдией писателей. Материалы, посвященные трагедии Чернобыля и жизни и творчеству Бешенковской, принимавшей живое участие в нашем альманахе, естественно поэтому дать в следующем году. В портфеле альманаха лежат произведения о событиях в Украине, которые авторы оценивают по-разному и заочно вступают между собой в спор. Публиковать сейчас эти материалы, значит, на мой взгляд, подливать масла в огонь. У каждого своя правда, а истина, уверен, в том, что когда льётся кровь, нужно не спорить, кто прав, кто виноват, а остановить братоубийственную, развязанную политиками войну. Предпринимаемые сегодня совместные усилия Украины, России и Европы внушают надежду (может быть, иллюзорную), что братоубийственная бойня в ближайшем обозримом будущем наконец-то прекратится. Когда люди не воюют, они разговаривают... Думаю, тогда и на наших страницах станет возможен этот непростой разговор.

А теперь о номере 16-м. Так получилось, что «Литкафе», существующее виртуально в нашем альманахе в виде рубрики, обрело реальные черты: несколько лет назад в городе открылось «Вупперлиткафе», куда раз в месяц приходят любители стихов и прозы на встречу с теми, кто эти стихи и прозу пишет. Среди самих посетителей такие тоже, разумеется, есть, но и литераторы с именем нередко заглядывают к нам на чашечку кофе. Всем памятны встречи с замечательным детским поэтом Вадимом Левиным, известным поэтом и издателем журнала «Зарубежные записки» Даниилом Чконией, побывали у нас недавно с творческими вечерами поэты Глеб Шульпяков (Москва) и Бахыт Кенжеев (Нью-Йорк), заскочил на огонёк по пути в Бохум писатель Виктор Ерофеев... Творчество посетителей и гостей «Вупперлиткафе» естественно перетекает на страницы альманаха. Разумеется, не только их.

Открывает 16 выпуск живущая в Ариэле удивительная поэтесса Сара Погреб. Как видим, география авторов номера, как обычно, широка: Германия и Америка, Израиль и Латвия, Россия и Украина...

Мира нам!

Составитель

22 ноября 2014 года в Вуппертале состоялась презентация трёхъязычного сборника «На перекрёстке культур 2» — плод совместной работы участников «Вупперлиткафе» с группой немецких литераторов Бохума. Благодаря инициативе поэта Евгения Кагана к нам заглянул известный российский писатель Виктор Ерофеев. Назавтра у него планировался творческий вечер в Бохуме, но начался он, к нашему удовольствию, в Вуппертале. После долгой интересной беседы о литературе и жизни — неформальное общение с гостем за чашкой кофе и фото на память.

Фото Валерия Гольшейдера

Сара ОСОГРЕБ Ариэль

Сара Погреб родилась 1 января 1921 года в Украине, в Одесской области. Закончила Харьковский университет. Преподавала в Запорожском пединституте. Работала в школе. В 1990 году вместе с семьей репатриировалась в Израиль.

Пишет стихи с юных лет. Уже в 1937 году была удостоена своей первой премии — Литературной премии им. Пушкина. После долгого перерыва вновь стала писать стихи в возрасте 60 лет. В 1996 году ее книга была названа книгой года в Израиле. В 1997 году удостоена Премии Союза писателей Израиля. В 2008 году Сара Погреб стала Почетной гражданкой города Ариэль. Ее стихи были в репертуаре Зиновия Гердта. Одно из ее стихотворений было положено на музыку и стало гимном Ариэля, который исполняется городским хором «Песня в сердце».

Известные книги Сары Погреб: «Я домолчалась до стихов» («Книжная палата», Москва, 1990), «Под оком небосвода» («Скопус», Израиль, 1996), «Рассвет и сумерки» (DEKOM. Н. Новгород, 2012). Ее стихи также вошли в сборники «Антология еврейско-русской литературы» на английском языке (Лондон-Нью-Йорк, 2007) и «Шрамы на сердце» (Москва, 2010).

ЖИЗНЬ ОПАСНА. А КАК ХОРОША!

Мне повезло. Два года назад мои родственники Марк и Лена Гродзинские, живущие в израильском Ариэле, привели меня в гости в своей соседке. Уже через минуту мне казалось, будто мы знакомы сто лет. И потому, что в свои 90 с небольшим поэт Сара Погреб сохранила детскую непосредственность в общении, и потому, что с первых её слов прозвучали имена-пароли: Зиновий Гердт, Давид Самойлов, Юрий Левитанский... Прозвучали не случайно. Именно эти люди однажды приняли живое участие в её поэтической судьбе. Вот как об этом вспоминает жена Гердта Татьяна Правдина:

«По окончании выступлений Гердта к нему за кулисы всегда приходили люди. Так было и после вечера в Магнитогорске много лет назад. Среди пришедших была пожилая женщина, выделившаяся из остальных тем, что ее комплименты звучали на редкость не банально. И вдруг, к огорчению Зямы, она вынула из авоськи, в которой была еще бутылка кефира, красную папку, сказав, что в ней ее стихи. Зная погруженность Гердта в поэзию, его всегда заваливали графоманскими виршами. «Еще одна», - с грустью подумал Зяма, но папку, естественно, взял, так как, по его выражению, любое «написанное в столбик» не прочесть не мог.

Дня через два после приезда домой, ложась спать, он открыл папку и минут через десять сказал: «Читай, с ума сойти, тут, кажется, настоящее». Мы встали, разбудили гостившую у нас жену моего брата и до утра читали. Утром Зяма связался с Сарой, а потом помчался к Дезику (Давиду Самойлову) за подтверждением наших впечатлений. Дезика не было дома, Зяма оставил папку, а через несколько дней Дезик позвонил, что папку найти не может и пусть Сара придет сама и почитает. Сара приехала и, посланная нами, в трепете отправилась к Самойлову. После того как она прочитала Дезику несколько стихотворений, он прервал ее и стал звонить по телефону: «Юра (это был Левитанский, они жили в одном доме), всё бросай, иди сюда, здесь стихи». Когда Сара закончила им читать, Дезик сказал, что никаких советов он ей давать не будет, так как она сложившийся поэт, и что надо публиковаться. Он велел ей сделать подборку из нескольких стихотворений, написал к ним предисловие, и вместе с Зямой они отдали это в журнал «Дружба народов», где и была первая Сарина публикация. А потом, когда она в силу семейных обстоятельств уже была в Израиле, вышел ее небольшой поэтический сборник «Я домолчаласъ до стихов» тоже со вступительным словом Д. Самойлова, в котором есть такие слова: «Сара Погреб – человек зрелый и поэт свершившийся... в ее стихах нет колебаний вкуса... Все строго и существенно. Я много слышал и читал ее стихов. У нее есть то, что обычно называют

«свой голос»... У нее пристальное зрение художника и умение воплотить мысль и переживание в ритм стиха. Надеюсь, что читатели услышат все это».

Тут, как говорится, не убавить и не прибавить. Впрочем, нет, прибавить всё-таки нужно. В феврале прошлого года Саре Погреб была вручена премия имени Юрия Штерна Министерства репатриации и абсорбции в области поэзии.

* * *

Когда становилось мне плохо, И меркло свечение дня, И жесткою хваткой эпоха За горло хватала меня, И ласточки – на карантине, И страх, как у мух в паутине, И гнилью тянуло не зря, – Бегом. К Пастернаку. К Марине. Как к пробке от нашатыря. О свежести дух неразменный! Окрестность души суверенной. Созвездия. Ветки. Вода. И что – по сравненью с Вселенной Не смерть, а всего лишь беда?

По гроб задолжала когда-то И Галичу я, и Булату. Все любят сегодня Булата – Я ими лечилась когда-то. От шока, от грусти тяжелой Просветом, намеком, крамолой. Стихи проступали сквозь шумы, Гитара бренчала в крови, И времени облик угрюмый От гнева светлел и любви.

Начиналась с затакта Мелодия эта, Но отстала я как-то, Замешкалась где-то.

Позабыться успело И размылось начало. И тогда я запела – Хоть не так, да сначала.

Все уже разделили, И соцветья, и тернии. Но остались мне крылья – Облака предвечерние.

* * *

Как мы любили, как жалели Тех первых мальчиков своих! И, несчастливее иных, Те чувства вправду не ржавели.

Мы были из единой плоти, Еще тянулись и росли, И вот они уже в пехоте – На вздыбленном краю земли.

Одни и песни, и порывы. Одним волненьем души живы. Одна родная сторона. Губами мы к губам прижались, Прощальным взглядом обменялись Да карточками поменялись... А встречи не было. Война.

Зиновию Гердту

Есть медицина лирики высокой. Летит спасать – ты только позови. И привитые в отрочестве строки Целебно циркулируют в крови.

Мне кажется, мы составляем братство. Нам выдан был без векселя заём. Врачует дух подспудное богатство, И мы друг друга всюду узнаем.

Звучит пароль: «Я – с улицы, где тополь…» И отзыв, точно выдох: «… удивлен». И будто где-то скрещивались тропы И нас качал в пути один вагон.

«Вошла ты». Отзыв: «Резкая, как "нате!"» – То облако над нами навсегда, Как будто был один у нас фарватер. Одни созвездья. Общая беда.

Пароль: «Как это было! Как совпало...» И отзыв: «Это все в меня запало». Поэзия. Сама душа России. Снега. Дожди. Как правило, косые.

Ф.

Мне хорошо. Я сирота. Жалеет дед. Пекутся тетки. В истоке жизни – доброта, И на причале тучи-лодки.

Не дуло в парус – я гребла. Крутило щепкой, выгребала. Ура! До бала доплыла. Как одиноко после бала.

И речкой детства сизый свет. Прохладной дланью непогода. И шум дождя, как жизни ода, Но на причале лодки нет.

* * *

Вот холмы возле самого дома – Отверделые вздохи земли. А гряда вдалеке невесома, Облака отдохнуть прилегли.

Что тебе в голубином свеченье? Но душа растеряла слова. Дорогое такое мученье, Без которого жизнь дешева.

Война

1.

Хоть без дома, а все-таки дома В этом древнем и юном краю. Незнакомое странно знакомо: Небеса и глаза узнаю.

Хоть не здесь моих предков могилы, Обжитой и покинутый кров, Кровь, бессонно стучащая в жилы, Взорвалась среди этих холмов.

Из надежды и пепла упрямо Рай и крепость возводит мой род. Не боюсь никакого Саддама, Хоть не «има» шепнется, а «мама», Если рядом взрывчатка рванет.

2.

Это было позапрошлой ночью. Небо с треском разодрало в клочья. Взрыв бабахнул. Чудом не задело. А сирена что-то не гудела.

Как фугас -

в долине где-то, снизу. Свет погас. Умолкнул телевизор. Грохнуло!

Но страх ослабевает: Музыка по радио играет. И осела медленно тревога – Гром не от Хуссейна,

а от Бога...

Мы с детства знаем чудо это, Когда в какой-нибудь четверг Проснешься и по цвету света Поймешь, что ночью выпал снег. Не тот, что становился грязью, Старался, но не мог, не стал. А этот, что как белый праздник Пушистым облаком упал. Бывает чудное мгновенье: Все заедало, все не шло, Но родилось стихотворенье, И на душе белым-бело.

* * *

 $\mathcal{A}.C.$

Рассвет и сумерки.

Рассвет И сумеречный час природы. В их красоте избытка нет И есть подобье непогоды.

Как март, бредущий по воде Сквозь туч опущенные гривы, И как ноябрь, его порывы, Лицо в слезах – в сплошном дожде.

По мерке сшитая пора Для светлого воспоминанья, Для запоздалого признанья, Для подозренья, что пора.

Разве есть без развилок дорога? Внятен шепот судьбы: выбирай. Что ни выбрал, а проку немного, Но и вздохи доходят до Бога – Невезучим достанется рай.

В роще горней подымешь ты вежды. Где та лестница? Где проводник? Пахнут травы... Струятся одежды... Но чего уж тут нет, так надежды, К чьим обманам ты грустно привык.

Глупость – блюдечко! Прямо на блюде Все, что снилось. Греби, не убудет. Но не надо, прошу вас, спешить. Я признаюсь любимейшим людям: Лучше, хуже, но долго бы жить.

Ну, локтями – не хочешь, не можешь, И стихи на весы не положишь, И от дерева нет барыша. Что жилье? Мы же все в этом мире Проживаем на съемной квартире, В нас стреляют, прицелясь, как в тире. Жизнь – опасна. А как хороша.

Илья ЖОЛЯКОВ Владимир

Родился в Средней России в небольшом городке, известном сестрами-ткачихами и шестью сотками.

После школы учился в нескольких вузах, жил во многих городах России. Питер и Москва, Нижний и Иваново. Осел во Владимире.

Сменил множество профессий. От печника и дворника до журналиста и директора.

Теперь вот писатель-фрилансер.

Публикуемые сказки вошли в лонг-лист международного фестиваля «Русский стиль – 2015».

ТРИ СКАЗКИ О РОССИИ

Машка Мокротница

Жила-была девочка Маша.

В обычной деревне. Кровей не барских. Наша она, родни сермяжной. Мастерица была, рукодельница. Ну, и перва красавица! Даже писарь уездной на неё заглядывался, когда в волость с докладом проезжал...

Но при том горда да своенравна. Как по улице павой проплывёт – того и гляди, носопырой аистов из гнёзд посшибает!

На барщину и субботники не ходит, а тока дома сидит и расслабленной прикидывается.

И очень уж она хотела замуж за прынца выйти. Свои-то деревенские ей не нравились дюже. Воняют, говорит. Овчиной да киселем овсяным.

А от прынца-то дух особый стелется... Царской...

А прынц-то в той стране аккурат не сильно добрый был. Избалованный и злой. Гадкий. Но Маша не верила. Любовь-то зла. А потому ждала свое счастие и в судьбу вглядывалась. Особенно по вторым четвергам месяца.

Ну, перво время парни посватались-посватались... Да и прекратили. Чего зря-то поршня топтать...

А девка-то красива была... Спело яблочко. Да... Даром, что спесива...

Ну, тут аккурат с соседним казером война случилась. И царь-та с генералами и боярами на неприятеля-то гуртом и поехали. Через нашу деревню основно воинство топало. Чай, на большаке деревня стояла. Напылили, правда. Коты потом две недели на улицу не совалисса да за печками прятались, до того топотно было...

Ну вот, через деревню войска-то и шпарили. Ну, понятно дело, барабаны, пушки и всё такое... Гвардия, усы. Кирасы блестят.

Ну, наша-то Машка глядь: прынц! Усохни душенька в перекись марганца! Прынц! Ох, заметалась, засуетилась! Согласна, кричит! Твоя навеки, кричит! И побежала, сердешная, как ласточка перед дождем! Низёхонько так... Да обскользнулась, милая, оступилась, бедолага... Да так неловко приключилось, что в свино корыто и угодила. Его попадья тока-тока помоями свежими втарила... И так плотно засела в колоде, что её оттудова скотники часа два добывали. Сначала, правда, повременить хотели, да потом сжалились. Так выковыряли. Без откупа.

И прозвали девку с той поры Машкой Мокротницей... Да...

Ну, зато гонор да спесь с неё пообсыпалась. И стала она скромна, добра, покладиста. Золото, а не девка! И за хорошего парня вышла.

А прынца-то на войне ядром задавило... Помер, стало быть, он в тот год...

Лапунюшкин аггел

Мальчик Лапунюшко на свете жил.

Сирота был сызмальства. Такой сирота, что и родителей не помнил.

По соседству от него, правда, тётка родна жила. Уж по матери или отцу, – то неведомо. А ведомо, что тётка была сердитая и ведьма.

Вот задумала тётка по сговору с чёртом Лапунюшку с пути праведного сбить да душу его погубить. Ей за то грязно дело Князь Мира медаль юбилейну и уважение обещал, нашивки ветерана да лычки старшей ведьмы.

И задумала ента погана ведьма Лапунюшку тщеславием да алчностью заразить. А там по наклонной пойдёт, и до острога рукой подать. А ей наследство и уважение.

Вот додумалась ему во сне являться и шептать-внушать, чтобы он себе дорогущи красны сапоги со скрипом купил на ярманке. Тама, на ярманке, сам царь тарился не брезговал со придомными енералами и горничными балетками...

Вот ведьма-то и гундела Лапунюшке кажну ночь: «Купи сапоги на каблуке! Все девки твои будут да приказны начнут кланяться! Тут-то ты и заживёшь! Тут-то ты и возвысишься!»

А Лапунюшко-от добрый был, работящий. Лапти хорошо плёл – тем и кормился. Кочедык-то ему от отца достался. А тому – от деда. А деду – от прадеда. А там, может, и ещё чего было, да никто не помнит.

Вот ведь как бывает. Отца не помнил, а память о нём жила в сердце сиротки нашего. Уж больно чисто-то сердце было. Памятью и красотою народной полно.

Лапунюшко хорошо зарабатывал. Но сапог не покупал – не признавал таку обувку да и прижимист был. Оно, конечно, фасонисто, да ногам духу нет, и портянки потом озонируют. А в лаптях-от нога как в трактире!

А меж тем ведьма не сдавалась! Кажну ночь ему являлась, загуба! Кажну ночь ему песни сахарно напевала, хуже полюбовницы!

Кажно через год али два добилась своего, поганка, уломала парня, взяла измором и посулами!

И пошёл-таки Лапунюшко на ярманку за сапогами. Выходить заране надо было, до городу – далеко. Да через лес, да болото. Ровной дороги совсем чуть, да и та у заставы.

Ну и решил сиротка перед дорогой Богу помолиться, свечку поставить.

И услышал Бог сиротку нашего да сказал Унтер-аггелу: «Лети, милай, дарагой, да Лапунюшку от ведьминой зазубы спаси! Ибо люб мне сирота скромностью! Муж сей хоть и млад, да праведности великой! Он харошай!»

Вот взмахнул Унтер-аггел крылами белыми, поднял пыль небесну да с облака в лес сграбастался. Навёл в лесу треску и шороху! Чисто метрионит!

А тама сияние свое убрал, валежником присыпал, лешим прикинулся. Хотя с трудом. К аггелам-то и грязь не липнет. Пришлось страшну рожу перед зеркалом тренировать. Ничего так. Срепетировал. Ажно сам два раза пужался. Икать начал...

Ну, а тут как раз пошёл Лапунюшко в лес да лешего липового и выглядел. Ох! Что тут стряслось-то! Побежал что есть мочи! Бежит, руками машет! Стра-а-ашно... Лаптишшами хлопат, по трясине чавкат, да знай прямо несётся, дороги-тропок не разбирая!

Да так сильно бежал, что почти у города и очутился!

А онуча-то возьми да размотайся. Наступил на неё Ляпунюшко, упал шибко! Да всю рожу о коренья-то расквасил.

Полежал чутка, в памяти сделался, сопли рукавом протёр да пошёл до ярмонки. Не назад же воротить, раз у самых ворот очутился!

Так его потом, на ярманке, с такой личностью, как купцы да прикашшики увидят, так жалеть начинают да скидку предлагать.

Лапунюшко походил пустым, отудобел да прицениваться стал.

Но сапоги всё равно не купил – тяжелы больно. Бегать в них несподручно в случае чего. Кеды купил. Они полегше.

А ведьма, как его кеды увидела, так от злости и лопнула. И засмеялся на облачке аггел белый, точно серебряны колокольчики ветерком тронуло...

Сивко да Иванко

Страна была дальна, житьишко посредно, а погода зноблива. И жил в том краю принц Иванко. С виду, понятно дело, дурак дураком. Но капиталы имел приличные и звание почтенное. Рожа немного рябовата была, зато стать имел широкую. Характер покладистой, эполеты золочёные.

Давным-давно, ещё в молодых летах, обучался наш Иванко грамоте в акцизной гимназии. Да и заимел там по пьянке себе где-то товарища. Как дело было доподлинно, неведомо, только был тот товарищ конь. А звали того коня Сивко.

Сивко был волшебный, но колдовать не любил. Ему больше с Иванком да болваном нравилось гусарика расписывать, гоголь в самоваре стряпать и пескариков удить. Но при случае и колдануть мог. Закуску сварганить али ферму с доярками поблизости организовать...

Жил Сивко в поле – ему в городе конюшню на постой отводили, но тама от конюшенного козла вонь нестерпима шла, да с соседней помойной ямы старой брагой сквозило.

Так и мотыляли, пока от соседнего королевства война и конфузия не приключились.

А как такое случилось, то и деваться некуда. Хошь не хошь, а в юнкера пожалуйте. Графа в пачпорте обязывает.

Ну, как все в армию разъехались, Иванко в поле и поспешил. Пришлось на биржевого фиакра для скорости тратиться. Две станции с пересадками.

Ну, вышел он в чисто поле, широкое раздолье, да припалил три шерстинки, да крикнул так, что вороны осыпались да гул пошел: «Сивко-Бурко, вещий Каурко! Сюда, мать его, да быро метнулся!»

Ну, Сивко не подвёл. Дым из ушей, пар из ноздрей, головешки из жопы. Не скотина – чисто экспресс.

Иванко в одно ухо влез, из другого вылез. Стал красава-богатырь, каких и свет не видывал, «Русский инвалид» не описывал!

Взял, значится, меч-кладенец, да копьё-самотык, да панцирь-самощит. И поехал басурман на рати шпилить.

Помахал, как положено. Улица-переулочек. Улица-переулочек. Потом поперек ещё авеню настроил... Хотел по диагонали стриты пустить, да уж и незачем. Супостат закончился в агонии страшной. Пару недобитков можно было по кустам борщевика пошерстить, да лень было – сами прибегут, как приспичит.

А там опять в чисто поле. Снова в ушах у верного коня полазил, чтобы в домашнее переодеться. Но, вообще, не любил он по ушам у Сивко мотаться. Тесно, темно, серой вонят. Не работа, а послух золотарский.

Вот вылез Иванко в визитке с эполетами да говорит коню верному, коню богатырскому: «Ты ступай, верный друг Сивко, поваляйся в трёх травах, покупайся в трех росах!» – отдохни, мол... Проникновенно так сказал. И в глаза посмотрел, как другу... Знал, что у того три ямы силосных за соседней балочкой приныканы.

И пошел к остановке омнибуса, не оборачиваясь.

А Сивко да ну как начал ржать человеческим голосом: «Ну и сука ты, Иванко сын Царской». И ускакал вдаль, крупом виляя. Будто и не конь он вовсе, а кобыла кака паскудна.

И стоит Иванко такой в чистом поле да вослед ему смотрит. И тоскливо так на душе, точно места в Престольной не досталось на паперти.

Вечереет уже. Вот и выглянула в небе звёздочка...

И решил Иванко тогда до утра постоять. Вдруг чо изменится?

Но не достоял – замёрз к росе ближе. И пошел-таки к заставам дальним, где алебарды будочников при Луне поблёскивали. Идет, печальный, а слёзы горючие солёные сами собой скатываются по щекам обветренным да о сыру-землю ударяются.

И идет за Иванком Сивко да слёзы те солёны с земли-то и слизыват.

Вот и с той поры, – старики сказывают, – так и ходят они по белу светушку друг за дружкою. Впереди Иванко безутешный, а за ним Сивко верный.

И идут они к городу по чисту полю, а будки с будочниками всё не приближаются. Только горят в свете лунном отблески на алебардах вострых.

Стали люди замечать, что в ночи особые точно вздох понад полями проносится. Но старики не удивляются.

Знают, что Иванко домой с рати возвращается.

Рисунок Виктора Харика

Жахыт ЖЕНЖЕЕВ Нью-Йорк

Родился в 1950 году. Закончил Химический факультет МГУ. Один из основателей группы «Московское время». Живет в Москве и Нью-Йорке. Лауреат многочисленных литературных премий, автор полутора десятков поэтических книг.

* * *

на околице столицы где кончается метро где студенты бледнолицы пьют подземное ситро нет скорее даже пиво на скамейке серой пьют и рассматривают брезгливо богоданный неуют –

машет хво́стом тощий бобик улыбается дитя лилипуты бедный гробик поднимают ввысь кряхтя кто невесел кто плачевен кто-то просто невелик их еще вспоёт пелевин наш непалец многолик

вобла есть но нету нельмы счастье есть но нет письма спят немытые панельны мног'этажные дома где вы тютчевские звезды дух смирился век зачах ах в блевотине подъезды мусор в баках тьма в очах

не тверди что жизнь трясина рудниковая вода пиво пенится и псина беспородная всегда не предчувствуя удоя жестких подвигов в цеху видит облако младое слышит бога наверху

* * *

Се, вдоль по оттаявшей, пасмурной Лете листок рукописный плывет, а ниже в глухом экзогенном скелете большая беззубка живет.

Ни ворон красотку, ни аист не слопал, ни щучий противный народ. Питается дафнией или циклопом, а то и амебу сожрет.

Пусть мертвый над ней проплывает, измучен, пусть дух от печали зачах. Не слышит голубушка скрипа уключин и плакальщиц в белых плащах,

не видно моей философской красотке, как горестно грек по воде в дубовой, рассохшейся движется лодке, и руку не держит нигде.

Не спит и не бодрствует в сумрачных волнах двустворчатых отпрысков мать, лишь молча умеет личинок безмолвных в летейские воды пускать.

В байковом халате кушает обед в номер шесть палате пожилой поэт. Кто-то пашет, сеет, истребляет зло. а старик лысеет – видно, повезло.

Так уж мир устроен, в смысле, селяви. Был мужик героем веры и любви. Перышком нацелясь, изощренный стих сочинял про прелесть самочек иных.

А еще философ он изрядный был, множество вопросов разрешать любил. Например, о боге и о звездах, да, о земной дороге счастья и труда.

Презирал просто́филь, нес духовный крест. А теперь картофель и сардельку ест. Жаль, сарделька эта свинкою была. К ужасу поэта, страшно умерла.

Горек, горек, горек жалкий наш удел. Взял мясник топорик, сердцем охладел, и, подобно инку в золотом краю, обезглавил свинку бедную мою.

Мы совсем не хочем палачами быть. Но и бардам прочим, чтобы жизнь любить, дабы жить любовью, надо много ку. То есть, для здоровья мясо и треску.

...а губы кривятся от страха, а публика плачет и пьет. Эпоха, чугунная птаха, свинцовые зерна клюет.

Еще процветает искусство, когтистая тень скрипача поет королей и капусту, крылом журавлиным стуча,

но звезды уже под вопросом. Откуда в полях спорыньи подросток в фуфайке с начесом так пестует астры свои,

и бредит родным пепелищем, где моль и лоскутная ржа, учебник грамматики нищей в бесплотной авоське держа?

* * *

Смотри, арахна, нищая ткачиха: октябрь уж наступил, в лесах светло, и осень, индевеющая тихо целует землю в желтое чело, и шепчет мне, что смертный жребий мелок, пора смиряться, щастья нет нигде, а время – бег вчерашних водомерок по неподатливой воде.

Я строил мир по плотницкой науке, соединяя дерево и кость. Вчера, вчера! Как много в этом звуке для сердца уязвленного слилось.

Мы встретимся, но хорошо узнать бы друг друга, скрипнуть петелькой дверной – был май, справлявший лягушачьи свадьбы в излучине речной,

нет, не в лекалах, друг, и не в рейсшинах блуждает дух, к причастью не готов, а в песнях земноводных, меж кувшинок – глухих русалочьих цветов. И даже если рад бы по-другому (товар лицом, соль, музыка, Господь) – кому-то жизнь хомут, кому-то – омут, кому – отрезанный ломоть.

* * *

усвой эту правду кривую сквозь бережный сон или стон порою господь существует но чаще отсутствует он

пусть с готских и галльских позиций священник поет полковой осанну когда разразится последний решительный бой

пусть жертвенных агнцев взрезают на той и другой стороне предвечный должно быть не знает что нету его на войне

добыча рабы драгметаллы воспрянь же возрадуйся друг и мочится воин усталый на холмик отрубленных рук

и пишет приятелям в блоге что нет никого в небесах лишь звезды фальшивые боги как сахар в песочных часах

* * *

Снег сыплет, как пепел, пускай и белей. Вот я и отпраздновал свой юбилей, немалую денежку пропил. А в детстве мечтал завести хомяка – грызун глуповатый, но шкурка мягка, хорош, дружелюбен и тёпел.

И белая крыса с предлинным хвостом являлась подростку в мечтанье простом, и сахару с писком просила. Обидно, что долго они не живут – кто спорит, конечно, не десять минут, но два, ну, три года от силы.

А наша с тобою – умна и долга. Неделя-другая – растают снега. Эол, как положено, дуя, согреет лужайку, и бережно кот в подарок хозяйке в зубах принесет пушистую мышь молодую.

Давай полетим золотою золой и снегом льняным над февральской землей, где света беда не убавит, где звери простые, вернее, зверьки, не ведая веры и смертной тоски, неслышно предвечного славят.

цветет природа чудная (и прелесть в ней и грусть) одну молитву трудную читая наизусть

вот белка скачет по лесу во всей своей красе ни страхового полиса ни юбочки-плиссе

спит рощица красивая сухих иголок хруст вся в зарослях крапивы и заячьих капуст

а я дышу обидою гляжу куда-то вкось не то чтобы завидую но жаль что не пришлось

зато на пне березовом не плача ни о ком утешусь крепким розовым и плавленым сырком

и на природном лоне стерев слезу с лица засну сражен гармонией и мудростью творца

Фаниил ЧКОНИЯ Кёльн

ЗЕМЛЯК

В декабре 1975 года меня перевели на работу в Москву. Должность звалась консультант. Только уже не Союза писателей Грузии, а Правления Союза писателей СССР. Консультант по грузинской литературе. Только я занял её, как оказалось, временно.

Дело в том, что предыдущий сотрудник по вовсе не литературным причинам раздражал тогдашнее руководство грузинского писательского союза, и его выдавливали на пенсию. Тогдашние секретари СП Грузии хотели видеть на этом месте меня. Резон у них был простой – мой ещё мальчишеский энтузиазм, моя готовность работать за троих. Парадокс заключался в том, что меня в Москву не тянуло.

Во-первых, знал, что московский консультант уходить с работы не торопится, чего ж мне на живое место лезть! Во-вторых, я имел представление о том, что консультантская служба в Тбилиси – минимум идеологии, и тот – для демонстрации московским начальникам, в остальном – нормальная, нужная собратьям-писателям работа. В Москве – куда больше демагогии и неизменное чувство постоянного недоверия к тебе, полуеврею, который ещё и активно общается с писателями, не входящими в официальную номенклатуру. Я чиновную Москву не любил, и, сказать честно, побаивался.

И какой смысл переезжать: мы ждали ребёнка, маясь по съёмным углам, Союз писателей должен был получить очередную квоту на жильё, квартира, пусть и в неближнем микрорайоне, была обещана. Пугало и моё не очень хорошее владение грузинским, но меня уверяли, мол, человеческие качества и желание работать – важнее.

В тот год проходило всесоюзное совещание молодых писателей, на которое я приехал в качестве участника и в то же

время руководителя грузинской делегации: никто из секретарей СП Грузии не захотел ехать на это мероприятие, решили, дескать, молодой сотрудник справится.

- Ты в Москву перебираться намерен? звонит мне в гостиницу московский консультант.
 - Побойтесь Бога, говорю, не нужна мне ваша Москва!
- И напрасно, неожиданно горячится он, я скоро уйду. А тебе освоиться помогу! Вот получу звание заслуженного работника культуры, и на покой! Время есть, подумай... Всё равно мы с Григолом не срабатываемся.

Тут он не лукавил: с Григолом Абашидзе, тогдашним председателем грузинского писательского союза, они, сказать мягко, не сдружились.

Нодар Думбадзе, бывший одним из секретарей писательской организации, завидев меня, вернувшегося из Москвы, зазывает в кабинет и спрашивает, надумал ли я переезжать, а то Григол обижается: доверие оказываем, а Даниил нос воротит...

Дожал меня Цыбулевский. Был в Тбилиси такой поэт, настоящий, самобытный, по большому счёту так и ушедший недооценённым, не дожив до пятидесяти. А для меня навсегда остался учителем, духовным наставником.

– Знаете, Даня, есть интеллигентское заблуждение, будто, оказавшись на конкретной должности, неплохой человек может сделать много доброго, – убеждал он. – Мне почему-то кажется, что это не такое уж заблуждение, – продолжал Цыбулевский. – Вы, судя по всему, мало искушены в номенклатурной жизни, но, по крайней мере, зла не сделаете. Можно, конечно, руки умыть, однако, поверьте, люди вашего склада не всегда такой шанс получают... А – нынешний – всё равно уйдёт.

Предшественник мой, человек истеричный, по рассказам, влипал в неприятные истории и скандалы, связанные с интересом к юношам, и, кто знает, если бы не был в бериевские времена секретарем партбюро КГБ Грузии и не занимал бы потом номенклатурные должности, чем бы это тогда для него кончилось.

– Ну и кубло там у вас, писателей! – прокомментировал ситуацию мой далекий от литературы тбилисский родственник.

Вскоре я узнал степень искренности прежнего консультанта. Когда он меня уговаривал, я думал: обещает помогать, хочет сохранить своё влияние. Можно было понять. Но столкнулся я с куда более изощрённым иезуитством.

Григол Абашидзе привез меня в столицу.

Сижу в «предбаннике» у секретаря союзного СП Верченко, жду. Абашидзе выглядывает хмурый:

– Из грузинского ЦК звонят, вы повезли консультанта в Москву, а нам из КГБ сообщают: по некоторым сведениям, Чкония намерен подавать на выезд в Израиль... Ну, я, – возмущается Григол, – объяснил им, чьи тут связи работают! Настоял!

На всякий случай, подстраховываясь, московские начальники порешили, что пока с жильём и пропиской ясности нет, поселить меня в общежитии родного моего Литинститута и принять не на постоянную, а на временную работу.

Давид появился в моей комнате неожиданно. В дверь постучал и, не дождавшись ответа, уверенно распахнул:

– Пришёл представиться! – И называет себя.

Понаслышке я о нём знал: такой же полукровка с грузинской фамилией, пишет стихи, пробует переводить грузинских поэтов... Вылезаю из постели, извиняюсь, дескать, простыл немного, но, всё равно, пора на работу собираться.

- -А что, у консультанта нормированный рабочий день?
- Вообще-то да, отвечаю.
- Дэ, мне это не подходит...

Я улыбаюсь про себя, вслушиваясь в его совсем не грузинские интонации – тбилисские русские интонируют иначе. Даже удивительно, что, живя в одной из южных областей, он всё же как-то по-кавказски интонирует.

– Возможно, – говорю, – но я с двенадцати начинаю работать, так что жаловаться грешно.

- С двенадцати, дэ? Завтракать пора? Чайник есть?
- Чайник есть. Но сейчас много времени, на работе позавтракаю, вы уж извините...
- А, слушай, чего извиняться! Мы с тобой грузины? Земляки? Мы должны вместе держаться! Ты умывайся, а я бутерброды нарежу... И запросто мой продуктовый шкафчик открывает.

Выяснилось, что Давид приехал поступать в аспирантуру и живёт в общежитии двумя этажами выше. Планы у него грандиозные: женитьба на состоятельной москвичке с квартирой, диссертация, членство в Союзе писателей, дача в Переделкино, автомобиль «Волга». Он просто шутит, кажется мне, но вскоре понимаю, Давид убеждён: всё так и будет.

– Говоришь, нормированный рабочий день? Мне это не подходит... – размышляет он.

Так у меня завёлся странный приятель. И никто не спрашивает, нравится это мне или нет. «Мы, земляки, должны друг другу помогать!»

Признаться, вёл я себя нехорошо. Увидев в окно, что он идёт по уютному дворику соллогубовской усадьбы, в которой размещалось правление союза, я начинал шататься с праздными разговорами по кабинетам своих коллег, и он, не дождавшись моего возвращения, оставлял на столе записку.

Помню, вхожу осторожно в нашу рабочую комнату, вздыхаю облегчённо, гостя уже нет, и читаю записку: «Вечером зайду. Есть дело!»

В общежитие я в тот день добираюсь в начале первого ночи. Укладываюсь. Вдруг кто-то стучит, негромко, но настойчиво.

У нас это со студенчества водилось: хоть в два, хоть в три ночи ввалиться, хлеба попросить, машинку пишущую, да мало ли чего... Тем более жена с дочкой – у своих родителей, ждёт, пока наш квартирный вопрос так или иначе разрешится. Никто со мной не церемонится. Старшекурсники – свои люди, ещё в пору, когда я институт заканчивал, они на первом-втором курсе учились.

Впрочем, по манере стучать Давида сразу узнаю. Неохота открывать, а он из-за двери с укором говорит:

– Земляк, девочку привёл, дэ? Нехорошо девочек от друзей прятать?

Делать нечего, открываю дверь. Стоит, улыбается:

- Ты мою записку читал?
- Какую записку? удивляюсь я, понимая, что ненатурально удивляюсь. Он отодвигает меня из дверного проёма, входит и зажигает свет.
 - Почему не спрашиваешь, какое дело?
- Hy, какое дело? я начинаю натягивать спортивные штаны.
 - С тебя бутылка! улыбается Давид. У меня книжка вышла. Он помахивает сборничком стихов.
 - Поздравляю! Так это с тебя причитается!

Он покачивает головой, удивляясь моей непонятливости:

- Слушай, мне утром с проводником пять первых экземпляров прислали? Я днём в редакции был? Договорился, что ты рецензию напишешь. В понедельник я рецензию отнесу, прямо в очередной номер поставят!
 - Послушай, как же так, я не готов...
- Э! Мы разве не земляки? Ты меня не благодари! Помогать друг другу надо? Считай, я тебе публикацию устроил! Гонорар получишь! С тебя бутылка, дэ?

От журнала, в который собирается пристроить рецензию Давид, в те годы дурно попахивало! Да и стихи, которые он навязчиво читал, меня в восторг не приводили. А Давид и без того обижается, что я не слишком настойчиво предлагаю его услуги поэта-переводчика грузинским авторам...

- Может, под псевдонимом? с подленькой трусостью пробую найти лазейку.
- Старик, ты же консультант! Нужна твоя фамилия, а не какой-то там псевдоним! Я сегодня послал в областной союз писателей заявление о приёме, так что рецензию нужно напечатать поскорей!

- Консультант... э-э... это чиновник... Тебе нужен известный поэт! отбрыкиваюсь я.
- Старик! Не надо скромничать! А я тебе, как грузин грузину, рад помочь!
- Спасибо, с идиотской растерянностью говорю я, но со временем туго...
- Ничего, старик, ты работоспособный! А я отмечу строки, которые надо цитировать.

Ну уж нет. Этого ещё недоставало.

- Оставь книжку, нужно сосредоточиться... проклиная свою слабохарактерность, взмаливаюсь я.
- Хорошо, старик! Я пошёл. У тебя два дня... А я думал, ты девочку привёл! разочарованно покачивает головой Давид. Девочек от друзей не прячут, дэ?
 - Каких девочек!
- Старик, ты должен меня с кем-нибудь познакомить. К тебе приходят поэтессы, переводчицы... Кавказские люди должны друг другу помогать!

Я не выдерживаю и начинаю противно хихикать, хотя, понимаю, что несу полную чепуху:

- Давид, поэтессы, как правило, страшилы! Тебе в общежитие ВГИКа надо!
 - Ладно, об этом мы ещё потолкуем!

Рецензия на сборник Давида вышла. Сказать по правде, никто из друзей, перед кем за неё было бы неловко, рецензию даже не прочитал. А в Союз писателей областная организация его приняла. И довольно быстро. Похоже, наполеоновские планы начинали сбываться.

Он оброс московскими знакомыми и теперь заходил реже и реже, чему я был очень рад. Случалось, я не видел Давида по нескольку дней кряду, так что уже перестал затравленно вздрагивать, услышав чьи-либо шаги на своём этаже.

Человек пробивной, Давид, в конце концов, обошёлся без меня, дожал издательских редакторов, получил заказ на переводы. И я стал ему неинтересен. Иногда он при встрече издали

помахивал рукой, если оказывался ближе, не без иронии замечал, мол, всё служишь, бедняга... А я, как и полагал, начальникам московским не показался: понятно, консультант, как я уже говорил, должен быть своим человеком.

Прошло чуть больше года, и – с долгами за взнос в московский жилищный кооператив, а госжилья мне так и не дали, – я оказался свободным художником. Давид меня даже кивками не удостаивал: что ж, он, как и я, – в очках, человек близорукий... Впрочем, мне, слава Богу, ума хватило на то, чтобы раньше разобраться, кто из многочисленных приятелей меня привечал, а кто – мою должность, и, надо сказать, мало в ком ошибся.

Время шло, дела мои как-то образовались, стал я в том же писательском союзе работать в литературной консультации, место с номенклатурной точки зрения, незначительное. Как-то открывается дверь, входит Давид и чуть не целоваться лезет:

- Старик! Сто лет не виделись! Ты как себя ведёшь? Совсем пропал! Понятно, москвичом заделался! С друзьями по общежитию встречаться не хочешь, дэ? На новоселье не пригласил. Брезгуешь провинциалами?

Я от такого напора растерялся, стал оправдываться, мол, вовсе не заношусь, просто очень занят.

– H-да, занят... А в ЦДЛ при встрече делаешь вид, что плохо видишь! Нехорошо, старик, нехорошо. Мне бы возмутиться: кто же кого не замечает, но я оправ-

Мне бы возмутиться: кто же кого не замечает, но я оправдываюсь, а он жалуется: и с женщинами не везёт, и с аспирантурой неладно, и переводов не дают... Вот и друзья – Давид с укором смотрит на меня – в беде помочь не хотят. Короче, как грузин грузину, я обязан давать ему рукописи на отзыв...

А ведь знаю, Давид уже, увы, заработал репутацию не вполне профессионального человека: что он может другим в отзывах насоветовать? Помучился я с ним, пока Давиду самому не надоело переделывать рецензии в соответствии с моими замечаниями.

На счастье начался у него роман с одной дамой, засветил брак с пропиской. Дама, скажем так, неюная, старше Давида

на полтора десятка лет, но при деньгах и при должности. А тут – обожатель, бедный, неустроенный поэт. И Давид опять исчез с моего горизонта.

Я о нём уже и забыл.

Со временем стали до меня странные слухи доходить. То рассказывали, будто я в пьяном виде к одной критикессе в дом ломился, то будто бы взял у известного поэта-песенника четвертной в долг и не возвращаю, то якобы вынул душу у редактора одного провинциального издательства, требуя заказов на перевод, да работу выполнил так, что пришлось другому переводчику перезаказывать... Что за чёрт, думаю! С критикессой шапочно знаком, и даже не знаю, где живёт. Песенника знаю: бывало, в писательской книжной лавке он меня выручал, но на этот раз именно он мне должен, правда, не четвертной, а только червонец. Да и с издательством, о котором шла речь, дел сроду не имел!.. Мялся я, мялся, но к критикессе подошёл, мол, недоразумение выяснить хочу... Она, как поняла, о чём речь, смеяться стала:

– Да это ж не ты! Это Шония, дурак, оказался на банкете, куда, кстати, его не приглашали! Напился, потом навязался провожать, стал приставать в подъезде. Я его в квартиру не пустила, так он давай стучать, всех соседей переполошил. Уже и не помню, кому из подружек пожаловалась, вероятно, перепутали ваши имена...

Должник мой тоже рассмеялся, извини, говорит, завертелся, держи червонец, а четвертной, точно, твой земляк мне должен, но при встрече очень уж близоруко щурится...

На работе сотрудникам ситуацию пересказываю:

- Неужели трудно различить: Чкония и Шония, Даниил и Давид? неуверенно вопрошаю я.
- Понимаешь, успокаивают, всё-таки сходство близкое, но главное... как тебе сказать... Ну, в общем, вы с ним и внешне чем-то похожи! И на другой же день захожу в одну журнальную редакцию и встречаю Давида. Приглядываюсь: физиономия смесь еврейской с грузинской, лысина, очки... Забегаю в

туалет, смотрю в зеркало... Никогда комплексами не страдал, известно: мужчина должен быть чуть симпатичней обезьяны. Случалось, меня в ресторане ВТО с Александром Шалвовичем Пороховщиковым путали! Однажды подвыпивший – царство ему небесное! – Солоницын на выходе из ВТО, обиженно упрекнул меня: «Ты чего не здороваешься!..» Пришлось объясняться... А тут взглянул на себя в зеркало, вижу сходство с Давидом, и сам себе противен...

Как-то перекинулся словом с братьями Дадашидзе, поэтами-бакинцами, знаем, говорят, он и нас раздражает.

Оставалось чертыхаться, да и только! Но стоило дойти до меня очередному слуху, будто я где-то набезобразничал, утром бриться не хотелось, чтоб в зеркало не глядеть.

Шли годы. Давид, так и не пристроившись в Москве, давно уехал домой. Что-то он иногда печатал в своих областных изданиях, но больше пил, чего ни еврейская родня, ни грузинская простить ему не могли.

Иногда он приезжал в Москву, мелькал в редакциях, в писательском ресторане, вечно умудрялся с кем-нибудь поскандалить...

Однажды, после какой-то литературной дискуссии в Малом зале ЦДЛ, совсем ещё молоденькая московская стихотворица решительно отказалась от приглашения Давида провести остаток вечера в его гостиничном номере. Но зато охотно пригласила поэта В. к себе в гости. Вертясь возле неё, Давид услышал их разговор и через некоторое время дал волю своему чувству мести. Он позвонил на домашний телефон удачливого соперника, не постеснялся представиться и доложил супруге поэта, где и с кем находится её муж. Когда тот, бедняга, явился домой, жена закатила скандал. Поэт отбивался, уверял, что это какой-то злой шутник или неизвестный недоброжелатель, на что женщина возмущенно вскипела:

– Как же, неизвестный! Он даже фамилию свою назвал, эту... как её... грузинскую...

- Чкония, что ли?.. недоверчиво переспросил он.
- Во-во! обрадовалась женщина.

На моё счастье, я был в отъезде, что обеспечило мне алиби. Когда вернулся в Москву, жена сказала, что поэт В. уже несколько раз звонил и спрашивал меня. Я удивился, общались мы мало, хоть и относились друг к другу вполне уважительно. Зачем я ему понадобился? Набрал номер.

В голосе В. сквозила неуверенность. Он пересказал мне эту историю.

Я возмутился:

- Меня в Москве близко не было, ты же мне сам домой звонил!
 - Да я уверен, что ты такого не сделал бы... Но вот жена...

И тут меня осенило:

- Дай-ка ей трубку!
- С ума сошёл! Слава Богу, утихомирилась...
- -Дай!-говорю.

Слышу, зовёт жену. Препираются, но В. настаивает. Наконец, женщина взяла трубку. Спрашиваю:

- Вы помните голос негодяя, который вам звонил?

Она поняла, о чём речь, заколебалась...

-А, скажите, акцент у него был?

Я-то знаю, у меня если и есть акцент, то скорей украинский или южнорусский. И тут жена В. говорит:

- Правильно, не ваш голос... И какой-то акцент у него!
- Давид Шония?
- Точно, Давид! Шония! Ой, извините меня!..

И тут я, приходя на помощь поэту, стал объяснять его жене, что это за тип такой, Давид Шония, обозлённый неудачник, сплетник, клеветник... Похоже, я был убедителен: женщина оттаяла.

С мужем её мы с тех пор приятелями стали.

После долгих моих просьб перевели меня из литконсультации в издательство «Советский писатель», в редакцию поэзии

народов, где я редактировал переводы стихотворных книг авторов из кавказских и закавказских республик. И однажды зимним вечером Шония опять вспомнил обо мне:

– Старик! – пьяным голосом орал он в телефонную трубку, – земляков забываешь? Поздравляю с новой должностью! Я послезавтра вылетаю в Москву, с гостиницей что-то не получается, а ведь я у тебя ещё ни разу не был! Надо же твоё назначение отметить, дэ?

Моя физиономия отражалась в темном оконном стекле, и смотреть на неё было тошно.

- Давид, стервенея, сказал я, тебе нужно завести парик.
- Какой парик? удивился он.
- Тебе не нужно носить очки. У меня есть блат в фёдоровской клинике, тебе сделают насечки, и ты выкинешь очки! Или подберут контактные линзы!
 - Старик, удивился он, я не понимаю...

Но я уже не мог остановиться:

- С именем ты ничего не поделаешь, но фамилия твоей еврейской мамы тебе подойдёт! Здорово получится. Я с фамилией своей грузинской мамы, а ты своей еврейской!
 - Старик, ты шутишь, дэ?
- Не шучу! Надоело! Я из-за тебя вечно оправдываюсь! И перестань приставать к бабам! С такой рожей к ним ближе чем на десять метров подходить не стоит! я швырнул трубку.

Давид толком ничего не понял, обиделся. Меня это устроило. Хотя, признаться, через день, заслышав дверной звонок, я чуть не ползком крался к глазку. С него сталось бы как ни в чём не бывало явиться в гости.

Летом мы поехали – тогда ещё не подозревая, что в последний раз, – в Дом творчества на Пицунду. Первым, кого я увидел, был Давид. Он шёл навстречу об руку с молоденькой миловидной женщиной. Кинулся обнимать меня, стал с ней знакомить. Она доверчиво и с явным интересом протянула руку. Он тараторил, объяснял, что мы старые друзья, лихо за-

ливал, какой я известный поэт и влиятельный редактор, проще сказать, врал отчаянно, то ли жлобски льстя мне, то ли желая вырасти в её глазах – вот, мол, с какими людьми он знается. Отшить его, разочаровав женщину и обидев её, я не мог.

- Старик! Есть о чём поговорить, похлопал он меня по плечу, мы вечером зайдём! Ты на каком этаже живешь? И они двинулись к пляжу.
- Надеюсь, ты ему назвал свой номер? с холодной иронией спросила меня жена.

А дело в том, что тогдашним летом литфондовское начальство сказочно расшедрилось. Нам выделили два номера: жене с детьми – трёхместный, чтобы отдыхали, а смежный отдельный – мне, чтобы делал вид, что работаю. Вот жена, которая, хоть и видела этого типа впервые, но достаточно о нём наслышанная, потребовала избавить её от малоприятного общения.

- И человек сомнительный, и внешне какой-то несимпатичный!
 - Да? осторожно спросил я и бросил взгляд в зеркало.

Пересказывать, во что превратились наши последующие дни, не буду. У Давида начался запой. Он звонил – почему-то среди ночи, – требуя сочувствия и понимания. При этом путался в номерах и попадал в комнату моей семьи. Я то по-хорошему уговаривал его, то резко прекращал разговор, требуя оставить нас в покое. Он вдруг начинал ходить по этажу в три часа ночи, стучать соседям в поисках моей комнаты, потом со слезами жаловался мне:

- Мы же земляки!

После очередного ночного звонка я оделся и пришёл к нему в номер. Он сидел на кровати в чём мать родила, с исцарапанной мордой, пьяный, в слезах. «Обезьяна!» – подумал я, вспоминая, как джазовый критик Бруно стоял перед нагим и обкурившимся Джонни-саксофонистом из моей любимой повести Кортасара «Преследователь». Только Джонни, списанный с великого Чарли Паркера, был гений, не перенесший тяжести своего дара, но способный нести людям пронзительную боль и мучительную красоту своей музыки. А этот?

Размазывая пьяные слёзы, он жаловался:

- Сука, обругала меня импотентом! И спит с этим ... он назвал жившего этажом выше писателя-узбека. Я её привёз, я заплатил за путёвку, плакался Давид, а она меня бросила. Я её и выставил вместе с тряпками.
 - Так выставил или бросила? уточнил я.
- Выставил! А она сразу побежала к чучмеку! А приехала со мной, дэ? А мужу сказала, что едет по профсоюзной путёвке...

Дальше я этот бред не слушал. Только, не скрывая своей брезгливости, сказал, чтоб он оставил меня в покое.

Два дня спустя, наплававшись, я поспешил вслед за женой и детьми на обед. Рядом, складывая на ходу сумку с книгой и полотенцем, торопилась знакомая писательница-ленинградка.

- Даня, я ничего не понимаю! Людмила, она кивнула в сторону своей симпатичной землячки, загоравшей поодаль, только что сказала, мол, ты устраиваешь пьяные скандалы с какой-то бабой, которая приехала с тобой, а теперь сбежала к узбеку!.. Я объясняю, что ты с семьёй приехал, а она уверяет, что сегодня во время завтрака за их столиком тебя обсуждали, и удивляется: твою книжку листала, мягкая такая лирика, а в жизни автор мурло!..
- Господи, взмолился я, пропуская собеседницу впереди себя на дорожку, ведущую к корпусу, это же какое-то проклятие! Шония его фамилия! Шония! Давид! Я живу на одиннадцатом этаже с семьёй, а он со своей дамой никак не разберётся на седьмом!
- Ну, слава Богу! Я же говорила... Но этот твой, Шония, говоришь? ну-у, негодяй! Позвонил домой мужу своей подружки, сообщил, что она живёт в Доме творчества с писателем из Узбекистана...
 - Как позвонил?!
- Да прямо с телефона дежурной! Она твоему Шония толкует, дескать, у дамы есть путёвка, и по вашему капризу никто гостью выселять не станет... В это время дежурную отвлекли, и твой Шония прямо с её телефона и позвонил.

- Что ты заладила: «твой Шония, твой Шония», меня от него тошнит. Надо же, позвонил!.. Совсем оскотинился! вскипел я и вдруг услышал:
- Старик! Бросил земляка в беде? он появился сбоку, со стороны обросшей зеленью беседки.

И я ударил его...

На этот раз мне не довелось ничего слышать о Давиде года три.

И вдруг он звонит. Явно навеселе, в хорошем расположении духа:

- Старик! Я женился! Мы же друзья, не держи на меня зла! Буду в Москве, познакомлю с женой.
 - Поздравляю, суховато-растерянно мямлю я...
- Старик! Ты где работаешь? Я тут собрался издать книгу в Москве.
- С луны свалился, посмеиваюсь беззлобно, кому нынче стихи нужны? Так, сучим ножками по привычке, поскольку ничего путного делать не умеем... Меня уже почти приняли шофёром на «Пепси»! У них, видишь ли, когда американский шеф в Москву прилетает, требует, чтоб водитель хоть с каким-то английским был... Но вот, словно бы оправдываюсь я, повезло, по конкурсу в аппарат Госдумы попал, так что работаю консультантом в Комитете по культуре...
- Старик! Тебе не стыдно? С тебя причитается! Я надумал перебираться в Москву, ты мне по своим каналам это устроишь!

И сколько я ни пытаюсь объяснить ему, что это только звучит громко – консультант аппарата, не депутат же! – Давид упрямо названивает мне. Вечно поддатый, он звонит в половине первого ночи и морочит мне голову своими планами, не забывая приговаривать, дескать, мы же земляки. И опять я возмущаюсь, сколько же можно по ночам звонить, а он объясняет, что знакомая телефонистка в это время соединяет его с Москвой бесплатно...

– Старик! Светлов говорил: дружба понятие круглосуточное! – укоряет он меня.

Собравшись в эмиграцию в девяносто пятом, я ему об этом даже не обмолвился. И уж о ком больше не вспоминал, так это о Давиде.

Год спустя после переезда в Германию, предложили мне редактировать литературное приложение к одной русской газете. Как-то позвонил незнакомый автор откуда-то из южной Германии, сказал, что хотел бы прислать стихи и пару рассказов. И вдруг спросил:

– А вы своего земляка Шония знаете?.. Мы тут с ним в общежитии познакомились: занятный человек, доложу вам, с тараканами...

Я похолодел. Давид в Германии! Скоро услышу про себя, что по пьяному делу бездарно приставал к немецкой фрау, сквалыжничал в социальном ведомстве, скандалил в какой-нибудь редакции... Хоть объявление давай: мол, литератор Даниил Чкония не имеет никакого отношения к литератору Давиду Шония...

И однажды зазвонил телефон.

– Старик, – услышал я знакомый голос, – ты, говорят, здесь большой начальник? С тебя причитается! Высылаю стихи, напечатаешь в своём приложении!

Через неделю он позвонил снова:

– Старик, я передумал: не буду высылать стихи по почте. Я решил, что раз могу остановиться у тебя в Кёльне, то в субботу выберусь! Отметим встречу, дэ, мы же земляки!..

Я пошел в ванную и с ненавистью поглядел в зеркало...

В субботу он не приехал. В воскресенье – тоже. И я вздохнул с облегчением.

Боже мой, подумал я, что за человек! Пустой, никчёмный, опустившийся... Сколько от него у людей неприятностей, сколько обид! Зачем он вообще существует! И почему присутствует в моей жизни почти четверть века?

Четверть века!.. Мы были молодые, строили планы, чего-то хотели, на что-то надеялись... Но судьба у каждого своя...

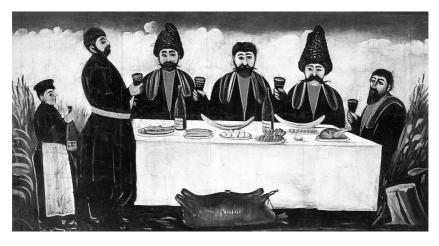
А через пару дней позвонила незнакомая женщина, спросила меня.

– Господин Чкония? Меня соседи попросили сообщить, что ваш знакомый Давид Шония умер. От инфаркта...

Она говорила что-то ещё...

Я её не понимал, не слышал...

Я плакал.

Нико Пиросманашвили (Пиросмани), «Кутеж четырех горожан»

ПСатьяна UBЛЕВА Эссен

Мой брат

1

Вглядись в лицо моё чужое...

Эльза Ласкер-Шюлер

Мой брат, гляжу в лицо твоё чужое – На нём вражды и тёмной смуты след... Чужою волей и чужой межою Расколот на осколки белый свет! Мой брат! Не будем ждать, когда беда Заставит в горе нас объединиться. Давай же мы вглядимся в наши лица! Давай вражду погасим навсегда.

Мой брат, не будем ждать, когда беда...

2.

В час кровопролитий и амбиций Всё горит и рушится кругом. Каждый третий стал братоубийцей, Каждый первый – яростным врагом. Тычет в спину дуло автомата, А к груди приставлен чей-то нож... Каждый братом звался мне когда-то И на человека был похож.

* * *

О время наше, бег твой быстротечен, И оглушителен твоих событий шум... Вдыхаю горький дым былых отечеств, Их поражений пепел ворошу.

Не учит время опытом былого, Хотя свежо предание о том, Что на Земле был Рай. И Бог. И Слово. И был Потоп. – Но это о другом.

* * *

Не найти никого – днём с огнём, Кто сродни был бы ясному свету. В неизбывной печали о Нём Бог во тьму повергает планету.

Светоч гаснущий сводит с ума, Исчезают последние блики... Но чем гуще грядущая тьма, Тем светлее античные лики.

Уличный музыкант

Чёрно-бархатные брюки, Чёрно-шёлковый жилет! Он берёт гитару в руки – Обертон и флажолет... Ахнет площадь: что за пара! Фантастический дуэт – Эта певчая гитара, Этот шёлковый жилет!

Дно потёртого футляра
Покрывает слой монет
Слишком жидкого навара –
Даром был хорош дуэт...
В спину лупит дождь несносно.
Кончен бал. Погашен свет.
Но сверкает судьбоносно
Чёрный лак его штиблет!

Прогулка

Соседка с собачкой идут по проулку: Соседка собачку ведёт на прогулку. В изящной перчатке соседки рука Уверенно держит кольцо поводка.

За ними шагаю и я по проулку: Я с тенью своей выхожу на прогулку. И тоже в изящной перчатке рука, Но тень моя движется без поводка.

Старинное

По́лно, не усердствуй, Не ходи угрюм – Не прикажешь сердцу, Не обманешь ум.

Не любовной болью И не колдовством – Крепче уз любовных Связаны родством. Не почую дрожи Под твоей рукой – Мне всего дороже Воля и покой.

В пик бессонной ночи Вдруг поймёшь – права: Наших одиночеств Ближе нет родства.

Mamma mia

Матта тіа, Александра – Как была ты хороша: Королевская осанка, Волонтёрская душа! В праздник песни заводила, Семиструнною звеня... Матта тіа! Как любила – Жизнь, гитару и меня...

Райские яблочки

Не доро́гой брела – обочиной, не в строю, а так – стороной... Грызла яблочки с червоточиной, щедро взращенные страной. Ах, страна – сторона восточная! Дым отечества. Гарь и чад. Райских яблочек червоточины до сих пор на губах горчат.

Не спрашивай

Не спрашивай, откуда горечь слов? Об этом я не ведаю сама. Где безмятежность юношеских снов? Где цвет кудрей, что всех сводил с ума? Не спрашивай! – Клонится голова От горьких дум и от дурной молвы. Стою и ни жива, и ни мертва, С глазами цвета выжженной травы. Господь другого мира нам не дал Мечтой напрасной разум поманил. А век-торгаш нас в розницу продал И душу на удушье подменил. Везде, куда ни глянь, одно и то ж: У власти прощелыга держит кнут, А если кто-то на Христа похож, То продадут его или распнут. Не спрашивай! Как ураган степной, Ответ хлестнёт жестокой правдой слов -Внезапный, будто выстрел за спиной, Тревожный, будто звон колоколов.

Кураж

Судьба... Пальба...

Незримой власти блажь.

В дыму всемирных битв

и катаклизмов

Отважно тянет

матушка Кураж

Свою повозку

по ухабам жизни.

Œлена **Ж**АНН Хайнсберг

В этом году Елена Ханн была номинирована на национальную литературную премию «Писатель года 2014». Поздравляем!

BA

РУССКИЙ МАГАЗИН

Мне нравится иногда захаживать в маленький магазинчик, который у нас, в немецком городе Х., называют «Русским». Хотя точнее бы было его назвать «Советским». А ещё вернее – «Дефициты»...

Вот знакомые с детства сине-белые зигзаги на банках сгущенки. Вот – «Печень трески», «Горбуша» и даже «Завтрак туриста». Банки свиной и говяжьей тушенки, не обремененные бумажными этикетками, как и в старые добрые времена...

Стеклянные банки с баклажанной икрой. Впрочем, не только «заморской», но и всякой другой икры навалом: хочешь – в баночках, хочешь – на развес. А вот соусы – майонез «Провансаль», «Аджика», а рядом, в стеклянной баночке, что-то помидорно-чесночное с надписью «Хреновина».

А вот лежат бурые куски хозяйственного мыла. Рядом – суконные боты, которые моя бабушка называла «Прощай, молодость!».

– Дочка, а соль за семь копеек кончилась, что ли? – спрашивает продавщицу бабушка в цветастом платочке. Она привыкла так называть крупнозернистую бурую соль с несъедобными примесями в грубой бумажной упаковке. Сейчас такой товар стоит одно евро, его раскупают, чтобы солить огурцы. С чистой немецкой солью так вкусно не получается.

Вот индийский чай. Чтобы покупатели не докучали продавцам одними и теми же вопросами, на упаковке крупно написано: «Тот самый индийский чай». А на обертках «Пломбира»

и «Лакомки», наваленных кучей в прилавке-холодильнике, тоже уточняется: «Вкус, знакомый с детства».

Я покупаю в русском магазине молочные шоколадки «Аленка» – с милой девочкой в платочке на обложке. И еще конфеты – «Мишка на севере», «Петушок – золотой гребешок».

- Света, у вас пельмешки сегодня в ангеботе? спрашивает женщина с корзинкой.
- Нет! В ангеботе у нас сегодня хакфляйш! бодро отвечает продавщица. Это означает, что на пельмешки сегодня скидки нет, зато есть на мясной фарш.

Напитки – какие хочешь. Квас, «Тархун», «Чебурашка», «Буратино». А вот пиво «Жигулевское», а рядом – вобла...

Товаров много, и народу в магазине всегда много. Даже очереди иногда выстраиваются. Все как тогда. А вообще-то, многие заходят в магазин не только что-то купить, а просто потолкаться среди своих, поболтать по-русски. Чужие здесь не ходят.

Однажды, выбирая пельмени, я посмотрела, кто же их производит – неужели из России везут? Ага, очень им надо так далеко транспорт гонять – сибирские пельмешки в Мюнхене лепят. А «Хреновину» из Брауншвейга привезли.

Впрочем, какая разница! Ведь главное, что это – «ВКУС, ЗНАКОМЫЙ С ДЕТСТВА»...

СЕКРЕТ МОНИКИ ШТАЙН

Карл, одноклассник и давний приятель моего мужа, внешне напоминал актера Александра Филиппенко в роли Азазелло из «Мастера и Маргариты» – лысый, с горящими глазами и бездной обаяния. Карл много путешествовал и, наверное, уже не осталось ни одной страны, где он не был. Он часто захаживал к нам домой с бутылкой хорошего вина, и незаметно пролетал вечер за увлекательными разговорами.

Карл приходил всегда один. Хотя какие-то романы у него были – но ни одна из его подруг долго с ним не продержалась. Планов завести семью, да и вообще связать себя постоянными отношениями у него никогда не было. Карлу уже перевалило за пятьдесят, мы записали его в старые холостяки и перестали спрашивать, не собирается ли он обзавестись семьёй. Тем более что задать вопрос о женитьбе значило бы обречь себя на длинную и скучную речь о проблемах, связанных с браком. Из интересного собеседника Карл сразу же превращался в зануду и мог целый час ныть, перечисляя проблемы, которые сваливаются на женатых людей.

– Вот сейчас у меня маленькая съёмная квартира, – говорил Карл. – В любой момент могу её запереть и отправиться куда угодно. А если был бы собственный дом? Ой-ёй-ёй! Сколько с ним мороки! Да если ещё и с садом? Представляете – пауки всякие в дом лезут... Фу!

Но однажды он пришел к нам не только с бутылкой, но и с молодой женщиной.

- Это Моника, моя жена! торжественно объявил он, откупоривая бутылку шампанского. Мы выпили за молодых, и я спросила, когда они планируют пополнение в семье. Карл нахмурил брови и произнес:
- Ребенок это большая ответственность! Детей же надо воспитать, дать образование... Представляешь, мой ребенок еще и школу не успеет закончить, а мне уже будет за семьдесят! Старый и больной папа. Нет-нет! Кошмар! он посмотрел на жену и добавил: Моника со мной согласна!

Моника кивнула и расплылась в улыбке.

Через год у них родился Максимилиан. Карл прислал нам его фото. Самого Карла мы видели редко: он занялся постройкой дома. Однажды, появившись на несколько минут в мой день рождения, он объявил, что у Максимилиана понос и надо скорее бежать домой, а то Моника всю ночь не спамши.

– Вот скоро достроим дом, приглашу вас на новоселье, тогда пообщаемся, – сказал Карл, и на мой вопрос, как он себя чувствует, только махнул рукой: «Радикулит совсем замучил!»

Больше года мы не видели Карла. Однажды он вдруг появился. Блестя глазами и улыбаясь, он протянул мне конверт.

- Ты достроил свой дом? На новоселье приглашаешь? попыталась угадать я.
 - Открывай скорее конверт-то! закричал Карл.

Я заглянула в конверт. Там была фотография младенца.

- Это Зигфрид! гордо изрек Карл. Ему уже 10 дней!
- Ого! Ещё один! Поздравляю! А сам-то ты как? спросила я.
- Радикулит замучил... весь сияя, ответил он.

На новоселье Карл и Моника нас тоже вскоре пригласили. Дом был великолепный – просторный и светлый, окруженный большим садом.

Когда Моника, слегка располневшая, но очень красивая, подошла ко мне поболтать, я решилась спросить её о том, что давно уже обсуждали все друзья Карла и что до сих пор оставалось загадкой.

– Слушай, Моника... – начала я. – Как же тебе удалось женить нашего Карла? Он ведь был таким противником брачных уз. И детей не хотел. Собственный дом – тоже не хотел. Категорически. И вот... У тебя есть какой-то секрет?

Мы обе посмотрели на Карла с Зигфридом на руках и Максимилианом, ползающим у его ног.

- -Секрет? -удивлённо переспросила Моника. -Да нет никакого секрета. Ну, может, Карл и не хотел жениться... Так я его и не спрашивала, хочет он или нет. Если спросишь он сомневаться начнёт, думать. Он ведь нерешительный, везде у него проблемы, проблемы. А я просто выбрала день в субботу у нас выходной, и сказала, что мы идём жениться. Назначено на 12 часов. Вернее, сначала заявление подавать. Он что-то сказать хотел а я говорю: «согласна быть твоей женой». Поцеловала в щёку и ушла купить платье к свадьбе. Вот и всё. А когда поженились, я решила, что первый ребёнок должен родиться через год, а ещё через полтора второй.
 - И он был не против? удивилась я.
- Не знаю! ответила Моника. Я же не спрашивала! Просто перестала таблетки принимать...

56

Сергей ФРАНОВСКИЙ Вупперталь

* * *

Как тетива натянутого лука, Звенела ночь про смерть и про любовь, Которые приходят к нам без стука, Врываются от века вновь и вновь.

Приходят так, как будто званы были. Приходят, как вне расписанья поезда, Туда, где мы когда-то вместе жили И больше жить не будем никогда.

Прощай, моя любовь, что может быть банальней, Страшнее, чем «прощай», есть только пустота. Там плачет старый пёс с глазами нет печальней. Отныне навсегда он круглый сирота.

Но сквозь беду, сквозь камень, дым и пепел, Который шелестел, гонимый сквозняком, Зажёгся день седьмой. Он ясен был и светел. Светись, воскресный день, сегодня, а потом Наступит день другой, и ночь придёт другая, И станет ясен смысл того, что больше нет. И будет жизнь лететь, обрывки лет листая, Растаяв под конец, как самолёта след.

Не жми на тормоза, пусть будет то, что будет. На разных поездах уедем налегке. Любовь моя, прощай. Нас только Бог рассудит. И ветром разнесёт все замки на песке.

Август

Кукушка кукует надрывно, А, может быть, песню поёт Про лето в настое полынном, Про счастье у чьих-то ворот.

А может, не песню, а годы Считает, как будто «на бис», По рекам плывут пароходы И тянутся яблони вниз.

Успением кончится лето. Укроет туманом леса. И краски Успенского света, Растаяв, уйдут в небеса.

*** Маме

В то далёкое, жаркое лето Белым дымом над спящей страной Век двадцатый, исполненный света, Уходил в горизонт голубой. Уходил навсегда, расставался С тем, что было навеки родным. И стирался твой облик, стирался, Становился едва различим.

Но однажды, так будет, я знаю, Через тысячу огненных лет Я узнаю, увижу, узнаю Тот таинственный сумрачный свет. И опять, как в то жаркое лето, Белый дым над пространством любви. И об этом, об этом, об этом Будут петь за рекой соловьи.

* * *

На окне седая кошка сидит, В переулках что-то ветер бубнит, Время тихо утекает в песок, Мне на север, а тебе на восток.

На востоке бедуины живут, На верблюдах по пустыне плывут, Над пустыней только звёзды и Бог, Мне на север, а тебе на восток.

Мне на север, а тебе не туда, Там моря, а здесь в болоте вода, Там штормит, а здесь круги по воде, Провода гудят, должно быть, к беде.

Мне на север, там в снегу города, Где-то след, а где-то нет и следа, Заметает всё, не видно дорог, Мне на север, а тебе на восток.

В переулке одинокий фонарь. Подари мне на прощанье январь. До не-встречи подари мне любовь. До не-жизни, до не-смерти и вновь

На окне седая кошка сидит, Во дворах листвою ночь шелестит, Время тихо утекает в песок, Мне на север, а тебе на восток. * * *

Я на Святки уеду в село, Где дороги пустынны и белы, Где ночами от снега светло. Уходящие в небо, как стрелы, Вихри снежные крутит зима, Поднимаясь всё выше и выше. И крадётся здесь вечность сама, Как лунатик, ступая по крыше.

* * *

Вступив в сумятицу взметнувшихся теней, Не отрешиться от ушедших в темень.

Автор неизвестен

Не отрешиться от ушедших в темень, Не повернуть с дороги до конца, Нальётся хлебом маленькое семя, И обретёт лицо, что было без лица.

Пройдёт туман, разбрызгивая осень По крышам городским, скамейкам и садам. Сквозь утреннюю мглу, сквозь дымчатую просинь Забрезжит новый день вослед прошедшим дням.

Альбомов старых грустная работа Листать страницы судеб и людей, Любимых нами, вспоминая что-то, Утерянное в зыбкости теней.

Не отрешиться от ушедших в темень, Их голоса, как эхо на ветру. Течёт неспешно и уходит время, Лишь пляшут тени на чужом пиру.

* * *

Загуляется душа, заиграется. Заискрится, словно снег в серебре. Зажигается звезда, загорается, И погаснет, как огонь в фонаре.

Потому что всё когда-то кончается. Всё не вечно на земле под луной. Истончается свеча, истончается. Ходят тучи перед близкой грозой.

Дождь умоет все предместья, околицы. Воздух радугой окрасит в цвета. И взлетит душа, вспорхнёт птицей-вольницей, А потом опять одна маета.

Суета сует – сказал некто знающий. Всё на свете лишь одна суета. Пронесётся жизнь кометой мерцающей. Растворится, не оставив следа.

Всё в конце концов однажды устроится. Горн небесный заиграет отбой. Успокоится душа, успокоится. И уйдёт к себе на небо – домой.

Памяти Игоря Пиковского

Из-за леса поездов стук. На деревьях воронья грай. Был когда-то у меня друг. По дороге он теперь в рай.

Узкий путь ведёт домой в рай. Там нет времени. Кругом свет. На земле же вновь чудит май, Перепутав календарь лет.

Был когда-то у меня друг. Под гитару до утра – в дым. А сейчас лишь поездов стук. Да портрет, где мы вдвоём с ним.

Ах, как сладок на заре сон. Яркой вспышкою – баю-бай. Вот и встретились – сказал он. А за окнами играл май...

Был когда-то у меня друг...

Марина ФЕЛОЦЕРКОВСКАЯ Дюссельдорф

ЛЮБИ МЕНЯ ДО СМЕРТИ!

- $-\mathbf{M}$ ой отец был спокойным и достойным человеком, Гельмут фон Хеллер, 26-й маркграф Райнланд нервно затянулся. Пенковая трубка, не привыкшая к столь сильному проявлению эмоций, угрожающе зашипела. - Мой дед... гм... В молодости он покуролесил, но Восточный фронт отнял у него охоту к безумствам вместе с левой ногой. Да, в целом наш род всегда отличался живостью и авантюризмом, не слишком свойственным тем тевтонам, которых вы, англичане, так любите малевать в анекдотах и карикатурах. Взять хотя бы 16-го маркграфа. Видели продольные и поперечные полосы на нашем гербе? Прежде там были райнландские львы, но когда Отто фон Хеллер в одной рубахе и холщовых штанах брал в руки рукоять плуга... Кажется, почти век спустя один русский граф пошел тем же путем, но плохо закончил. Прапрадед же умер, окруженный любящими родственниками, полностью отринув французские революционные идеи.
- Экскурс в генеалогию, бесспорно, интересен, но так ли уж он важен для нашего расследования? комиссар Райли поскреб свою медную шевелюру, попутно одернув себя: манеры, друг мой, манеры! Немецкий родовой замок, даже маленький, не родной ирландский паб...
- Не знаю, но пренебрегать не буду. Дело в том, что именно вышеупомянутый прапра... на смертном одре проговорился. Видите ли, в нашем роду бытует легенда...

Комиссар Райли обратился в слух – когда дело касалось легенд, преданий, саг и былин, лучшими экспертами в мире были ирландцы вообще и рыжий Райли в частности.

- Когда-то... Да, пожалуй, в самый разгар крестовых походов мой предок Бертрам фон Хеллер вывез из Палестины прелестную аравийскую деву. Предок был сражен экзотической красотой аравийки, он не подпустил к ней солдатню, весь поход не спускал ее со своего коня и, наконец, привез ее в это поместье. - Маркграф воздел руку в направлении окна. - На дом не смотрите, дом – новодел, отстраивался и перестраивался раз шесть, последний - после визита союзнического снаряда в 45-м. А вот сад и часовня... Эти, пожалуй, могли бы и бертрамова деда припомнить... Так вот. Наше семейство отличается еще и странной порядочностью по отношению к слабому полу. Богатый землевладелец, крестоносец и добрый католик мог бы, натешившись с иноверкой, отринуть ее, как проделывали со своей добычей сотни соратников Бертрама. Ho не таков был мой добрый предок. Он обвенчался со своей арабской принцессой, как он ее называл. Обвенчался, невзирая на явное и агрессивное неодобрение отца Иеронимуса – местного пастыря и личного духовника Хеллеров. Это история. А вот теперь начинается легенда.

Райская птичка, привыкшая к зною и солнцу, заскучала в нашем дождливом краю. Все реже звучал смех молодой маркграфини, все чаще сидела она у окна самой верхней комнаты южной башни, все неохотнее выходила из замка на балы и охоту. А когда Бертрам подался в очередной поход, и вовсе заперлась в своем «ласточкином гнезде». Но вездесущие слуги замечали, что в теплые лунные ночи смуглая тень в развевающихся одеждах выскальзывает в парк... М-да... Самое печальное, что полуночные танцы полуобнаженной смуглянки были замечены отцом Иеронимусом, который в своих истовых молитвах в часовне порой забывал о времени. На беду, инок был еще не стар, и зов плоти был достаточно силен, чтобы в слегка тронутой религиозным фанатизмом голове соединить образ иноверки с другим, рогатым... В те времена инквизиция еще не вступила в полную силу, еще не пылали костры по всей Европе. Тем слаще и веселее было редкое развлечение – охота на ведьм. На воскресной проповеди отец Иеронимус указующим перстом отметил ту, чьей виной был лишь, как сказали бы сейчас, иной менталитет. Но крестьяне моментально вспомнили и прошлогодний недород, и павшую корову тетушки Греты, и моровое поветрие, что пронеслось над Хеллерхофом, когда юная чужеземка еще качалась в колыбели под пальмами Аравии... Суд был скорым. Казнь тоже. Вернувшийся из похода Бертрам застал лишь пустое ложе да косые взгляды соседей. «Муж ведьмы» — стало самым ласковым из его прозвищ. Обращаться в суд было бессмысленно, даже в церковный. Отец Иеронимус, освободившись от искушений, ликовал. Поэтому маркграф заперся в своем поместье и предался греху пьянства...

Однажды поздним вечером Бертрам сидел у окна, время от времени прикладываясь к бутылке. Вдруг ему показалось, что на лужайке перед домом замерцал свет. Бертрам вгляделся. Странные тени плясали над поляной, и в одной из них маркграф узнал знакомый силуэт. Развевающиеся кудри, узкие запястья, высокая грудь... Плохо соображая, что делает (отчасти и по вине пития), Бертрам вывалился на лужайку. Свечение стало гуще, силуэт девы — четче.

- Яждала тебя, прошелестел тихий голос. Помоги мне!
- $-Ka\kappa?!$ взревел маркграф. $Ka\kappa$ помочь тебе?
- Он преследует меня! Нет ночи, чтобы он не домогался меня. Даже сейчас, когда я стала тенью. Освободи меня от него, полюби меня, как прежде, и ты получишь мое сокровище... Каждое слово будто задувало свечу, видение угасало, становилось прозрачнее.
 - Что я должен сделать?
- Он должен оказаться там, где пересеклись два гневных взгляда нового и старого бога. Тогда он уйдет, а я вернусь. И ты сможешь любить меня. Только ты не должен подходить ко мне, пока я не стану собой, иначе... голос угас, и видение растворилось в ночи.

Двое суток маркграф не пил. Его здравого смысла хватало, чтобы отнести ночное приключение к разряду пьяных грез, но загадочные слова не давали ему покоя. Старый и новый бог, сокровище, некто «он», домогающийся тени... Каждую ночь Бертрам выходил в сад, но призрака больше не было, только в часовне горели свечи — вероятно, отец Иероним служил своему суровому богу...

На третью ночь маркграф снова и снова кружил по саду в поисках ответа на потустороннюю загадку. Что толкнуло его заглянуть в этот час в часовню, ни история, ни легенда ответить не могут, но увиденное потрясло его до глубины души. Привычное старинное распятие, сработанное еще при первом маркграфе, висело вниз головой, в паникадиле тлели свечи из черного воска, а сам «хранитель чистоты веры» – истовый отец Иероним – распростерся ниц в начертанной на полу пентаграмме. Бертрам попятился, в ужасе воздев глаза к небу, и внезапно увидел над собой искаженное гневом лицо каменного ангела. Вот он – «гневный взгляд нового бога»! А кто же старый? Маркграф судорожно озирался. В неверном свете идущей на убыль луны окружающее – камни ограды, деревья, перила мостика – казалось призрачным и нереальным. Парк... Да нет, это уже не парк, а древний лес, где, говорят, возносили молитвы друиды... Друиды???!!! Старый бог – дерево?! Которое? Может, этот древний платан слева от усадъбы? Кап на его коре так похож на чье-то рассерженное лицо! Да, «гневный взгляд старого бога» обнаружен!

Внезапно из часовни за спиной Бертрама донесся почти нечеловеческий вопль и заглушивший его рев. Часовня содрогнулась от фундамента до венчавшего ее креста и озарилась багряными сполохами.

- Дай мне ее, дай! голос Иеронима перешел в хрип. Тебе душу, мне тело!
 - Чееервь! проревело Нечто. Ты вызвал меня на торги?!

Что-то большое пролетело мимо остолбеневшего маркграфа, и на ступени часовни глухо шмякнулся темный ком. Из лохмотьев рясы торчала неестественно вывернутая рука. А следом, из дверей... Бертрам немало повидал в Земле Обетованной, но черно-багровый ужас, сползающий в темноту сада, был выше его разумения. Не отдавая себе отчета, рыцарь швырнул в Нечто чем-то тяжелым, что случайно оказалось камнем из церковной ограды. Чудовище взвыло от боли и сменило курс, устремившись прямо к Бертраму. Тот бросился наутек, мало осознавая, что бежит прямо к старому платану. Багровый ужас настигал, поджигая траву прямо под сапогами маркграфа. И тут Бертрам споткнулся и упал. Жар и холод объяли его одновременно. Маркграф, изнемогая от боли, выхватил свой меч — фамильное прадедово оружие с отполированной крестовидной рукоятью. Монстр захохотал и дохнул на Бертрама огнем — но чудо, меч отразил его! Пришелец из преисподней огненной волной навис над поверженным рыцарем...

И тут откуда-то сверху ударил ослепительный зеленый луч. Второй такой же луч прорезал тьму слева, со стороны оскверненной часовни. Глаза гневного ангела и кора платана вспыхнули холодным огнем, и в перекрестье этих лучей попало исчадие ада...

- ... Маркграф поднял голову. В предрассветном тумане сад был тих и задумчив. О битве напоминала лишь горелая трава на лужайке да скомканное тело любителя черных месс. А почти у самого носа рыцаря сгущалось золотистое сияние.
- Любимая?! Бертрам рванулся к возлюбленной, позабыв о предостережении.

Внезапно из платана ударил еще один зеленый луч, и нежное золотое свечение погасло. Перед потрясенным маркграфом стояло деревце...

- Люби меня! прошелестела листва...
- -М-да! еще раз поскреб непослушные вихры комиссар Райли. Легенда, конечно, красивая... Но я как детектив и любитель детективов могу сказать вам почти наверняка: чаще всего красивая легенда скрывает банальное преступление. Что мы имеем налицо? Загубленную девицу и убитого священника.

Когда между мужем и женой лежит пропасть в тридцать лет и тысячи миль, несчастье неминуемо. Скорее всего, ваша экзотическая прабабка увлеклась темпераментным падре и соблазнила его. Тот, как положено фанатику, немедленно раскаялся и уничтожил «корень зла», а разгневанный вдовец примерно отомстил, включив при этом всю силу своей буйной и хорошо закаленной в походах фантазии. То есть, в самом убийстве ничего экстраординарного не было. Вероятно, он просто сбросил святого отца откуда-нибудь с высоты – с хоров или даже с крыши. А все остальное, – комиссар неопределенно помахал рукой, – фантик, конфетная коробка, приманка для глупцов. Несоответствий и нестыковок в этой саге больше, чем, с позволения сказать, в «Илиаде» Гомера... Разве что со знанием дела описан типичный случай белой горячки.

- Да, но, тем не менее, «Илиада» бессмертна, усмехнулся фон Хеллер. Я не сказал вам главного. Мой революционный прапрадед проговорился не об этом. Легенду наш род передает из уст в уста века. Но то, что аравийская принцесса привезла в замок Хеллеров уникальный огромный алмаз, знали немногие. Его видели на ней в день венчания, но после описываемых в сказании событий алмаз как в воду канул. В семье он не сохранился, иначе за 700 лет хоть какая-нибудь информация о нем просочилась бы...
- А ведь это в корне меняет состав преступления! сейчас Райли напоминал хорошего сеттера в охотничьей стойке: такая же напряженность мышц и азартный блеск глаз. Налицо два трупа и пропажа огромной ценности. Та-а-ак, а раскладик-то другой... Кстати, а как окончил свои дни ваш доблестный Бертрам?
- Был смертельно ранен на охоте, едва вернувшись из очередного похода. На смертном одре рассказав эту историю сыну, отпрыску первой, умершей в родах, жены. Аравийка, увы, не успела порадовать Бертрама потомством. Да, предание говорит, что Бертрам очень настойчиво повторял слова призрака: полюби, мол, и получишь сокровище...

- Ситуация проясняется... И что же произошло, когда семейство узнало о существовании алмаза?
- Лет сто здесь искали клад. Перерыли весь парк, обстучали часовню (не вмешайся местный пастор, по камешку бы разобрали). Ну, дом много раз перестраивали, как я уже говорил. Разумеется, там тоже искали. А потом забросили это пустое дело и стали жить дальше. Благо, Хеллеры не бедны, один бриллиант, даже большой, погоды не делает.
- Сдается мне, уважаемый сэр, что ваш хитроумный предок не только отомстил предателям (которые, как мне кажется, покусились не только на честь рыцаря и мужа, но и на имущество, которое он мнил своим), но и славно спрятал добро. Так спрятал, что семь веков оно не было найдено. Дом, пожалуй, и впрямь отпадает. Про сам замок в легенде не сказано ни слова. Так, место проживания... Весь упор на церковь и парк. А не прогуляться ли нам? Ведь вы именно за этим пригласили меня в гости?
- Вы проницательны, дорогой комиссар. Когда я узнал, что в городе находится один из самых сильных в мире специалистов по расшифровке преданий, я не мог отказать себе в удовольствии еще раз попробовать раскусить этот семейный орешек.
- Орешек... орешек... Да, пожалуй, это интересно... Райли уже устремился вперед, в балладу. Нет, в орех алмаз прятать глупо белки украдут. На виду, где-нибудь в дупле тоже, сорок в ваших краях больше, чем чаек в наших... Значит, дупло должно быть закрыто... «Полюби меня!»...
- Почему дерево? на бегу изумился фон Хеллер, A если пожар? Я бы спрятал в часовне.
- -Я тоже. И искать бы я стал именно там. Сами же говорите едва по камешку не разобрали. Нет, ваш Бертрам рассчитывал на недолгое хранение камня, поэтому так упорно долбил ключевые слова шифра своему, увы, недалекому отпрыску. Но он не хотел отдать камень в чужие случайные руки. Алмаз это тот же уголь, и горит он так же, как и уголь... и дерево... Снаружи закрыто... Потайной механизм... «Люби меня!»...

Райли остановился на лужайке перед старой часовней. Над входом в нише парил ангел с неожиданно гневным лицом.

– Вот вам гнев нового бога! Бертрам был прав. Теперь второй, старый... Да, время пощадило старый платан, даже усугубило брюзгливое выражение его «лица». Тут, на пересечении лучей, был уничтожен мифический бес... И где-то на этой прямой должно быть молодое тогда деревце... А теперь одно из самых старых на этой поляне. Вот! Вот оно!!! Невероятно!

Палец комиссара указывал на причудливо извивающийся ствол вяза. Дерево было достаточно старым, чтобы застать еще крестоносцев, но значительно младше замшелого платана с грозным взглядом. Его ствол как бы состоял из множества сросшихся неровных стволиков и напоминал многочисленные шелка и изгибы тела под ними. А на расстоянии вытянутой вверх руки красовался каповый наплыв в виде женской груди изумительной красоты и формы.

- М-да, во времена моего пра-пра-пра... эта грудь находилась куда ниже и была явно приятней на ощупь, потрясенно пробормотал Хеллер. Удивительно! Семьсот лет ходить рядом, восхищаться этим чудом природы и ни разу не сопоставить... До тех пор, пока прагматичный британец...
- Ирландец, с вашего позволения, усмехнулся Райли. А ирландцы рождаются и умирают с легендой на устах, и вся их жизнь сплошное переплетение были и небыли. Так что же вы медлите! Любите же ее!

Дрожащая рука потомка крестоносца легла на древесную персь, нажала... Кап чуть заметно дрогнул. Скрип потайных петель прозвучал впервые за семь веков, и на ботинок онемевшего маркграфа номер двадцать шесть выпал полуистлевший кожаный мешочек, сквозь прорехи которого сверкала вечность чистой воды.

Сергей ЗУБКОВ Хайдельберг

я думал наших больше нет

они попа́дали в кювет из сна и пыли я думал наших больше нет а наши были

там зацветал испанский дрок яичным цветом и Крым окутывал как смог мою планету

а воздух золотым дождём тревожил память друзья давайте подождём от жизни падать

друзья давайте назовём для встречи дату и снова на причал придём по циферблату

они попа́дали в кювет из сна и пыли я думал наших больше нет а наши были

размышления на йом кипур

положи свою жизнь на весы и скажи, милый друг, что ты видишь? 48 кусков колбасы и желание выучить идиш.

видишь чью-то серьёзную тень, за которой удобно скрываться, проведённый безрадостно день и желание ночью обняться.

и желание снова вдохнуть этот мир, удивительно сладкий, успевающий грустно шепнуть, что иные бывают раскладки.

положи свою жизнь на весы: всё равно, тяжелей колбасы...

мне плохо без Вани и Коли

мне мама призналась когда-то, что был в её жизни аборт и два моих будущих брата отправлены были за борт.

они не увидят салюта, не смогут играть в чехарду и будет последним приютом пакетик в больничном саду.

я маму свою не ругаю (мне право на то не дано), по комнате ночью шагаю, себе представляя одно,

что живы и Ваня, и Коля (такие у них имена) и их молодые приколы от грусти спасают меня.

идём по зелёной аллее: я – в центре, они – по краям. два брата – всегда веселее... чем сам.

траектория

потяните девчата бычка за верёвочку как когда-то тянула хорошая девочка может станет тогда веселее Серёжечка и горящей лучинкой представится щепочка пусть деревья вокруг закивают вершинами не от ветра а от прикасания нежностью и взгрустнувшая плоть возродится причинами популярными но обязательно свежими отведите бычка поскорее от пропасти отведите домой а не то он провалится и придётся тогда собирать его косточки хоть возможно кому-то и мяса достанется а кому-то любви а кому-то забвения а кому-то заканчивать эту историю но зато у последнего стихотворения появляется шанс описать траекторию

потерянные

вокруг давно одни уверенные, со взглядом полным укоризны, а мы с тобой – собой потерянные, потерянные из жизни

хоть расставались внешне весело, слезу улыбкой утирая, нам всех собак потом навесили, грозя изгнанием из Рая.

так и живём, толпой расстрелянные, из тех стволов, что не прощают...

зато за то, что мы потерянные, в Раю нам жизни возвращают!

послезавтра

я не знаю что напишут в послезавтрашней газете не увижу не услышу не открою не прочту потому что мне сегодня показалось на рассвете что до завтра я исполню свою давнюю мечту

если я её исполню значит дело упростится до банального раздела между телом и душой и отбросив все балласты в небо синее вонзится в небо самое вонзится самолётик небольшой

а на небе будут звёзды и на крыльях будут звёзды будут звёзды на кабине на колёсах и хвосте а в ладонях буду гвозди и пониже будут гвозди усмиряющие гвозди для парящих в высоте пусть летает самолётик он на то и самолётик чтобы сам летел куда-то когда кто-то не летит ну а то что в самолётик не войдёт уже пилотик может местная газета послезавтра известит

ПОЖИЗНЕННЫЙ СРОК ГОСПОДИНА ГРЁГЕРА

Каждый день, в пять часов утра, мой будильник начинает тикать громче: это синхронно с маятником выстукивают две палочки господина Грёгера, который выходит на свою обычную утреннюю прогулку. Ему 90 лет, и все соседи знают, что десять из них он провёл когда-то в русских лагерях, в далёкой и страшной для немцев Сибири. Днём он караулит меня на улице и сразу же радостно переходит на русский. Этот прыжок в свободу откровенно неприятен сопровождающим его пожилым тёткам. Они делают вид, что не замечают меня, нашу беседу и даже своего неугомонного подопечного, но обречённо ожидают, когда же закончится этот кошмар.

Волшебные звуки чистейшего русского заставляют ловить каждое слово и наслаждаться безупречным построением фраз, унаследованных от лучших представителей российской интеллигенции, сидевшей по тюрьмам и лагерям после войны. Пока окружающие беспомощно молчат, опять и опять выползают из его памяти картины наших пекучих морозов и слепящих снегов, рассказы о колючей проволоке, фурункулёзе, хлебных крошках и сгнивших на всех пальцах сухожилиях. Потом мы говорим о его поездке в Португалию, которая не состоялась изза болезни, и звучит грустный вывод о том, что самая страшная несвобода этой жизни – это несвобода старости...

Он смотрит на меня глазами вымершей российской интеллигенции, и мне вдруг кажется, что мы с ним – последние люди на Земле, которым уже объявлен их пожизненный срок.

Зладимир **ДВЦЕН** Вупперталь

СТИХИ & ПЕСЕНКИ

* * *

Перед Новым годом под фигурку ангела надо положить записку с пожеланиями, он доставит их по назначению, и они обязательно сбудутся (поверье).

Хочешь насмешить Бога, расскажи ему о своих планах на завтра (реальность).

Если ангел, и впрямь, почтальон наших жалоб и просьб в мирозданье, я куплю его к празднику, он и мои пусть узнает желанья. Но змеёй по дороге к нему заползала мне в душу тревога: слишком мало просить - ни к чему, и нахальство - просить очень много. Чтобы Богу не стало смешно от моих притязаний бумажных, я, измучившись, выбрал одно из своих сокровенных и важных. Но не в силах мне здесь пособить никакая небесная сила: та не может тебя полюбить, что однажды уже разлюбила!

Вовлекая прохожих в игру, сонмом ангелов манит витрина. ... Всё торчит и торчит на ветру старый пень у дверей магазина.

Монастырское

Оттого, что у монашки влажен взгляд и нежесток, я невольно дал промашку взял её за локоток. Ты прости меня, касатка, надо б ведать, дураку, что монашенки касаться не пристало мужику, что сносить тебе, девице, эти мансы не резон: можно благости лишиться, потерять покой и сон. Спят амёба и букашка, роща, речка и луна. Спит безгрешная монашка. Я ворочаюсь без сна.

Всё поровну, всё справедливо

Т.И.

Поэтам деньги не нужны, их бабки губят безвозвратно, с приходом денег им в штаны дуть начинает бес разврата: дружки, зелёное вино, шальные девочки-нимфетки, картишки, скачки, казино, в итоге – «русские рулетки». Чтобы от этой маеты бедняги кровушкой не харкали, бабло метётся олигархами – Оне безгрешны и чисты...

* * *

Взгляну на жизнь: её прогрессы светлей не делают, однако, – всё бесноватей мракобесы, всё мракобесней бесы мрака.

Попытки утешения

1.

Любимая, не плачь, не то ноябрь разбудишь – дохнёт на город наш дождями и тоской. Он нынче тих и добр. А что меня не любишь, так это ведь для слёз не повод никакой.

Что делать, если нам отмерены судьбою неравный срок любви и долгий – нелюбви? Что делать, если нам намечено с тобою такую жизнь прожить? Что делать? Се ля ви.

Ну, вот, я так и знал по окнам дождик лупит, по веткам ветер бьёт размашисто и зло. Что ж делать, если тот, другой, тебя не любит? Любимая, не плачь, нам всем не повезло.

Опавшая листва с годами прахом станет, настанет час и мы вот так же опадём. Не плачь. Ещё на век – на твой и мой – достанет, о чём погоревать и порознь, и вдвоём.

2.

Мы шли с тобою по ночному городу, сказала ты, прищурившись хитро, что стоит седине пробраться в бороду, как сразу бес вселяется в ребро.

Любимая, ну что ты, в самом деле, ты намекаешь, милая, на что? Да пред тобою ж все фотомодели, как я – перед Делоном с Бельмондо!

Ну ходят девы, в сети завлекая, как персик перси, ноги от ушей, да пусть ко мне и сунется какая, я ж к ней – спиной, а дьявола – взашей:

не пить мне с ними «Кальвадос» у стойки, любови пылкой не вкушать нектар – я и вообще морально очень стойкий, и для измен покудова не стар.

Меня напрасной ревностью не мучай – всё хорошо, лишь не было б войны! Ну хочешь, я себя на всякий случай от козней застрахую сатаны?

Железной бритвой бороду побрею (физкульт привет, родная седина!), а ребра в баньке с веничком погрею. ... Есть на примете банщица одна.

3.

Что ж мы хмурим с тобою лица, как какие-то истуканы? Хошь, слетаем с тобою в Ниццу? Хошь, поедем с тобою в Канны? Впрочем, стоит ли суетиться ради Канн или Ниццы ради? Мы в Монако подвалим к принцу, то-то будет Альбертик радый! Пожурит нас, что встречи редки, повздыхает о жизни тяжкой. Он – поплачется нам в жилетки, мы – утешим его, бедняжку: мол, в хорошее надо верить, мол, такая у принцев карма... А потом, чтоб его развеять, все завеемся в Монте-Карло, и по-крупному с принцем вместе проиграемся там в рулетку! ... Что сидим мы с тобой на месте, ты о том не печалься, детка, и мечтами себя не мучай неизвестно ж, как ляжет карта. Принц, конечно, он нас покруче, но зато у нас лучше карма.

Песенка поэтов

Час придёт, мы затеем по кругу изрекать словеса и стихи, но сначала давайте друг другу все обиды простим и грехи.

Кто-то в тоге, а кто-то в хламиде, кто-то в рифме силен, кто-то слаб, кто кого-то вчера ненавидел, пусть сегодня не любит хотя б.

Ведь и так наша братия тает, на скаку, на лету, на бегу. Очень многих, увы, не хватает В нередеющем нашем кругу.

В тесной бочке безумного века надо б стать Диогену под стать и, повсюду ища человека, человека – в себе отыскать.

Жаталья **Д**ОЛЬК Вупперталь

ИЗ СЕРИИ «КНИЖКИ-МАЛЫШКИ»

Alexander Egorov Colibri 2 / Колибри 2 Öl auf Leinwand, 40 x 40, 2012

В полночь, прикоснувшись к источнику, ты не заметишь, как серебряные нити нежно обовьют твою корневую систему. Ночная прохлада освежит выступившей росой. И маленькая птичка, как вестник ответа, подарит трепетное ощущение жизни даже в темноте... Когда ты проснешься, ты увидишь следы маленьких птичьих лапок. На окне. Или тебе показалось?

82

Наполни меня медом... Ведь я – соты – простой незатейливый рисунок на теле земли. Принеси мне калоши – кажется, пошел дождь. Добавь соли – буду водой для супа. Надень колечко на палец мне как невесте. А грибы положи в лукошко. Не придавай мне значения – и я глубоким смыслом проскользну между строк. А заглянешь в ведро – водою отражусь тебе. Не называй меня – просто присядь рядышком. А скажешь – эхом обернусь. Твой прекрасный сачок по-прежнему пуст. А я по-прежнему останусь самым коротким и важным событием в твоей жизни... Нельзя поймать то, что тебе не принадлежит. И нельзя потерять то, что всегда твое.

Alexander Egorov Brocken Dreams / Разбитые Мечты Öl auf Leinwand, 95 x 80, 2005

Alexander Egorov Wanderweg / Tpona Öl auf Leinwand, 71 x 82, 2012

Научите меня находить то, что я еще никогда не видела. А я буду очень стараться. Я спою вам песенку. Я – могу, да, да, я, конечно, пою неважно. Но для вас я постараюсь. Честно-честно! Я посажу дерево – сакура называется. И буду его поливать каждый день. Я куплю лейку желтого цвета. А когда сакура зацветет – мы все соберемся в моем саду. Гостей будет немного – только все самые близкие. Я заплету ленту в косы, надену свой лучший сарафан и буду ждать вас. А кот Дорофей – он так, просто, ничего особенного. Его здесь даже и нет...

Стихи и проза

Alexander Egorov Springbrunnen In Zuerich / Фонтан в Цюрихе Öl auf Leinwand, 58 x 75, 2012

«Девушка пела в церковном хоре о всех усталых в чужом краю, о всех кораблях, ушедших в море...»

Картограф, нарисуй мне черту, а потом еще одну, протяни линию моего путешествия. Корабли уже давно в пути, дары распакованы и предназначены. Я спешу натянуть паруса, а потом, наоборот, гонцы меня опережают, линия на горизонте растворяется и, встрепенувшись, чайка садится на корму. Миражи... Наверное, поэтому матросы так сладко спят, улыбаясь во сне – гости из зазеркалья уже принесли новое, исполненное любви послание.

Ф Зал переводчика \$

Фомен Жудельман Romen ЖUDELMANN

из Вольфганга БОРХЕРТА

Луна лжет (Моабит)

Узоры на стене рисует свет луны. На темном фоне выглядят гротескно Квадраты светлые, что чуть искривлены, Из тонких линий, проходящих тесно. Рыбачья сеть? Ловушка паука? Чертеж начерчен четко. Я поднял взгляд, чтобы узнать наверняка: А на окне – решетка!

Wolfgang Borchert

Der Mond lügt (Moabit)

Der Mond malt ein groteskes Muster an die Mauer. Grotesk? Ein helles Viereck, kaum gebogen, von einer Anzahl dunkelgrauer und schmaler Linien durchzogen. Ein Fischernetz? Ein Spinngewebe? Doch ach, die Wimper zittert, wenn ich den Blick zum Fenster hebe: Es ist vergittert!

Мария ЖОСИЛОВА Maria KOSSILOVA

Из Эльзе Ласкер-Шюлер

Мой синий рояль

Стоит ещё дома мой синий рояль, Но жалок его удел. Задвинут в подвал, он навек замолчал С тех пор, как мир озверел.

Звездных играли четыре руки, Луна в светлой лодке пела.

– И вот пляшут крысы под лязг и гик. Вырваны струны, рояль разбит. Я плачу над синим телом.

О, ангел на страже небесных дверей!

– Вкусила я горького хлеба –
В обход всех запретов, открой мне скорей И, живую, впусти на небо.

Else Lasker-Schüler

Mein blaues klavier

Ich habe zu Hause ein blaues Klavier Und kenne doch keine Note. Es steht im Dunkel der Kellertür, Seitdem die Welt verrohte.

Es spielten Sternenhände vier – Die Mondfrau sang im Boote. – Nun tanzen die Ratten im Geklirr. Zerbrochen ist die Klaviatur. Ich beweine die blaue Tote.

Ach liebe Engel öffnet mir
– Ich aß vom bitteren Brote –
Mir lebend schon die Himmelstür,
Auch wider dem Verbote.

Евгений ХАГАН Eugen XAGAN

Из Райнера Марии Рильке

Воспоминание

И всё ждёшь-ожидаешь ты Нечто – то, что множит ток жизни самой на необщее, в бесконечность; камень будишь извечный, полнишь мощь глубиной.

Мерцают на книжных полках тома в золотом и беж, и ты вспомнишь о турах долгих, о снах, подзабытом шёлке ушедших женщин одежд.

И поймёшь вдруг стремглав: уме́рший. Вознесёшься, а в очи – ах! – один из годов прошедших: молитва, фигура, страх.

Rainer Maria Rilke

Erinnerung

Und du wartest, erwartest das Eine, das dein Leben unendlich vermehrt; das Maechtige, Ungemeine das Erwachen der Steine, Tiefen, dir zugekehrt.

Es daemmern in Buecherstaender die Baende in Gold und Braun; und du denkst an durchfahrene Laender, an Bilder, an die Gewaender wiederverlorener Fraun.

Und da weisst du auf einmal: das war es. Du erhebst dich, und vor dir steht eines vergangenen Jahres Angst und Gestalt und Gebet.

of Sumrape 12

Здравствуйте! Вы пишете стихи или прозу? Проходите! Мы вам – виртуальную чашечку кофе, вы нам – свое реальное стихоили прозотворение.

Здравствуйте! Вы любите стихи или прозу? Проходите! Мы вам — виртуальную чашечку кофе, реальные стихи и рассказы, вы нам — ваше доброжелательное внимание: ведь авторы, даже очень самоуверенные с виду, всегда волнуются...

Согласно Уставу, в кафе каждый раз будут приглашаться всё новые и новые авторы. Прежним остаётся только место встречи. Его, как мы помним, изменить нельзя.

Добро пожаловать!

Дба ДЛЕК Вупперталь

Покаяние

О Господи, прости мои грехи! Уже не хватит сил для искупленья Греховных дел. И я пишу стихи, Подобные церковным песнопеньям.

Прости меня за мой нелёгкий нрав, За однозначность принятых решений, Прости за то, что часто был неправ, Что далеко не ангел и не гений.

Прости за то, что среди прочих бед Родился я с графою невезучей И та графа оставила свой след Болезненный, фатальный и колючий.

Прости меня за то, что не успел Освоить всё, задуманное прежде, Прости за то, что очень много дел Доверил опрометчивой надежде.

Прости, что доморощенный поэт Напомнил о своём существованье. Я исчерпал себя на склоне лет, Осмелившись на это покаянье.

Прости меня, за все грехи прости, Небесный суд и не таких прощает. На скользком человеческом пути Совсем невиноватых не бывает.

Но если, Боже, ты сочтёшь меня Чужим и недостойным для прощенья, То я пришпорю своего коня В указанном тобою направленье.

Рисунок Ирины Гололобовой

Теоргий **ГРОПОЛЬСКИЙ** Нальчик

* * *

Мороз по коже: день чудесный! Ошуюю и одесную гуляет люд, чей гам нелестный на тишь сменял бы я лесную.

Да только шиш отведать тиши, поскольку рощи и дубравы заполонили нувориши – широкошумные оравы.

Пустынных волн не сыщешь тоже, а что остались – те в мазуте. Куда с твоим глаголом, Боже, бежать поэту в этой смуте?

Ему одно лишь остаётся: все двери заперев проворно, провыть о том, что не поётся, – и дожидаться приговора.

А приговор грядёт известный: «Невнятицу про тишь лесную несёт какой-то хмырь бесчестный, честя компанию честную!»

Динамо

О поэтических пристрастьях судить по слогу? Слишком просто. Порой куда видней в контрастах всё то, что душу гложет остро.

К кому хотелось бы мне в орден? Что-что? Опять не угадали! Не Рильке, не Айги, не Оден – мне ближе Лермонтов с годами.

На севере, писал он, диком стоит – представьте – одиноко... Я от того же нервным тиком терзаюсь, милые, жестоко.

И, паутиной схвачен цепкой, живу ни валко и ни шатко. Какой кретин воркует с целкой на склоне пятого десятка?

Но знаю: с Данте было то же, и Гёте пережил такое. Я не тащу её на ложе, лишь не оставила б в покое.

Вечнозелёная омела, подобной коей до сих пор не встречал, пускай вонзает смело мне в душу ласковые корни.

Пусть крутит вновь и вновь динамо, чтоб лампочка моя светилась, чтоб я, прошедший Хо́лмы Хлама, познал хоть этакую милость.

Городской сумасшедший

Стихи ненатуральны, никто не говорит стихами, кроме посыльного, когда он приходит со святочным подарком, или торговца, превозносящего свою ваксу, или какого-нибудь там простачка. Никогда не опускайтесь до поэзии, мой мальчик.

Ч. Диккенс

Что за фраза! Гудит, словно шершень, да присесть норовит на носу... Я, прослыв городским сумасшедшим, это званье достойно несу.

Люди жизнь возлюбили немую, ни один не читает стихов, ну а я вот, как прежде, рифмую – хоть по гроб рифмовать я готов.

А ещё «городским сумасшедшим» потому прозывают меня, что с восторгом гляжу я на женщин, не теряя былого огня.

Люди нефтью торгуют, железом, поклоняясь качаниям цифр, – я же ласковым взором нетрезвым наблюдаю округлости цып.

Потому что усвоил я твёрдо: это – лучшее, что нам дано, и моя сумасшедшая морда понормальней других всё равно. Сумасше... сумасше... сумасшедший! Я б ответил им, только зачем? Без того достаёт происшествий, без того мне хватает проблем.

Пусть, кто хочет, вослед мне пролает – я на лай даже не обернусь... Сумасшедшее солнце пылает – вот к нему-то всю жизнь и тянусь!

Рисунок Ирины Гололобовой

Пера МУРАШОВА Нальчик

Яблоко

Над Эдемом солнце встаёт, золотой, звенящий рассвет, и Адаму Ева поёт – первый бард и первый поэт.

Нет ни бед ещё, ни забот, но печален летящий звук. Пламенеет яблока бок алым цветом грядущих мук.

Протянула тонкую кисть и сказала: – Ну что, идём? И разъяла на смерть и жизнь то, что было целым плодом.

Ничего не сказал Адам, у подруги яблоко взял. Он не думал и не гадал, что оно – начало начал.

Он пошёл, не спросив, куда, веря ей сильней, чем тому, кто его и землю создал, кто придумал и свет, и тьму.

И, вздыхая, Господь изрёк: – Впереди у вас много путей, ты б его приберёг, сынок, на один из голодных дней.

* * *

Рассыпаясь огнями, мокрой моросью слёз, всё, что было меж нами, оказалось – всерьёз.

Снег на ветке упругой ослепил белизной. В этом мире разлука – лишь прообраз иной.

От тебя ли уеду, от себя улечу, пораженьем победу называть не хочу.

Потеряли друг друга в круговерти шальной, но, как смертная мука, ты остался со мной, как вина без проступка, как без молнии гром.

Неизвестна разлука в измеренье ином – там, где эфемериды поменяет звезда и простятся обиды насовсем. Навсегда.

Колыбельная для поэта

Ю.

Спи, мой милый, пусть тебе приснится в солнечном далёком далеке дева, выпускающая птицу, с золотою клеткою в руке.

Перламутром капля заблестела под усталой синевою век. Да не тронет ни души, ни тела чёрный твой, зловещий человек!

Сможешь ли очнуться ты, не знаю, и вернуться – сможешь ли ко мне? Выпущенной птицей сяду с краю, примощусь в твоём тревожном сне,

где бредёшь серебряной аллеей и ведёшь неспешный разговор сам с собою, и закат алеет, и безумье застилает взор.

Все мои слезинки бесполезны, в сны твои заказаны пути. Помоги тебе Отец Небесный, птица не смогла тебя спасти.

Игорь ЖОНДЭ Москва

Оратория

Словно паутину, сдуло лето, Потемнел осенний небосклон, Дождь звучит, как струнные квартеты, Голые деревья за окном.

Журавлиных стай звучат фанфары, Ветер тонко флейтами свистит, И душа струною от гитары, Подпевая музыке, дрожит.

В этой песне нежной и печальной Каждый напевает о своём, Есть слова в ней о дороге дальней, О разлуке, встрече – обо всём.

Осень-нищенка, заплатами сверкая, В парике струящихся дождей Шлёпает по лужам, управляя Этой ораторией моей.

* * *

Хрустально хрупок этот мир, Как он прозрачен и непрочен. И с горем рядом – чей то пир, Мед радости – слезой подмочен.

И все проходит путь кольца, По замкнутому мчится кругу Любви, страданьям нет конца... Мы продолжение друг друга.

* * *

Помню в детстве своем оглушительный смех, Если я на качели взбирался, Что весельем и радостью были для всех, Ну, а я их ужасно боялся.

Повзрослел и привык к этой качке хмельной Вверх и вниз увлекают качели: То упрешься в вершины своей головой, То внизу и далеко до цели.

Все стремительней этот качельный разбег Все быстрее, быстрее несутся И не знаешь куда, и не знаешь зачем Оборвутся они, оборвутся...

* * *

Окунулась, словно в водушку синеглазая звезда,

Белокрылая лебедушка

улетела навсегда.

Отзвонили, отхрусталили

языки колоколов,

Отзвучали и растаяли

вереницы легких снов.

Догорая поздним пламенем,

еле теплится закат.

Опускает ночка темная

мне на плечи черный плат.

За рассветом, за удачами

чья-то тянется рука

Только жизнь, что мне назначена

Больно что-то коротка.

Путь

Вьются словно ниточки Юности тропиночки На дорогу зрелости, да со всех сторон. На дорогу торную, Широкую, просторную, К старости ведущую на покатый склон.

По бокам тропиночки Девичьи косыночки, Первые несмелые взгляды да слова, Встречи-расставания, Вздохи да прощания, К армии побритая друга голова.

На дороге зрелости Ямы неумелости, Рытвины, ухабины, шишки, синяки, Пыль надежд несбывшихся, Груды накопившихся Разных дел исполненных, мысли, да стихи.

А на склон покатистый, Как достигнешь старости, Встанешь и оглянешься – высоко стоишь. Даль туманной юности, Зрелости; бездумности Мудрым, проницательным взглядом обозришь.

На закате солнышко, Жизни только зернышко, Но как будто заревом высеклись слова: «Нет конца тропиночкам,

нет конца дороженькам Дети, внуки, правнуки – новая тропа».

₹лена **₹**АНЧЕНКО Зэйст

Из цикла «Сыну»

* * *

В окошке месяца рожок. Ребенок ночью заплачет ниже этажом. И заморочит пустая детская кровать... Какие сны в ней остались зиму зимовать с отъездом сына? Воды попью, усну авось. Куст белых бронхов зачем нарисовал мороз на окнах сонных, Напомнив про твою болезнь, мой зяблик южный? Ну, вот и ветер околесь несет и - вьюжит. И месяца молочный сок уже не брызжет. Я от беды наискосок: в плену у книжек, У плюшевых твоих зверей... ...он плачет снова. И нет подушек, стен, дверей, кроме озноба нет ничего уже когда сам Бог назначил – что всё на свете ерунда ребенок плачет.

* * *

...отпрыск мой, росток, былинка, веточка, привой, побег, прыскающий смехом бег по коротенькой тропинке от прадедова крыльца – до Даждь-Бога-молодца. Вот порог. А вот и Бог! Каждому, малыш, свой срок. Бог-Перун и ...Бог-отец! ...речка Днепр, наконец.

* * *

В Кишинёве было тепло во дворе. Зеленела трава. Припекало светило зело. Жизнь была, как рубашка, нова, и по цвету тебе к лицу, в мир проклюнувшийся птенец. И с тех пор мне пришлось терпеть под биение двух сердец. Ты вздохнул в первый раз, осмелев, закричал живые слова. Ярко-синее небо к весне подошло бы, как та трава. Был весенним декабрь на дворе, и такая теплынь за окном! Ветерок пробежал по траве, омывая твой новый дом.

Александр *О*ТОТАПОВ Зигбург

* * *

И терпкий привкус рейнского вина Разбавлен сладким жаром поцелуя, А где-то за потребности война Идет, я не причастен – Аллилуйя.Закладка из рублёвого листа, Когда-то достояние империй, Мой проходной билет в сокрытые места, Что вкус хранят дворянских фанаберий. На блеклости зачитанных страниц До дыр и наизусть воспетых, Знакомые черты любимых лиц Друзей, прикрывших спину, и... поэтов.

* * *

Мир «умнеет», более без правил, Е-4 не закономерность, Коль наличность на столе оставил, Это всё же блядство, а не верность. Редко сыщешь, в роговых оправах Розовое, да ещё прозрачным, Кто кого имеет... не о нравах, А всего лишь о контракте брачном. Мир шуршит и пахнет, как купюра, Блеск наружный застит свет, но манит, Без мозгов – ещё не значит дура, В грудь клинок – ещё не значит ранить. Стали сплошь сребролюбивы «боги», Слишком падки к жертвоприношеньям, И ведут блудливые дороги, Более не к храму, а к «свершеньям»...

* * *

Абсолютная форма движения тела

есть круг,

Если центром чего-нибудь стать тебе не пророчат, Пустота не приемлет вращений,

тем более двух

Параллельных, сближенья не чающих к ночи.

Где-то, в вышних, терзает мой глаз

мерцаньем звезда,

Её форма движения схожа, пожалуй, с моею, Но в одном расхожденье – моё

пребывает всегда,

О небесном светиле сего прорекать я не смею.

Скрыта зноем пустыни тропа,

что стремится к кресту,

Не одними руинами помнить столетий минулость, Разум правит стихией, но он же

подвластен персту,

Сотворившему то, что о душу терзаньем коснулось...

К душе

Огонь уже не греющий задуй, Иначе превратит он тебя в прах, Не предавай себя за лживый поцелуй, Тем более за тридцать тетрадрахм...

За пару непомерно сладких строк, Так и не прозвучавших до конца, Пойми, душа, что лавровый венок, Кровавее тернового венца.

Нина ОГНЕВА Ростов-на-Дону

* * *

Распахнуто!
От влажных половиц
струится лоск полуденного света,
у створки кафедрального буфета
поверженная швабра пала ниц.
Усердствую, ступая чрез порог,
не развенчать главенства льна и блеска,
в структуре действа – признаки бурлеска,
но строй строки отточен, чист и строг:
пол разлинован искренностью черт...
(В том смысле, что в косых лучах искрится
и светится).

Изюм, сандал, корица – палитра. Холст – пирог, очаг – мольберт. Творится пир! – Малюется вчерне этюд на тему «тесто для бисквита»...

...Взвесь кисеи шнурками перевита, но выпросталась, в радужной волне мечась и вьясь, крамольная спираль непокорённой вервиями пряди – блажит, как мул на воинском параде. Чрез шпилек многобашенный сераль ослушницу – в острог! Кисейный плен ужесточить посредством лент и гребня!.. И – вновь над льном царит нетленный требник: «просеять... растереть... смешать...» –

с колен

твоих – в подола шёлковую тьму листки, блюдя ступенчатость, струятся

каскадом грёз лоскутного паяца иль карточного шулера. Кому ума и рук факирскую сноровку удастся оценить хотя б на треть? «...Ваниль, миндаль...» – Проводим рокировку: «...смешать, откинуть, выложить, втереть...» Пред таинством зачатия бисквита склоняюсь трепетно и преданно робка: над айсбергами взбитого белка – цукаты, марципаны... Viva Vita!

* * *

Как ни крути, мне, право же, милей слепить огонь и масло воедино в цевье волшебной лампы Аладдина, чем лить на догмы миро и елей.

...Я преклоню колени и прильну к разбитому зрачку калейдоскопа, помчит цветными бабочками копоть к паучьих звезд серебряному льну, и высветит из крошева стекла предметный облик хрупкой симметрии, и власть зеркалец, будто и не три их, а сонмов сонм. Картонный твой оклад зажат в горсти, я трубочку верчу – вертится мир, устроенный нехитро: орда пантаклей, взращенных in vitro на зависть чудодею-ловкачу, чреда узоров, красок кутерьма; причудливого образа и вида рождается из друз Звезда Давида...

Фантазия досужего ума смешала всё: осколки, конфетти, нарядных фантиков стремительные смерчи, так вычурно и паточно заверчен обёртки цилиндрический петит пасхально-пасторальный цветоряд! Зеркальный скол - фрагментом грубой яви, к чему (как ни крути) вполне лоялен ажурный строй изысканных шарад. Дискретных форм простое волшебство, иллюзий праздности младенчество и детство, дано с такою роскошью одеться льду стеклобоя, загнанному в ствол, ах, неспроста! Бог мой, как ни крути, сей образец изысканного китча сакрален, как евангельская притча.

С потешной круговертью по пути – тебе, Творец. Меж терний горних троп, зеркал твоих божественной триаде не стоит ли помыслить о награде дельцу, что раскрутил калейдоскоп?

Фената ⋘ОЛЬФ Дуйсбург

Часы

Выпита чаша до дна, Не встать. Пьяная в небе луна Под стать. Солнце глядит свысока. Тоска. Жилка стучит у виска. Пока. Сколько той жизни осталось, Остынь. Мои часы поломались. Дзынь! Часы со стены упали. Или жизни кусок? Беззвучно из раны стекает На пол песок. Время в руках не удержишь. Я знаю отныне – Течет из часов уме́рших Песок в пустыню. Ветер там губы сушит, Заносит след, Не согревает души Знойный свет. Растут там только колючки, Цветы тоски. Ни тени, ни маленькой тучки. Пески, пески...

вдруг...

вдруг взлетело перо и замерло чуть дыша и проснулась душа у простого карандаша и вспомнила кисть что она колонковая начинается жизнь на холсте новая...

только старую жизнь я не выброшу ярче краски возьму да заново выкрашу неба цвет голубой над крышами и лечу над землей все выше я...

* * *

немногословны строчки дождя на окне черточка – точка

может удастся расшифровать письмена слезной молитвы

ветер по нотам поет песню ненастья учим всю жизнь напролет азбуку счастья

Незаконченный сюжет

Есть заплата для кармана, А кармана нет, Есть заглавье для романа, А романа нет. Проживу я без кармана, Затяну потуже пояс, Проживу я без романа, Заведу я повесть. Продолжаю счастья поиск, Нелегко найти ответ: Жизнь – роман, поэма, повесть? Незаконченный сюжет...

* * *

В синем небе гуляют ветры, То затихнут, то вдруг проснутся. Между нами лежат километры, И рукою не дотянуться...

Мчится, мчится по рельсам поезд, Стук колес и сердец слышен. Кто-то пишет мою повесть, Интересно, что там напишет...

Жизнь моя

Прожужжи мне, прожужжи песенку шмелиную, расскажи мне, расскажи жизнь свою недлинную. От рассвета до рассвета, от цветка и до цветка... Жизнь моя длиною в лета, до чего ты коротка...

 Φ ото автора

Ирина **ЕВГЕНЬЕВА** Вупперталь

Родилась 07.07.1935 в Ленинграде. Перенесла Блокаду, потеряла родителей и брата. Работала главным инженером в гидростроительной организации. Приехала в Германию в 1997 году.

И ЗВУК РОЯЛЯ ЛОПНУВШЕЙ СТРУНОЙ ЗАТИХ НАДОРВАНО

В конце декабря 2009 года пришло горестное известие – не стало композитора Исаака Шварца.

Ушел из жизни человек, чьи волшебные мелодии без малого полстолетья грели наши души... «И звук рояля лопнувшей струной затих надорвано. Зависла крышка меж пролетов, крылом большого ворона...», – повторяла и повторяла я написанные мною под впечатлением армянского землетрясения строки. Подобно землетрясению стало для меня это сообщение. С 1943 года Исаак Иосифович был женат на моей двоюродной сестре, подруге детства и юности, красавице пианистке Сонечке Полонской. (Вскоре у них родилась дочь Галина.)

Заснуть было трудно, в памяти всплыло полузабытое.

Окончена война... Я еду к сестре на первый урок музыки. Трамвай-трудяга из спокойной, размеренной Петроградской, везет, позванивая, в заполненный рыночной суетой район Сенной площади. Апраксин переулок. Третий от угла, по левой стороне, неброский дом, построенный, похоже, некогда для

торгового люда. Вхожу со стороны двора. Подъезд. Обитая коричневым гранитолем дверь, за ней – вторая, меж ними на полках еда. Тесная, полуподвальная квартира – первое после войны ленинградское жилье композитора. Я вижу его лишь мгновенье стремительно выбегающим из дому... Молодой папа выглядел, скорее, подростком. Невысок, худощав, волосы пышно вьются. Поразительно красивых, серо-зеленых, лучистых, в мохнатых ресницах глаз Исаака Иосифовича тогда я даже не увидела.

К концу войны мои сестры вышли замуж. Но своих новых родственников называла я по-разному: одного пренебрежительно Кешкой, второго – дядей Юрой, а Шварца всегда только по имени-отчеству. В пионерском лагере, где летом 46-го он работал музыкальным руководителем, к нему, молодому студенту, едва видимому из-за аккордеона, так же обращались и ребята. Знать бы им, что перед ними будущий лауреат Государственной премии, автор музыки к сотне кинофильмам, трехкратный обладатель «Ники», а его песня на слова Булата Окуджавы «Ваше благородие госпожа удача» из полюбившегося фильма «Белое солнце пустыни» станет в прямом смысле крылатой: на устах космонавтов улетит ввысь к звездам... Да, музыкальный путь Шварца станет звездным. Он будет писать музыку к спектаклям выдающегося режиссера Товстоногова; по просьбе Улановой и Большого театра создаст музыку к балету «Накануне» и к «Хореографическим миниатюрам»; всемирно известный японский кинорежиссер Куросава, месяцами просматривая пленки советских фильмов при выборе композитора к фильму «Дерсу Узала», на Международном фестивале получившего «Оскара», остановится на нем; а известный режиссер Пырьев предложит именно ему написать музыку к фильму «Братья Карамазовы» – музыку, которой будет потрясен Шостакович.

...Сестра меня накормила, приготовила чай, но ей некогда, у нее – уроки. Сижу, листаю книжку, а жизнь семьи идет своим чередом. Из спальни молча выходит невысокого роста, пожилая женщина с бездонными, как у Шварца, глазами, с аккуратно убранными в пучок, седыми, до снежной белизны, волосами –

мать Шварца. Рахель Соломоновна вошла на кухню и тотчас с нагретой в кастрюле водой назад – купать внучку Галочку. Та – совсем кроха, глазастая, в кудрях, и впрямь похожая на галчонка. Уроки у сестры затягивались, только под вечер она освободилась. Я села за рояль, побарабанила деревянными пальцами по клавишам. На этом мое музыкальное образование первым и последним уроком закончилось, запечатлев цепкой детской памятью на шесть десятилетий день первого знакомства с композитором. Впрочем, какого там знакомства? Промелькнул, безымянный, скользнул мимо меня, незамеченной...

О композиторе Исааке Шварце написано много. Здесь, думаю, уместно вспомнить хотя бы некоторые вехи его жизни и особенности его личности.

Родился на Украине 13 мая 1923 года в интеллигентной еврейской семье, где ему и его сёстрам Софье и Марии с детства привили любовь к чтению и музыке. В 1930 году семья переезжает в Ленинград, там музыкально одарённый мальчик начал заниматься в Доме художественного воспитания детей по классу рояля у А. С. Замкова, чуть позже брал уроки у профессора Л. В. Николаева. В 1935 году Швари в возрасте 12 лет побеждает на конкурсе юных дарований в Большом зале $\Pi \Gamma \Phi$. Однако с внезапным арестом в 1936 году отца, филолога-арабиста, сгинувшего в застенках НКВД, в семью пришла беда. Боль этой потери Шварц пронесёт через всю жизнь. Когда, спустя много лет, при заполнении анкеты в Союзе композиторов его спросили: «Где захоронены родители?», – известный своей деликатностью Исаак Иосифович не удержится: «Мать на Ленинградском кладбище. А отец? Вам лучше знать, где захоронен мой отец!»

«Жену врага народа», как водится, высылают с тремя детьми в Киргизию, где юноша, чтобы прокормить семью, работает в кинотеатре тапером, озвучивая немые фильмы, — болят и отекают к вечеру руки. Одновременно самостоятельно изучает основы композиции. Музыкальный педагог Ферре обратил внимания на талантливого юношу и начинал зани-

маться с ним, а затем сестра Шостаковича, Мария Владимировна, пишет брату об одаренном молодом человеке с просьбой помочь поступить ему в консерваторию. К концу войны Исаак Иосифович с женой и маленькой дочкой приезжает в Ленинград, и Шостакович, его кумир, принимает его на своей квартире. Шварц поступает в консерваторию, но обучение платное, денег не хватает, и Шостакович, не уведомляя его, из личных средств оплачивает ему обучение. Шварц не был официальным учеником Шостаковича, но, посещая лекции Мастера, считал его своим учителем, — горячо любимым учителем. И в трудные для Дмитрия Дмитриевича дни, во время компании по борьбе с формализмом, не посрамил чести называться его учеником, отказавшись подписать, осуждающее Шостаковича, клеветническое письмо, хотя этот отказ для «сына врага народа» мог иметь тяжкие последствия.

Жила в те годы семья трудно. Заработка жены, преподавателя музыки, не хватало, он много работал: концертмейстером, аккордеонистом, руководил музыкальными коллективами. Несмотря на перегрузку, учеба шла успешно. Еще в стенах консерватории он пишет балладу на стихи Светлова, романсы на стихи Пушкина, Тютчева, Гейне, пишет сонату для скрипки с оркестром, получившую высокую оценку педагогов, и исполняемую на концертах. В 1951 году композитор заканчивает консерваторию, \bar{a} в 1954 году завершает первую свою симфонию, успех имевшую в Москве, в Ленинграде... И после исполнения симфонии на Всесоюзном пленуме Союза композиторов в 1955 году, его тотчас принимают в члены Союза. Однако внезапно последовало затишье. С чем было связано? – можно лишь догадываться... Исаак Иосифович очень переживал, считая, что как композитор не состоялся. Но именно в те годы были написаны Шварцем увертюра для симфонического оркестра, музыка к балету – сказке «В стране чудес» и к балетным номерам «Хореографические миниатюры» для Якобсона, он начал писать музыку к товстоноговскому спектаклю БДТ «Идиот», был принят к постановке его балет «Накануне».

Я помню, как мы, родня, слушали в «Капелле» его сюиту, затем в «Малом оперном» сидели на литерных местах на премьере балета «Накануне», болели за него. Впрочем, восхищений у родни по поводу его всеобъемлющего музыкального дара я не припоминаю. Восторги остались в той, предвоенной жизни. Вспоминается в этой связи рассказ моей старой тетушки. В гостях у одной профессорской четы, заинтересовавшись пришедшим к их дочери скромным неординарным человеком, спросила она хозяйку: «Кто этот молодой человек?» – услышав в ответ: «Да, музыкантишка один, за Ксенией ухаживает». А «музыкантишка» был Д. Д. Шостакович...

К концу 50-х семья Шварца получает квартиру на Савушкиной. Появляется достаток, но Исаак Иосифович щедр и жена жалуется: «Гонорар раздает». Однако добра и она. В то время я, надеясь получить второе, гуманитарное образование, тщетно готовилась к поступлению в институт, прервала работу, жила впроголодь, но никогда не уходила от них голодной. А Галочка, дочь, была добра безрассудно, готова была содержимое кошелька отдать первому встречному. Талантливой росла Галя. Незаурядной актрисой могла стать, но, к сожалению, не смогла состояться. Исаака Иосифовича в эти годы я видела в доме редко, был он, как всегда, перегружен работой...

В конце семидесятых Шварц уходит из первой семьи и женится вторично на 20-летней Антонине Нагорной. Фильм Владимира Мотыля: «Звезда пленительного счастья» со строчкой песни «Не обещайте деве юной любови вечной на земле» стал для композитора значимым: «В это время я уходил от одной женщины к другой, — вспоминал он. — И все мои терзания, мечты, надежды воплотились в музыке этого удивительного фильма».

60-е годы, «железный занавес» в стране кое-где обветшал... Как из-под асфальта, молодыми побегами стали прорастать, упрятанные демагогией вглубь таланты. Девизом их стала правда о жизни, правда о войне в той мере, в какой они эту правду понимали, подчас, веря в социализм с «человеческим

лицом», и смело отстаивали свои позиции. «Оттепель»... Новые имена в поэзии, в прозе, в живописи, в режиссуре, новые выдающиеся актерские имена... Студенческие залы приветствуют молодых поэтов, мы стоим ночами, чтобы попасть в БДТ, загодя записываемся, ожидая приезда «Таганки», «Современника», знакомимся с выдающимся мировым кинематографом, с творчеством Витторио де Сико, Стенли Крамера, Лукино Висконти... Выставки, дискуссии, незабываемые спектакли, музыкальные вечера - всего не счесть... По сей день вспоминаются талантливые фильмы тех лет... «Человек идет за солнцем», «Мир входящему», «Нюренбергский процесс», фильмы Андрея Тарковского, многие фильмы с музыкой Шварца в том числе «Дикая собака Динго» и «Женя, Женечка и катюша» – последний – дебют трех талантливых людей: Владимира Мотыля, Булата Окуджавы, Исаака Шварца. Дебют, продолженный в кинофильмах: «Белое солнце пустыни» и « $\bar{\mathbf{3}}$ везда пленительного счастья». О творческом союзе этих талантливых людей, дополненном певицей редкого дарования Еленой Камбуровой и Сергеем Соловьевым, которого при упоминании Шварц называл не иначе, как Сереженька, можно писать много. Остановиться смогу только на трогательных отношениях композитора с Булатом Окуджавой, с которым его связывала сорокалетняя дружба, большая братская привязанность, полное творческое взаимопонимание... На стихи Окуджавы Шварц написал 32 песни.

Шварц написал музыку к 132 фильмам! И хотя Шостакович считал, что киномузыку следует писать, лишь когда нечего есть, Шварц, снова и снова творчеством доказывал, что киномузыка, написанная умом, сердцем, талантом не может быть второсортной, и убедил Шостаковича в этом. Посмотрев фильм «Братья Карамазовы», тот признался, что отдельные куски его потрясли.

Исаак Йосифович называл себя старомодным композитором. «Я как будто задержался в прошлом веке», – говорил он. Но могут ли мелодии, отдаваясь в глубинах нашего сердца, нашего со-

знания, будоража душу, и оставаясь там, быть старомодны? Нет, здесь что-то с нами не так. Великий Чаплин устами своего героя сказал: «Мы научились рассуждать, и разучились чувствовать».

Размер журнальной публикации, к сожалению, не позволяет подробно остановиться на огромном творческом наследии композитора. К счастью, сегодня есть Интернет, в котором при желании можно увидеть и послушать ну хотя бы вот это.

ПОСМОТРЕТЬ фильмы «Дерсу Узала», «Сто дней после детства»; «Не стреляйте в белых лебедей»; чарующий фильм с чарующей музыкой «Мелодии белой ночи»; изящный, с тонкой иронией фильм «Соломенная шляпка» с Андреем Мироновым; музыкально-режиссерско-актерский шедевр «Невероятное пари» с блистательным исполнением Ириной Муравьевой и Михаилом Казаковым «Романса Книгиной»; незабываемый фильм «Станционный смотритель», в котором режиссер Сергей Соловьев, актеры, композитор Шварц открыли мне вторично, после Марины Цветаевой, «Повести Белкина».

ПОСЛУШАТЬ проникновенную певицу Елену Камбурову, талантливую Ирину Муравьеву в его волнующих мелодиях к фильмам: «Турецкий гамбит», «Капитан Фракасс», «Две дороги», «Звезда пленительного счастья», «Мелодии белой ночи», «Нас венчали не в церкви». И романсы, романсы...

Последний замысел Мастера (2000) – Концерт для оркестра в шести частях «ЖЁЛТЫЕ ЗВЁЗДЫ» («Пуримшпиль в гетто»), замысел которого у композитора возник после поразившего его рассказа узницы об отмечаемом празднике Пурим в гетто обречёнными людьми накануне своего уничтожения.

Я, как многие, разучилась подпускать к сердцу чужие страдания. А композитор взял на себя чужую боль, пропустил её через своё сердце, запечатлел в звуках, вызывая потрясение.

Включаю магнитофон, и дыханье от величия творения перехватывает. Даже в неверье взывать хочется к Богу. Словно стоишь во Вселенной. Тихо, темно, мерцают лишь звезды. Мощные аккорды ширятся, всеохватывающая, протяжная, скорбная мелодия, с пронзительными звуками, с едва улови-

мым шумом становится все напряженней, и, сопровождаемая монотонными барабанными ударами, смолкает. Это первая часть – «Молитва»...)

Следом отголоском прошлого возникает мелодия весёлого народного танца, с которым люди, празднующие Пурим, побеждают страх смерти: пройдя через потери, насилие, страдания, они оставляют за собой право погибнуть непокоренными... Затем – «Ноктюрн» – горестные размышления композитора о многовековой, трагической участи народа. Сила музыки такова, что по мере приближения к финалу я начинаю воочию видеть этих нагих женщин, детей, мужчин, девушек, юношей, стариков, слышать звуки их голосов – дымом и пеплом уйдут они в облака... Финал произведения: тревожные, пронзительные звуки постепенно смолкают, и символом мужества, стойкости, символом продолжения жизни звучит вальсовая мелодия; вальсируют живые за себя, за тех, кто не дожил; мощные аккорды духовых, вторжения ударных при все увеличивающемся напряжении звука и темпа – гимн жизнеутверждения...

Завершить эти заметки хочу воспоминаниями о двух последних счастливых встречах с этим удивительным человеком.

В конце 80-х я неожиданно начала публиковаться в газетах, в русско-французском журнале, и перед отъездом в Германию привезла Исааку Иосифовичу свои рукописи и публикации... В одном из привезенных ему рассказов, затрагивала я проблему антисемитизма и, считая, что он, почитаемый всеми человек, дом которого еще в 70-х показывали в поселке экскурсантам, наверняка огражден от этой напасти, сказала ему об этом... «Отнюдь, – ответил Исаак Иосифович. – Гуляю недавно с собакой, навстречу пьяный сосед, и он собаке: «Ну ты, жидовская морда!»...

Приехав в Германию, звоню Исааку Иосифовичу. И первый его вопрос: – Ира, ты работаешь? – Но я ж пенсионерка... А он строго:

-Я спрашиваю – ты пишешь? Тебе все дано, чтоб ты писала. И эта строгая оценка моего труда согревала и согревает по сей день мне здешнее существование.

Анатолий ОДИНОКОВ Рига (1953 –2015)

ВОТ ТАКАЯ ГРУСТНАЯ ПЕСЕНКА

Печальная весть пришла в середине февраля от музыканта Андрюши Кравцова: умер поэт Анатолий Одиноков, на чьи стихи он писал песни и чья подборка «Я заплачу за всё...» была опубликована в предыдущем номере нашего альманаха. Размышлять о жизни и смерти вообще свойственно поэтам, но уже тогда мне показалось, что у Анатолия тема эта звучит как-то по-особому остро и тревожно:

«А есть ли, в самом деле, кущи рая? /Волнует тема с некоторых пор», «И каждого из нас пугает мысль до дрожи: /Неужто где-то вдруг закончится маршрут?», «Случается, что я ночами внятно слышу, /Как тикают мои небесные часы».

И в «Вот такой грустной песенке», не вошедшей в подборку, о том же:

Как не пыжься, а вечно не жить, Что ни делай – в итоге летальность, Так зачем, возвращаясь в реальность, Я хочу что-то в ней изменить?

«Когда долго всматриваешься в бездну, бездна начинает всматриваться в тебя», – предостерегал Фридрих Ницше. Думается, поэт это понимал и, успокаивая себя и нас, оставил

нам, живущим, свою ироничную «Игру в переглядки...», в которой он, заменив бездну на пространство, предложил улыбнуться вместе с ним над подобными страхами.

Игра в переглядки с пространством

Пролетела птичъя стая, Ветерок листву листает, За окном идёт пустая Ежедневная возня.

Безжеланно и бесстрастно Я сижу – гляжу в пространство, А в окно глядит пространство Равнодушно на меня.

С оных дней, ещё по школе, Знаю, что оно большо-о-о-е... Ну, а раз оно большое, То тщедушный индивид

Может даже не пытаться, Пялить зыркалки в пространство и с пространством состязаться – Кто кого переглядит.

Я моргну, конечно, первым. У пространства (знаю верно) И пространственнее нервы, И пространственнее взгляд.

Потому, весьма спокоен И иллюзии не строю. Все иллюзии – пустое. Очевиден результат. Анатолий Одиноков был одним из тех, о ком говорят «широко известен в узких кругах». Сегодня – в век переизбытка информации и поголовного стихотворчества – и этого немало. Он писал хорошие стихи и был любим друзьями, о чём свидетельствуют их отклики на его смерть, часть из которых перед вами.

RA

ЧАСЫ ОСТАНОВИЛИСЬ

 ${f H}$ е умею говорить красиво, но, потеряв так неожиданно ушедшего друга и соавтора, хочу сказать несколько слов о поэте Анатолии Одинокове.

мы познакомились летом 2012-го. уж и не вспомню точно, где именно, кажется, на стихире.

сначала я заметил его стихи, написал маленький отзыв, а потом увидел на титульной страничке другого сайта, что Анатолий, или Толик, как я по-дружески его называл, из Риги, где я сам прожил почти 15 лет.

стихотворение его, а это была «История игрушек», мне понравились настолько, что на следующий день я послал ему набросок песни под гитару. он был несказанно рад такому вниманию, а я был точно так же рад его положительной реакции на мой скромный труд.

за три с половиной года мы успели переброситься примерно двумя тысячами писем, так мне говорит статистика с сайта. мы говорили обо всем: о жизни, о наших детях, о работе, о стихах, обсуждали новые песни, радовались нашим маленьким победам. иногда созванивались, и я подолгу слушал все новости этого одинокого человека – он был страшно рад любому моему звонку или письму, любой нашей возможности поговорить.

мне не удалось свидеться с ним вживую, вся дружба и эти годы совместной работы над нашими песнями прошли в виртуальном режиме, но мне всегда так важно было услышать, узнать его мнение, получить самый добрый и самый дельный совет по поводу моей музыки или стихов.

мало чему я успел научиться у Толи, нужно было во много раз больше общаться и постигать его мир, собирать драгоценные камни его опыта, как жизненного, так и литературного.

а я не спешил, всегда оставаясь уверенным, что впереди у нас еще много времени. он был очень продвинутым (как сейчас говорят) спецом во всех областях, человеком того, старого покроя, для которого не было вопросов ни с заменой лампочки, ни с ремонтом квартиры или компьютера. в два счета мог объяснить, как отстроить звук в новой песне или чего не хватает в моих стихах, и говорил об этом так, что я верил ему с первого слова.

за это короткое время нашей дружбы мы успели сделать около двадцати песен, опубликовать подборку его стихов здесь, в Германии, в альманахе «Семейка».

мы не торопились жить, что-то откладывали на потом, что-то просто отбрасывали как ненужное, второстепенное.

а теперь время остановилось.

по стечению обстоятельств остановилось в день маленькой победы, победы на конкурсе песни на его стихи - «Небесные часы». ЕГО ЧАСЫ ОСТАНОВИЛИСЬ.

светлая память!

Андрей Кравцов, 18 февраля 2015 года, Германия

ЕМУ МОЖНО БЫЛО ПОЗВОНИТЬ, КОГДА ЗАХОЧЕШЬ

Очень-очень жаль, что ушёл от нас этот замечательный человек, талантливый поэт - Анатолий Одиноков (Пойлов), скорблю вместе с Вами... Благодарна случаю, судьбе, что на просторах сайта «стихи.ру» мне попались его стихи. Где-то в рецензиях мы вели дискуссию о качестве стиха... не помню дословно одну его фразу, но суть такова, что можно постоянно объедаться наскоро сделанным фастфудом и ни разу в жизни

не попробовать ни одного изысканного блюда, не обязательно приготовленного в ресторане, но приготовленного вкусно, по-домашнему, можно всю жизнь ходить в ширпотребе и ни разу в жизни не позволить себе одежду от кутюр... Его слова стали главным критерием «моего» стиха, если так можно выразиться. Не подумайте, что я себя отношу к поэтам (так, иногда самовыслеживанием занимаюсь, чтобы не забыть русские буквы, так как живу в Казахстане, где все меньше остается русского населения) или к литературным критикам каким-нибудь – вообще далека от «поэтической кухни», но когда «переешь селёдки», реально хочется чистой родниковой воды. Вот что примерно чувствуешь, когда читаешь стихи Анатолия Одинокова! Ќогда познакомилась с его стихами, первое время читала все его стихи запоем. Как-то в рецензиях он мне сказал, что не хотел бы, чтобы его залпом читали. Потом я поняла, почему так сказал – к стихам своим он относился очень критично и не хотел, чтобы у читателя была оскома... Даже в его дневнике на сайте некоторое время была запись-предупреждение, что много читать его за раз опасно. Конечно же, мы, читатели, относились к этому, как к шутке автора... Говорят, к хорошему быстро привыкаешь. Не могу полностью согласиться с этой фразой, хорошее быстро принимаешь, я бы так сказала! То, что приготовлено только для тебя, что приготовлено с большой любовью, это уже становится твоим до конца... У каждого человека в жизни есть белые и черные полосы. Его стихи попались мне не в лучший период моей жизни, когда, мне казалось, я переживала кризис среднего возраста, когда не особо клеились отношения с моим супругом... Но теперь уже совсем по-другому думаю: это был самый интересный в плане поиска себя период моей жизни, и творчество А. Одинокова здорово меня вытащило из моей тогда затянувшейся депрессии.

Как там у Сэлинджера: «... а увлекают меня такие книжки, что когда их прочитаешь до конца, так сразу подумаешь хорошо бы, если бы этот писатель стал твоим другом и ему можно было позвонить по телефону, когда захочешь...» Такие чувства возникают, когда читаешь его стихи! Конечно же, хочется узнать о нём как об авторе больше, перекинуться с ним своим, наболевшим...

Помнится, как-то отправила «письмо автору» с вопросом, что делать, если любовь прошла. Знаете, что он мне ответил? Его ответ меня тогда поразил! А ты не любила еще вовсе! Ничего себе, не любила, столько лет в браке состою, и не любила вовсе! Он тогда привел цитату из Библии, о том, что настоящая любовь «долготерпит...», что у меня эгоистичная любовь, что это еще не та любовь, которой должен быть наполнен человек... Когда я столкнулась с ведическим знанием, вспомнились и его слова... в общем, теперь в душе полный штиль, можно сказать, курс выбран, но больно-то как иногда любить. Поэтому и затягивает на его страничку...

...Как-то в одном из ответов на рецензию к стиху он писал, что много раз пытался сложить стих о маме, посвящение маме своей, очень ее любил и был с ней близок духовно, но как только начинал, все слова застревали в горле. Заметьте, на его страничке одна из последних публикаций – стихи о маме! Успел всё-таки сказать о самом сокровенном для себя!

Мало что знаю из его биографии, знаю, что болел чем-то тяжелым, что последние годы не работал, но искал работу, был на инвалидности, но хотел быть нужным прежде всего своим детям, это его, может, и подорвало... Говорил, что чувствует, что ничем в финансовом отношении не может помочь своим детям, что они его в душе, наверное, презирают, не хотел быть никому обузой... Был глубоко порядочным, верующим человеком. Помню, где-то в рецензиях писал, что фильм «Остров» Лунгина пересматривает каждый год... это его самый любимый фильм, его фильм по духу... еще любил органную хоральную прелюдию Баха... мог слушать ее часами, это его вдохновляло, успокаивало...

Остаётся лишь только верить, что если не в этой жизни, то в следующих воплощениях его душа успокоится!

Вечная ему память!

Таня Хомич, 28.02.2015, Казахстан

МАЛЕНЬКАЯ ВСЕЛЕННАЯ

Никогда ещё не приходилось терять друзей в реальной жизни – Бог миловал...

15 февраля 2015 года поняла, что не зря гласит народная мудрость: «Плохие вести приходят быстро». Скорбная весть об уходе рижского поэта Анатолия Одинокова прилетела и в соцсети, и на творческие сайты, где у него были открыты профили.

Несколько дней привыкала думать и говорить о нём в прошедшем времени. Наверное, не скоро привыкну...

Не могу вспомнить точно, когда мы познакомились, но факт, что это случилось, так сказать, на заре моих первых и – что уж скрывать! - весьма неуклюжих попыток стихосложения, то есть лет пять назад... Анатолий разыскивал в Сети давнюю знакомую, поэтессу, мою землячку, но я ничем не смогла ему помочь в тех поисках, зато сам собой, непринуждённо, завязался увлекательный диалог о творчестве, о сетевой литературе, о жизни вообще... И так же непринуждённо в моём, уже тогда плотном, виртуальном общении на окололитературные темы появился первый критик. Беспощадный, прямолинейный, иногда занудный, но – очень справедливый и необходимый мне в то время. Его критика стоила сотен восторженных откликов моих новых «коллег» по сетературе. Именно Анатолий первый ткнул меня носом в ритмические сбои, в нарушения стопности и – самое главное! – отучил от бессмысленного перебирания красивых образов в стихах. Справедливости ради (и не без удовольствия), стоит упомянуть, что самой образностью моих первых «раскривушек» строгий критик всегда восхищался.

Разумеется, знакомство с творчеством было обоюдным, и меня как читателя в его стихах поразила именно это, главное: обязательное наличие твёрдого стержня – ясного смысла, на который, как на новогоднюю ель, нанизывались всевозможные поэтические украшения: образы, рифмы, метафоры...

Стихи Анатолия – это какая-то маленькая вселенная...

Помимо уже упомянутой выше присущей им ясности изложения, в его строчках всегда присутствует и второй, скрытый смысл – за откровенно весёлыми шутками прячется едва уловимая грусть, в печали сквозит мягкая ирония, а в устах его таких узнаваемых и порой смешных персонажей – авторская философская мудрость и огромный жизненный опыт...

Иещё-все его стихи очень музыкальны, но это неудивитель-

Иещё-все егостихи очень музыкальны, но это неудивительно, ведь автор и сам в прошлом – музыкант. Не имея возможности писать музыку самостоятельно, Анатолий в начале нашего общения не раз высказывал сожаление по поводу того, что его стихи не востребованы, как тексты песен, хотя он предпринимал неоднократные попытки показать их профессиональным музыкантам и исполнителям, но безуспешно, и, казалось бы, закрыл уже для себя эту тему. Но вдруг, совершенно неожиданно набрёл в Интернете на необычную рок-композицию, написанную незнакомым музыкантом на его стихи – и радости его не было предела! После этого случая как будто шлюз какой-то открылся – в его творческой жизни стали появляться новые талантливые композиторы, исполнители, и многие из стихов Анатолия обрели вторую жизнь, став чудесными песнями в совершенно разных музыкальных жанрах.

Надо отметить, что, по его собственным признаниям, он достаточно тяжело и долго писал стихи, тщательно подбирая и взвешивая в них каждое слово, вдумчиво выстраивая сюжетную линию и внутреннюю логику каждого произведения. Оттого так ревностно относился к своим, как он их называл, «столбикам», что порой жестоко ссорился с исполнителями, если те случайно перевирали слова или интонационно что-то неправильно пели. Но и помогал соавторам-музыкантам часто – дельными советами по звукозаписи, сведению, и даже сам обрабатывал треки, если у тех что-то неудачно получалось.

Можно было бы ещё много написать об Анатолии: о его достаточно сложном характере или о его великолепном чувстве юмора, или о каких-то моментах непростой биографии.

Можно было бы рассказать о цепочке трагических событий последнего времени, которые, по всей вероятности, и подкосили окончательно его не очень крепкое здоровье, но, думаю, это уже ни к чему. Он был просто талантливый поэт и хороший, честный, порядочный человек.

Для нас – друзей, читателей, соавторов – он навсегда останется живым в своих стихах, в песнях, просто в памяти...

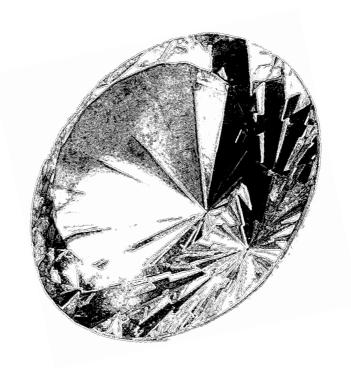
Жаль, что не удалось встретиться с ним в реале. Жаль, что наше плотное, бурлящее, насыщенное общение оборвалось столь внезапно, оставив ощущение недосказанности, недоговорённости о чём-то самом главном и важном. Жаль... жаль... жаль...

Светлая память...

Лилия Слатвицкая, февраль 2015, Россия

Möd u naamehb

Николай БОКОВ Париж

...НО НЕ СТАТЬ ВОЛКОМ

Фрагментью

 $m{B}$ мае 2012 года парижский (ныне берлинский) фотохудожник Владимир Сычёв и три известных литератора: прозаики Владимир Загреба, Николай Боков и поэт Виталий Амурский – были приглашены на чашку кофе в Вуппертальское литкафе. Четырехчасовая встреча, по отзывам зрителей, была одной из самых ярких в череде других. Я задал четвёрке несколько вопросов, сформулировать которые мне помог, того не ведая, Николай Боков. В одном из интервью («Литературный перекрёсток» 21.06.2008) он заметил: «Недавно почитывая энциклопедический словарь конца XVIII-го века, я узнал то, что знает теперь всякий садовник. Оказывается, пересаженное растение не пользуется старыми корнями, в новой почве оно пускает новые корни и только ими и достает себе воду и питание. Древние старались сохранить как можно больше корней, да и нам это показалось бы логичным. Так вот, старые корни душат новые, и растение может погибнуть!» Из интервью сложился обширный материал «Русское древо Парижа», который предназначался для очередного номера журнала «Дикое поле. Донецкий проект», по разным причинам не вышедшего в свет. Журнальная площадь «Семейки» не способна вместить все четыре интервью, но одним из них захотелось поделиться с сегодняшним читателем. Оно, на мой взгляд, не только не устарело, а, напротив, в какой-то части стало ещё более актуальным и даёт представление о творчестве современного писателя-философа с его жёстким, цепким, пристальным вглядыванием, вслушиванием, вчувствованием в этот мир. Необычность подзаголовка объясняется следующим. Считая, что в многочисленных интервью он уже всё и обо всём сказал, Николай Боков отказался отвечать на предложенную анкету. Сошлись на том, что я листаю его книгу «Фрагментарий» (издательство Franc-Tireur USA) и вставляю подходящие тексты в качестве ответов на вопросы. В итоге получилось такое вот совместное «фрагментью». Печатается с сокращениями.

BA

Корни, или «Откуда есть пошли»?

Мне рассказывала Анна Е..., которая живет ныне во Франции, как она в то время едва не опоздала на работу. «Тогда вышел знаменитый указ об опоздании. ...я не услышала будильник и проспала. ...всунула ноги в валенки, накинула пальто прямо на ночную рубашку и выбежала. И вижу, что трамвай стоит еще на остановке. Я бегу к нему и кричу, а он поехал! Бегу и ору: «Караул! Спасите! «И как же мне повезло – водитель услышал и затормозил». Образ России: обезумевшая женщина в пальто поверх ночной рубашки бежит за трамваем, крича «Караул!»

Французам понадобилось почти 4 года (1789–93), чтобы подвести под суд короля, приговорить, казнить. Русские справились за полгода, кончив дело телеграммкой Свердлова насчет расстрелять. Ленину-адвокату некогда было подумать, что он создает прецедент, совершает основополагающий поступок новой государственности. Неужели он думал, что он так может, а ему и его т-щам никто так не сделает? «Сталин слишком груб...», – спохватился. Кирова просто застрелили в коридоре и продолжили в масштабе страны. А начали в Ипатьевском Подвале.

Известие о том, что и Сталин писал стихи, вызвало у него тревогу. Тем более что, по мнению не только его соратников, но и объективных специалистов, стихи были, как бы это выразиться, замечательными.

Больше того. Стало известно, что и председатель Мао писал стихи и занимался каллиграфией. По мнению немецкого телевидения, вклад кормчего в сокровищницу Китая значителен. Немало и юаней в кармашке... Дейч Граммофон.

Если бы только это. Хрущев – и тот освоил фотографию и делал великолепные снимки.

A вы говорите – людоеды. Во-первых, не людоеды, а каннибалы. A во-вторых, не K, а Γ : Γ аннибалы. Γ то, съел?

...самоубийство Цветаевой: она погибла в советской западне, поскольку созданный ею дом «поэт Цветаева» был разрушен в считанные минуты, едва она пересекла границу «возвращения на родину». Порывистость, независимость подпадали под нож. Тягучесть и плывучесть Ахматовой внушали меньше опасений, не зажигали тотчас государственной ярости.

Тоталитаризм – реакция рода против индивидуализации, вот и все. Против атома личности.

В «роли» всегда есть какая-то неизбежность неправды, лжи, партийности. «От имени всех советских людей...», «мы, христиане России...», «от имени москвичей...». Даже говорилось когда-то: «все честные люди земного шара...» Как только человеческий рот может открыться и произнести такого рода фразы?

Нечего сказать, и на меня, глядевшего из Бургундии, произвело впечатление, когда Ельцин вернул партбилет. Неужто? Не чудо ли? Батюшки, метанойя? Да, да не та. Оказалось, он партбилет менял на чековую книжку.

Необходимы прецеденты привлечения властных лиц к ответственности за преступления против человечества. Ближайшего по времени – Горбачева под международный суд за одну единственную вещь: гибель «ликвидаторов» 20 лет тому назад. Генсек послал людей на верную смерть ради «секретности». В годовщину Чернобыля он поговорил по немецкому телевидению об «уроке всем нам». Урок все тот же: власть предполагает ответственность, и не на пляже гавайских островов, а в международном трибунале в Гааге.

Летом того года я читал, как обычно в то время, Библию, находясь в уединенном домике в Бургундии.

Мое чтение мирно продолжалось до 7 главы Евангелия от Иоанна, там, где Иисус учит в храме. Я читал стих 19: «Не дал ли вам Моисей закона? И никто из вас не поступает по закону. За что ищете убить Меня?» Тут и произошло событие: я прочитал «За что ищете убить Ме́ня?» с ударением на Е, явно неправильно, поэтому я вернулся, чтобы поправиться. Но язык отказывался повиноваться. Такое при чтении Библии случалось со мной и до, и после, – «насильственная остановка» до тех пор, пока не осознавался новый, неожиданный смысл. Происходила как бы «вспышка смысла», подчас не имевшего никакого отношения к описываемым в Книге событиям.

И это был как раз такой случай.

Древний текст содержал информацию о готовящемся нападении. Где-то в человеческой гуще России не позднее июля 1990 года решили убить о. Меня.

Кстати, я читал Библию брюссельского издательства «Жизнь с Богом», которую подготовил к печати как раз о. Александр Мень.

Пересадка, или Как корчевали?

Из мыслителей первыми я начитался Герцена и Фейербаха, продававшихся в магазине. Другой мир мне открылся – человеческих переживаний, какие я знал в себе сам, но они были странными на фоне газет, гулких речей неизвестно откуда возникающих партийных начальников. «Былое и думы», ностальгия лондонского эмигранта, и даже – ехидное слово «марксиды», каким Герцен именовал кружок вокруг экономиста. Я пошел искать «наших» в университет. Разумеется, на философский, несмотря на опасения мамы. И сразу попал на диссидента: документы принимал Владимир Жучков, имевший отношение к «делу Панарина», рисковавший исключением...

«Не так всё просто!» – начал он мудро, когда я сказал ему, что пришел искать истину. А мог бы прыснуть в кулак.

Мне довелось слышать насмешки юного журналиста над жившими в то время, в 60–70-е годы. «Что их, пытали, расстреливали?» – иронизировал он.

Насчет «не пытали» можно прочитать книгу Боннер о горьковской ссылке и попробовать услышать крик Сахарова в комнате, куда ее не пускают: «Леночка, мне делают укол!»

В 60-е годы расстрелы были «спазматическими» (хрущевский расстрел Новочеркасска в 62-м), но память о терроре была «и теперь живее всех живых». Она стала биологическим страхом перед «уничтожением рода человеческого», воскресила «додарвиновские» формы. Родители так и воспитывали детей: «не надо при нем, еще в школе расскажет», «ты с ума сошел, знаешь, что они тебе сделают, если узнают»? Кагебе жил этим капиталом ужаса, пока он не израсходовался до невозможности управлять; аппарат состарился и омыться свежей кровью уже не мог.

Если встреча с человеком плодоносит затем размышлением, то она состоялась. А уж «отношения», «дружба», это, знаете ли, максимум, дар Божий. Да и по плечу ли? Лет двадцать назад я подсчитал, любопытствуя, что у меня было в жизни около 900 знакомых, – тех, чье имя я знал и некоторое время удерживал (они и сейчас иногда вдруг всплывают вместе с лицами из океана нейронов). Если б все отношения сохранились...15 часов непрерывного телефона при одной минуте на человека! В 75-м, после отъезда из СССР, у меня оставалось 43 корреспондента в России, открытых и тайных. Из них ныне остался один. Правда, иные умерли. Для некоторых умер я.

Из мертвых моих: Димитрий Леонтьев, Вика Аксельрод, Борис Петров, Юрий Шершнев, Симон Бернштейн... Только Петров и умер «своей смертью», недавно. А с другими были странности. В реанимации Склифосовского, куда Диму Леонтьева привезли с приступом астмы, не оказалось кислорода... Вике Аксельрод, попавшей (почему? никто не узнал никогда)

между двумя вагонами трамвая, дали потерять всю кровь. Евгения Лапкина сбила машина и уехала, и никогда ее не... искали?

С машиной был и у меня эпизод в 74-м. Я шел пешком по Б. Черкизовской с чемоданом. Автомобиль, подъехавший к перекрестку, не остановился на красный свет, а поехал, ускоряя, на меня, переходившего улицу, да так, что мне пришлось отскочить. Ну, это бывает. Интересное в том, что на следующем перекрестке на меня поехал тот же автомобиль с тем же водителем, мрачным, смотревшим перед собой. И снова я отскочил. На третьем перекрестке ко мне подошли милиционеры и предложили открыть мой чемодан. Я спросил, есть ли у них ордер на обыск, они сказали, что нет, и я отказался. Они не настаивали.

Доползли первые слухи: «он не любит русских». Как будто «любить свободу» и «любить русских» в одном человеке несовместимо.

В 74-м году чекисты мне говорили в лицо: «Вы не любите Россию. Зачем вы здесь живете? Уезжайте!» Да как любить ее на допросах?

Почва, или Почему Франция?

Кюре в Нормандии раздавал после мессы виноград из своего огорода. Кисловатый. Но никто не сказал. Выражались эллиптически: «ему не хватило солнца», или «да, лето было дождливым». Вот почти национальная черта французов. Опыт зрелой нации научил, что война начинается с отрицательной оценки.

Французы проголосовали против проекта Евроконституции. Оппозиция эмоциональная, ответ на попытку провести ее быстро и неожиданно. Манипуляция бюрократии натолкнулась на народный инстинкт.

Если чему-то и учатся, то на неудачах соседей. Например, победа большевиков в России внушила французской элите даже не мысль, а скорее чувство, что нужно разжать кулак и немножко поделиться с прочим населением. И в 1936 году свершилось: победивший Народный фронт утвердил не только 8-часовой рабочий день, но даже оплачиваемые отпуска! Вздохнули люди, и вместо митингов поехали на рыбалку. Произошла социальная разрядка. Вот пример усвоенного урока истории.

Конечно, у этих погромов в пригородах (а теперь и в городах) есть социальное содержание, в том числе «расизм по-французски», который отводит уроженцам бывших колоний уголок и там их оставляет. Они нужны были для «ремонта страны» после войн; теперь сезонники могут вернуться к себе. Вдруг оказалось, что они успели нарожать детей и вообще прижиться, но общество «непроницаемо» для этнически других жителей (своеобразный «нормандский католицизм», перешедший в нравы).

Знать общее число молодежи в «горячих кварталах», число прямых участников в событиях, установить динамику в цифрах. Заинтересована ли полиция иметь полную отчетность? Она бросала бы тень на ее работу, на ее усердие... Выговоры от начальства, насмешки прессы. Нет, лучше не знать всего. Как и когда-то в стране «зрелого социализма».

Виноделы во Франции, лобби виноделов: вдруг утихла борьба против пьянства на дорогах, против чрезмерной смертности в авариях из-за пьянства.

Уменьшение числа убитых на дорогах, по-видимому, менее важно, чем уменьшение доходов виноделов. «Важная отрасль экономики в опасности».

Коварство промышленников: к популярным у молодежи напиткам теперь добавляется алкоголь. Создают клиентуру. Собственный народ они растлевают, как когда-то индейцев в Америке. И ведь не «новые русские» на Чукотке, а почтенные французы во Франции. Пресса и правительство ни гу-гу.

Интеллигентское комильфо. Комильфо парижских интеллектуалов, бизнеса, чиновничества. Проблема комильфо, конформизма. Почему так важно быть конформным. Перелистывая

альбом фотографий освобождения Франции: сожительствовавшую с немцем женщину, посадив над толпой на помосте, стригут наголо. Проезжая мимо Национальной Ассамблеи, подобного снимка я не вижу (и этому не удивляюсь) в выставке, посвященной 60-летию освобождения. Почему сегодня неприлично повесить такой снимок на фронтоне Ассамблеи? Неприлично даже спросить: что значит после ужасов гитлеризма коллективно издеваться над одиноким, слабым существом? Говорят, самосуду в освобожденной Франции подверглись около 60 тысяч человек. Почему-то только сейчас показали давно приготовленный документальный фильм. Ужасна, невыносима вереница обритых женщин, идущих через улюлюкающую толпу. Сцены избиения, вешания за ноги. Обычно показывают ликование, букеты и поцелуи танкистам. А было и то и другое. Наличие того мне отравляет другое. «Не укладывается в голове». Можно еще кого-то провинившегося не взять с собой в свое ликование и радость. Но как удается ликовать, измываясь? Поизмывавшись, ликовать?

Просыпаясь утром, вспомнил о воспоминаниях Солженицына. Там было братство, а по выезде оказалось, что лидерство. Надежда на братство обернулась реальностью лидерства, осложненной тем, что лидеры имеют наилучший доход. Вот причина «войн в эмиграции».

Неприятие меня обществом было наглядным, невозможность объясниться предельной. Интересно, что ни священник, ни другие не спросили: почему ты это делаешь? Ответы нищего заведомо неинтересны. Но ведь нет виноватых: все действовали в меру своего понимания, никто не желал злого. Собственно, только намерение причинить страдание другому и есть зло, преступление. Все же остальное – жизнь.

Лоран Gerra по тиви очень смешно говорит голосами политиков, особенно что-нибудь бытовое устами властных гиппопотамов (один Пасква стоит всего стада). Хотели подать на гиньоля в суд, но *не решились*: пришлось бы «предъявить в суде вещественное доказательство диффамации». Хохот всех судей, прокуроров, адвокатов, публики! Нет, невозможно.

Опасное произведение охраняет автора. (Ну да, в правовом государстве. Кое-где застрелили бы.)

...с 2002 года, после трех лет евро цены на фрукты и овощи в магазинах поднялись в три раза. В то же время закупочные цены уменьшаются! Вот ловко. Фермеры, протестуя, устраивали под Эйфелевой башней дешевые распродажи овощей и фруктов, но их снова принудили к «аукциону наоборот»: кто из них предложит меньшую цену огромным торговым фирмам, у того и закупают.

Все-таки трогательно, что люди стоят в очереди и опускают в ящик бумажку в конвертике. Один господин произносит фамилию расписавшегося в ведомости: «Мсье Пьер Дюваль...», а другой говорит: «... проголосовал!» и нажимает на рычажок крышки, и конвертик падает в прозрачный сей ящик, именуемый урна. Из количества бумажек складывается на пять лет власть главного лица в государстве. Конечно, специалисты изыскивают, как это так повлиять, чтобы бумажки выбрали именно с этим именем кандидата. Но все равно трогательно. Даже в глазах щиплет. И почему в России иначе... что тут, собственно, такого недоступного для русских? Дело, вероятно, в машине. Она отстроена и отлажена, и не столь уж многое зависит от шофера на час. Ну, чуть влево, чуть вправо. Впрочем, полнота информации не шутка.

Урожай, или Что выросло?

Фрагменты. Медленно осознаю, что это жанр. Давно уже действующий, осуществленный множеством авторов с подходящими эпохе извинениями. «Дневник», «Опавшие листья», «Записки на манжетах», «Смех после полуночи», «Ни дня без строчки».

Да ничего и нет, кроме фрагментов.

Я начал по-настоящему работать, когда вокруг не стало современников. Дружбы отбирали у меня много времени и сил.

Интересно, что у меня было много друзей, не интересовавшихся моим искусством. Или ничего не понимавших в нем. Впрочем, это одно и то же.

...в 82-м, после ТВ «Апострофа» мы поехали с Кольдефи (мужем переводчицы Анны) покупать краску, и продавец меня узнал: «Не вы ли вчера на *ТИВИ*...» Я забеспокоился. Подобное повторилось, и я стал бояться: они меня знают, а я их нет! И не всегда ведь говорят. Вот женщина смотрит пристально: она знает, кто я, а я о ней не знаю ничего! Сбрил бороду, волосы: вот до чего испугался.

Врач рассказывает мне свою историю: конфликтный развод, он теряет дом, коллекцию автомобилей, миллионы. Подумывает о самоубийстве; ему попадает в руки «На улице Парижа». Он говорит себе: «Этот человек, живущий на улице, счастлив. А у меня квартира в Париже, кабинет, практика, мерседес, – и я говорю, что все кончено. Не ошибаюсь ли я?» И выздоравливает от смерти.

В некотором смысле мы с Б-м квиты. Искупил, вероятно.

Написал нечто такое, что захотелось немедленно уничтожить, чтобы никто никогда.

Письмо, взгляд, услышанная из-за двери фраза, имя, цитата, кусок газеты, выражение лица, воспоминание, вызванное неожиданным запахом на улице, колено, коварно высунувшееся из-под юбки, скрежет вагона метро на повороте, лист платана, упавший плашмя на ветровое стекло, начавшийся кашель, – всё, всё годится для постройки уютного писательского гнезда. А потом сидеть в нем нахохлившись и не знать, что делать дальше.

Если есть вдохновение написать что-нибудь – немедленно это делать. Подарок неба и судьбы. Не откладывать ни ради чего другого. Все остальное прах и пыль. Как, впрочем, и написанное.

Гм.

Пожинатели плодов, или Кому оно надо?

Вспомнилось: Франциск Ассизский, увидев валяющийся исписанный клочок, его немедленно помещал в безопасное место, поскольку «там есть буквы, из которых складывается имя Бога».

Однажды я слушал проповедь, показавшуюся мне скучнейшей из банальнейших. Тут я оглянулся и увидел, что дама, четверть часа до того чопорная и важная, сидела с лицом совершенно переменившимся, с красными пятнами, в слезах. Ей что-то открылось: ей лично говорилось всё это! Так мне стало неловко, что опять возомнил себя пупом.

«Серийный киллер» пишет в тюрьме книгу, уже написал, уже есть и издатель, готовый издать ее миллионным тиражом. Уже потекли у всех у них слюнки. Прокурор запретил: неэтично было бы по отношению к жертвам и их семьям. Все-таки приятно, что шоубиз не на весь мир могуч и вонюч.

Человек, когда он занимается наукой, хочет узнать. Искусство же служит строительству его «дома» в мире. Его «гнезда», «кокона» – смерти? перевоплощения?

Культура ныне предлагает не норму, а загадочность [норма загадочности, мера загадочности]. Вместо принципа нормы пришла неожиданность жеста художника.

Дело писателя – рассказывать бедным о том, как живут богатые, о их бедах и горестях, а богатым рассказывать о том, как весело живут бедные, как они радуются упавшей с неба манне.

Университетский Толстой иной, чем бывший когда-то. Так коллекционный жук или бабочка отличаются от живых, так чучело лисицы другое.

Пьер Гийота настоящий писатель. Этот сомнамбулизм угадывания, выступание сюжета, словно города из утреннего тумана, ритм (что во французской прозе нечасто). «Работает с голоса»: он рассказывает доверительно нескольким, наклонившись над столиком кафе.

Стали вспоминаться подобные случаи слышания голоса писателя через его текст: звонкий, громкий, жизнерадостный Булгаков, Солженицын, вещающий с трибун съездов, Рильке, тревожно говорящий самому себе, Достоевский, кричащий с балкона в охваченную ужасом толпу. Сомнамбулизм Бодлера, надеющегося, что его подслушивают. Собрание господ в сюртуках вокруг Малларме (Брюсов копировал, вероятно, его).

«Голоса» других сейчас не вспомню. А этих я слышал, читая, вплоть до тона и тембра. (Лишь за чтеньем Гийота «осознал феномен».)

Интимность Розанова не спасает его от маньеризма. «С выпученными глазами и облизывающийся – вот я. Некрасиво? Что делать». Надо бы добавить: и гноящийся.

У Пушкина она есть, поэтому он так и любим русскими, его интимность естественна, – он говорит, когда на него никто не смотрит, никто не видит.

Я не любил откровенных разговоров днем, на свету и перед всем миром. Поразительны люди, ведущие разговоры по телевизору! Так наплевать на все надо уметь!

Почти весь кружок создался из студентов философского, но были и «посторонние», вроде Тани по прозвищу Холден (имя персонажа из «Над пропастью во ржи», ею тогда все упивались. Тоже книга «для определенного возраста». Она мне попалась в руки года три назад, и я, предвкушая, в нее погрузился. Спустя три страницы меня леденил уже ужас: эту муру я читал и цитировал? Ссорился с кем-то, обозвавшим ее чепуховой?)

В молодости замирал, послушав «Альбатроса» в переводе Левика. Спустя сорок лет, пожив на родине оригинала, случайно попал на перевод тот. И оцепенел, не веря чувствам своим: неужели это чучело из соломы – бывшее чудо?

Кажется, некоторые уцелели, Лорка Гелескула, например. А вдруг просто потому, что испанского я не знаю? Не принадлежу ли я к поколению самородков советской эпохи, уже отличавших изумруд от булыжника, но не слишком занимавшихся обработкой.

Французы иногда осмеливаются недоумевать (в частных разговорах), чем это Пушкин так пленяет русских. Попробовав их переводы, я смутился. «Наше всё» по-французски существует лишь отчасти, хотя усилия бывали значительны, начиная с Мериме. И стилист Андре Жид прикладывал руку к «Повестям Белкина».

Ночью читал Бродского. Он-то боролся за спасение башни из слоновой кости! Я на его стороне: люблю безнадежную борьбу... Время башни из слоновой кости прошло, ныне время хижины из слоновых костей. И время ангелов прошло, ныне поэзия не летает выше монгольфьера, наполненного горячим газом, сибирским, по возможности.

Реклама прибегает к аргументу стадности, и это *работает*. Как ни странно. «Эту книгу уже купили в мире два миллиона человек. А вы?» Казалось бы, указывается книга, которую нужно избегать: содержание, *одновременно* тронувшее два миллиона человек, заведомо *минимально*.

Вчера с Кло в кафе «быстрой культуры» Пилота Ле Хота. Соревнование хайкистов; самый лучший сеанс был первый, наш с Кло. А потом полилось вышучивание коитуса – детьми колоний и предместья. Хайку был спасен от поругания: первое место досталось-таки Кло, несмотря на восторги публики по поводу шуток насчет промежности.

Власть перешла к парфюмерам, портным и гастрономам.

«Моцарт летит и несет, как на крыльях, Бетховен везет, а современных нужно тащить на себе, — сказал он. — И с поэтами так же. Всё меньше энергии, все больше требуется отдачи при чтении, а уж нынешние откровенные вампиры».

Растет занимательность книги, но уменьшается содержательность.

Иной писатель похож на пчелу, и его писания подобны меду.

А другой откладывает тебе в душу личинку ужасов. Будьте, дети, осторожны с искусством: такого посеют, что заболеете депрессией или раком, и не будете знать из-за чего.

Читать перестали, потому что нечего читать. Штучки, забавное, «мне понравилось». Нечего читать, потому что перестали писать. Не о чем. Киты все те же три: секс, насилие и еда. Уже не вдвоем, а вшестером. Не ножиком, а на мелкие куски. Не картошку, а живую форель с укропом. И это всё? И тут muвu как закричит, как заскрипят желтыми перьями Пьеры Кардановичи и Иваны Гаспромовичи: есть новое, вот оно: не просто вшестером, а привязав к часовому механизму курантов на чердаке ратуши. И не только на кусочки, а еще и утопив всех соседей и отравив полгорода. И не форель, а мозги, запеченные в молодых побегах бамбука. И так далее, в обнимку со Степаном Царом и Гарри Потером.

Настоящему искусству полагается ныне отражать оригинальность личности. Художники по наивности решили, что она состоит в непохожести на других. Убегая от китча, к нему прибежали.

Ты, художник, от партии ушел, ты от родины ушел, ты от жены ушел, а от китча тебе, мошенник, никуда не уйти.

Литературное произведение довольно редко прямо воз-действует на читателя. Оно должно оказаться местом встречи, общения и обмена современников. Читают то, о чем говорят, но почти никто не говорит о том, что читает.

Услышал речи о свободе, подошел поближе, а оратор, окруженный телохранителями, уже садился в лимузин.

Услышал проповедь о любви, побежал, а священник складывает свои принадлежности в чемоданчик и спешит на такси и на поезд.

«Святое искусство!» – донеслось. Заторопился, а художник, весь бледный, спорит о процентах с владельцем галереи.

Кто-то слово «истина» употребил, оглянулся, а философа уже отвел в сторону журналист и забрасывает вопросами, как тот проводит свободное время.

И так далее.

Идите все к черту.

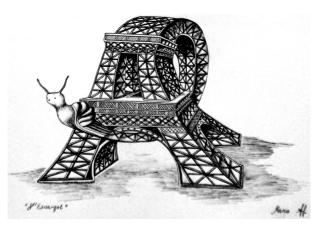
О, о, прозрачность Слова: ничего нельзя спрятать, замаскировать. Солгать, в сущности, невозможно. Китч оставляет пятна, подобно кислоте.

Сийеса спросили, что он делал во время террора (французской революции). «Я оставался жив», – сказал он. Клерк в Шартре, он был автором программной брошюры «Что такое третье сословие?»

Если меня спросят, что я делал в эпоху благоденствия, в стране зрелой Европы, я отвечу так же.

Заслуги тут никакой.

Остаться живым, но не стать волком.

Парижский уличный художник Марио

Ирина АЛЬТМАН Вупперталь

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ЭЛЬЗЫ ЛАСКЕР-ШЮЛЕР С ФРАНЦЕМ МАРКОМ

(Окончание. Начало в 14 выпуске «Семейки»)

В Зиндельсдорфе Эльза ближе узнала новых друзей, ощутила их душевную теплоту. Через две недели она едет в Мюнхен. В это время в галерее Таннхаузера проходила выставка Франца Марка. В картинах мир животных с их первозданной стихией, трепетным чувством жизни захватил Эльзу. Находившаяся на выставке художница Габриэле Мюнтер, решив придать ясность воодушевлению, с которым Эльза рассматривала картины, обратилась к ней с вопросом о том, какая картина и чем ей особенно нравится. «Тигр», – был ответ.

Эльза отошла, но вдруг возвратилась и взорвалась возмущением. Слова обычного обмена впечатлениями посетителей выставок здесь казались ей неуместными, уводящими от сути искусства Франца Марка. Эльза стала говорить о невиданной значительности образов его зверей, но при этом так горячилась и так резки были ее выпады против Габриэле Мюнтер, что эта сцена приобретала уже скандальный характер. Сейчас картины Ф. Марка находятся во многих известных музеях мира, но тогда им еще предстояло завоевывать признание. На выставке в Мюнхене Эльза по-своему защищала их, а пылкость ее порыва вызвана была открытием того, насколько близким ей оказалось искусство Франца Марка. Как Принц Фиванский скажет она об этом в одном из писем Францу: «Ты – именно тот, кто создает священных животных, обитающих в моих рощах».

Происшедшее на выставке беспокоило ее. Из Мюнхена Эльза пишет в Зиндельсдорф:

Дорогой синий Всадник,

прямо как некий рок рассматриваю я случившееся. Только дружеское было у меня в мыслях. <...> Свои дружеские чувства к Вам хотела я выразить. <...> Какой-нибудь рассудительный человек сегодня, разумеется, смолчал бы, но не пуделя у меня душа, чтобы скомандовать ей: «Лежать!». Оттого и впал сейчас мир в тоскливую практичность, что всякое противление

Франц Марк. «Тигр», 1912. Холст, масло. Галерея «Дом Ленбаха», Мюнхен

посредственности принимается за неблагоразумие. Я не благоразумна и не хочу таковой быть. Не по душе мне расчет.

<...> Вульгарным нашла я то, что женщина в присутствии жены художника, выставляющего свои картины, так по-обывательски высказывалась. Правда и то, что я уж в тысячный раз не смогла сдержаться. <...> Но меня больно задело, что ваша жена не поняла меня. Моя неправота состояла в том, что после всего я не поддержала Вашу жену, о чем сожалею, так как расположена к ней. <...>

Ваш честный Принц Фиванский

В ответе из Зиндельсдорфа 21.01.1913 Эльза находит уверения в том, что их дружеские отношения ничто не поколебало.

Дорогой Принц, ... наши добрые пожелания ежечасно сопутствуют Вам. Сердечный привет от нас обоих, синий Всадник

Подлинность их дружеских отношений утверждается теперь Эльзой в соответствии с ее ролью Иосифа – Юсуфа новым именем для Франца: Рувен. Библейский Рувен – сводный брат Иосифа. Единственный из сыновей Иакова Рувен не участвовал в вероломном сговоре братьев против Иосифа, любимца отца.

Письмо из Мюнхена в конце января 1913 доносит мощный импульс нового состояния Эльзы, той ее поэтической стихии, в которой реальность переплетается с вымыслом. Об этом свойстве творчества Эльзы Ласкер-Шюлер писал литературный критик Макс Фишер: «Ни один биограф и ни один психолог не в состоянии разделить здесь правду и поэтическую фантазию. Эта женщина сочиняет свою жизнь и проживает свое сочинение».

Письмо Эльзы обращено к Маркам и к художнику Генриху Кампендонку, живущему в это время в Зиндельсдорфе:

Рувен чудный, Марейа и Генрихдонк,

так добры вы комне – и я постоянно слюбовью думаю о вас. Я выздоравливаю, меня не будоражит больше моя воспаленная кровь.

<...> И лев я вновь. Мое рычанье – здоровье и готовность к прыжку. Не пелось мне в вашей золотой клетке, не могла я, потому, что только рычать могу, замышлять охоту и ловить добычу.

Дорогой Рувен, Марейа, девочка! Ведь я же написала два стиха; они будут в журнале «Март». Главный редактор снова заказал мне роман (в письмах). И теперь могу я засесть и кляксы сажать и лица вырисовывать, и вам снова и снова раскрывать мою душу. <...>

Я люблю вас! Любовь же моя неистова – раздеру в клочья. Но вас я люблю нежно. <...>

О, велико различие: Принцем Фиванским или же королем Юсуфом быть. Огромнейшая ответственность лежит на моих плечах. <...> А я не могу спать от упоения – звезды повисли у моих ресниц. Так ярки они, что я не могу спать. <...> Велика ответственность, – и сменил я нескольких министров. В одного я, честно, – но это между нами, – влюблен. Волосы его <...> цвета зеленоватого золота. <...> Что же вам еще писать?! – хочется расцеловаться, и с Генри Кампендонком – у него красивый рот упрямства, а в уголках – ежевика. <...>

Гутман предложил мне литературный вечер в Берлине l .

До свидания! Юсуф, король

В письмо Эльзы вложены копии двух новых ее стихов. Одно из них посвящено молодому поэту, врачу Готфриду Бенну. Вероятно, слова в письме о влюбленности «в одного министра»

¹ Вечер Э. Л-Ш, организованный представителем концертного агентства Э. Гутманом, состоялся 9 февраля 1913 в Филармоническом зале Берлина.

относятся к нему. Эльза Ласкер-Шюлер затем посвятила Бенну целый цикл стихов.

Ответ из Зиндельсдорфа приходят с картинкой, на которой Франц изобразил двух синих коней:

Большое спасибо, дорогая, за приветы и поцелуи, что Вы нам обоим прислали, и ежевичному рту нашего друга. Величайшая же благодарность за удивительно красивые стихи. Мы разъедим сегодня благодарственную жертву (как истинные боги), чтобы отпраздновать Ваше выздоровление; сверх того, будет распито вино цвета волос Вашего любимого министра....

До скорого свидания. С рукопожатием и поцелуями от всех нас, синий Всадник и его Марейа, танцовщица при дворе короля Юсуфа

С «плача» Принца Фиванского о покидающей его поэзии началась переписка Эльзы Ласкер-Шюлер с Францем Марком. Он услышал тогда жалобу о тяжком недуге: «Скоро я совсем не буду способен писать стихи». Рецептов защиты от угасания «божественной искры» таланта нет. Но письма Франца Марка, в которых он чуток, артистически находчив, были целебной поддержкой от художника художнику. С пониманием отнеслась к этому Мария Марк. «Картинки» Франца Марка в его письмах – это миниатюрные дары большого искусства. От Франца Марка шла еще и очень действенная помощь Эльзе в период, когда ее материальное положение было особенно тяжелым. Так, в феврале 1913 по инициативе Ф. Марка была организована в Мюнхене выставка-продажа работ художников в пользу Э. Ласкер-Шюлер. В аукционе вместе с самим Марком участвовали Клее, Кокошка, Кубин, Кампендонк, Хеккель, Веревкина.

Год 1913 – время самой интенсивной переписки Эльзы Ласкер-Шюлер и Франца Марка. Часто это короткие, но всегда полные дружеской заинтересованности и сердечности послания.

Открытку с картинкой «Три пантеры короля Юсуфа» Эльза получает 6 февраля 1913 года в Мюнхене, где она совсем недавно виделась с Марками:

Дорогая подруга, счастливого пути! Сразу же пишите, как дела у Вас, все-все. <...>

Сердечный привет от нас обоих.

Ваш синий Всадник и Марейа

«Высокий стиль» ответа Эльзы передает ее восхищение Францем:

Высокочтимый живописец Франц Марк, <...>

«Три пантеры короля Юсуфа» 1913. Тушь, акварель, гуашь

никогда еще не создавали Вы картин такой прелести. Тигр, пантера, леопард – от Солнца взяли они свои цвета: ярко-голубой, цвет золота фараонов, гранатово-красный.

Бесконечно благодарна Вам и Марейе. <...> Ваш Юсуф

Чуть больше недели без писем от Эльзы – ей уже пишут 15 февраля:

Наилучшие пожелания из Зиндельсдорфа. Как живется в Берлине? Как дела у Вас? <...>

Ваш Франц Марк <...>

Продолжает Мария:

«Мы соскучились по письмецу. Как дела с "Вуппером"?» Сердечно Ваша Марейа

Вопрос о пьесе Э. Ласкер-Шюлер «Вуппер», изданной в 1909 году, связан с планами ее постановки в Мюнхене.

Письмо, написанное Эльзой 17 февраля после приезда из Мюнхена, исполнено признательности Францу и Марии за их драгоценный талант сердца, за отзывчивость души <...>:

Вы милые, чудные, единственные зиндельсдорфские детки, вы так добры, так прекрасны. Вы — то Солнце, которого мне не хватало, которое смогло отогреть меня от ледяного холода.

Их письма порой встречаются где-то в пути, потому что пишут они друг другу одновременно.

Как молнии стремительны строки письма Эльзы из Берлина 23 февраля. Письмо пульсирует ритмами ее жизни, ее сердца:

Дорогие королевские Сотоварищи, навсегда Ваш Юсуф

Забыть того нельзя, что вы для меня сделали, что вы приняли меня.

Целую много-много раз. Ваш Юсуф

Книгу послала! (По просъбе Франца послана книга Φ . Верфеля)

Скоро письмо! Безумно много работы. Лучше!

В тот же день, 23 февраля, из Зиндельсдорфа отправляется послание о неторопливой сельской жизни. Здесь картинка «Охотничьи трофеи Принца Фиванского»:

Милая подруга, отсутствие новостей — тоже хорошая новость. На это, по крайней мере, надеемся и кланяемся тысячу раз. У нас все прекрасно: весь день заняты живописью, и еще то едим, то спим, — сущие звери.

Ваш Франц М. и Марейа

Шутливо пишет Франц о жизни в Зиндельсдорфе. Однако именно в это время он в постоянном поиске новых средств выразительности живописи. Им были созданы картины, которые затем принесли ему известность: «Башня синих коней», «Судьба животных», «Спящая лошадь», «Конюшни», «Волки. Балканская война». Теперь картины эти – среди важнейших произведений экспрессионизма.

Франс Марк. «Спящая лошадь», 1913. Музей Соломона Р. Гугенхайма, Нью-Йорк.

«Желто-лимонный конь и огненно-красный бык Принца Юсуфа», 1913. Тушь, акварель, гуашь.

Эльза отвечает на лёгкий упрек в отсутствии вестей от нее объяснениями и извинениями даже перед Русселем, любимой собакой Франца:

О, дорогие детки, милый белый Руссель,

я была больна, лежала с воспалением. Не думайте, что я забыла вас в неблаго-дарности. Юсуф не способен на это.

<...> Работы страшно много.

Юсуф

<...> В апреле буду снова в Мюнхене.

На почтовой открытке, отправленной 9 марта из Зиндельсдорфа с картинкой «Лимонно-желтый конь

и огненно-красный бык Принца Юсуфа», в адресе получателя стоит: «Фрау Эльзе Ласкер-Шюлер, звездной поэтессе».

Открытка эта – весть о переживании земных дел и дел «небесных»:

Дорогой, добрый Принц, так приятно, что ты написал нашей маме, она очень обрадовалась 1 .

В нашу спальню проникает мерцание такого множества звезд, что не надо зажигать ночники. Мы счастливчики! <...>
Поцелуй от твоих синих детей.

 $^{^{1}}$ Речь о матери Марии.

На следующий день, 10 марта, от Эльзы:

Синий всадник и Всадница сине-белокурая,

о, чудесные открытки; они все так хороши, <...> что и слов нет, самое прекрасное слово и то обидит. Надеюсь, я достойна красивых картин. 12-го ночью еду в Хаген, приглашена вместе в Паулем <...> Буду пять дней, затем в Кёльн на поэтический вечер, после чего — домой. Очень устала от всяческой работы. <...>

Дивные открытки беру с собой в Хаген.

Карл Эрнст Остхауз (1874–1921), пригласивший Э. Ласкер-Шюлер на поэтический вечер в Хаген, сыграл значительную роль в признании искусства экспрессионизма. В Хагене, в созданном им Фолькванг-музее, проходили выставки художников-экспрессионистов.

В 1911 году здесь на выставке Франца Марка была впервые куплена его большая картина. Картина эта, «Красные кони», находится теперь в частной коллекции в США.

В рецензии на выступление Эльзы в Хагене отмечались проникновенная красота ее стихов, «мастерство владения поэтическим языком, позволяющее ей словом создавать неслыханно выразительные картины, которые воздействуют столь же сильно, как и искусства изобразительные».

Марки не смогли быть с Эльзой в Хагене, так как должны были навестить в санатории больного отца Марии.

Эльза виделась с ними в Мюнхене в начале апреля 1913 на пути в Прагу, куда была приглашена с чтением своих стихов. Тепло встречи с Францем и Марией продлили две почтовые открытки: одна в Мюнхен, другая – в Прагу.

На первой – картинка с фигуркой маленького теленка. И послание:

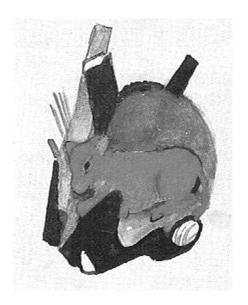
Этот священный теленочек был найден спящим в саду у дворца в День восхождения на трон короля Юсуфа.

Было очень приятно, что Вы и на вокзал пошли проводить нас. Так по́ сердцу это пришлось. <...> Многих радостей в Праге желают тебе твои

Франц и Марейа-преданная

Об успехе в Праге Эльза сообщает из Берлина 10 апреля:

Вечер прошел великолепно. Зал был переполнен! <...> На мне были серебряные сапожки, синий Всадник, и шелковая блуза-рубашка. <...>

«Священный теленочек», 1913, гуашь, тушь.

Потом расцеловались мы все так крепко, как мы трое тогда на вокзале.

Твой и твоей Марейи Юсуф

На обратной стороне конверта:

Только что узнала, что в «Пане» замечательная рецензия о тебе. Ура!

Рецензия в журнале «Пан» была в связи с выставкой Φ . Марка в галерее «Штурм».

Посланная Эльзе в Прагу открытка, на которой изображен стремительно несущийся конь, уже не застала ее там. «Конь» следовал маршрутом Эльзы и явился к ней в Берлин с посланием:

Дорогая, это боевой конь Принца Юсуфа – страшно! Привет, милая Сестра, Франц и Марейа

Успех Коня во владениях Принца Юсуфа был триумфальным, о чем сообщалось:

Дорогие Собратья и Друзья!

Это грандиозно! Превосходно!

Мой народ рвется во дворец – хочет видеть моего нового боевого коня.

По-императорски великолепно! Я скачу верхом только на нем. Ваш Юсуф

В это время Эльза занята подготовкой кизданию в Лейпциге книги «Принц Фиванский». В ней вместе со своими иллюстрациями она с согласия Франца дает и его три работы. В письме Маркам, называя свои иллюстрации «рисунками-буквами», она считает их «простенькими» в сравнении с работами Франца. Однако имеет в виду и то, что как древнеегипетская иероглифическая письменность нераздельно связана с рисунком, так ее рисунки связаны с ее текстами. Эльзе важны были оценки и дружеские советы художников Франца и Марии. Она пишет им 30 апреля 1913 года <...>:

«Боевой конь Принца Юсуфа», 1913. Акварель, гуашь

Мою арабскую книгу с иллюстрациями отправляю вскоре Вольфу. Не знаю, не нахальство ли, что вместе с моими «рисунками-буквами» посылаю твоих красочных звериных королей – такую роскошь. <...>

Ваш Юсуф

<...>Прислать для просмотра мои картинки-иероглифы?

Незамедлительно приходит ответ:

Конечно же, высылай нам твои иллюстрации и нарисуй-ка еще свой портрет, а также виды твоего Двора; сделаешь?

Твои дети целуют тебя

В начале мая 1913 года в Лейпцигском издательстве Курта Вольфа выходит книга Эльзы Ласкер-Шюлер «Лица», в которой эссе «В цирке» она посвящает Францу и Марии:

Моему дорогому синему Всаднику Францу Марку и его синей Всаднице.

Франц и Мария с Русселем в Зиндельсдорфе

Эни сошлись

Æлена МОРОЗОВА Донецк

АВТООТВЕТЧИК

Kвартира без домового, что кухня без чайника.

В моей малогабаритке домовой не завелся или не прижился. Никто тапочки не таскает, под ногами не шастает, из углов ни улюлюкает. И вообще, вы жили когда-нибудь в коробке без тайн и приключений? Вот в такой я и живу.

Зовут меня Глория. Но лучше Лора.

Однажды в интернете я увидела объявление: «Распродаем котят, щенят, мышек, хомяков, есть банники и домовые!».

Я возликовала! Выписала в блокнотик телефон и адрес и назавтра уже катила в маршрутке на окраину Донецка.

По указанному адресу возвышался трехэтажный особняк. Через прутья кованых ворот на лужайке заметила свободно разгуливающих псов. На звонок проявился детина в майке и холщовых брюках—сросшиеся брови, кулаки по пять пудов. Он сфокусировал глаза на мне. Я выпрямилась и сдвинула легкую сумочку за спину.

– Добрый день! Хочу купить животное, – фразу я приправила ванильной улыбкой.

Дверь скрипнула и отъехала.

- Аляска, Аврора! На место! гаркнул хозяин в сторону прицеливающихся в меня псов, и те послушно затрусили к дому. Что нужно? Что именно?
 - Мне бы домового!..

Детина замер. Лишь шевелилась густая поросль над глазами, обдуваемая летним ветерком.

– Федь! – зычно рявкнул хозяин. – Неси Проньку. Живо!!! Покупатель нашелся.

Моё сердце отчаянно заколотилось. Я и сама в любую минуту готова была дать стрекача. Тем более псы, услышав рык хозяина, снова проявили ко мне интерес.

Мужчина прищурился:

-Сто гривен.

И громко в сторону:

- Федор, в коробку его! В углу плетёная. С дверцей. Тряпочкой хватай. А то покусает, и снова ко мне. Зеленки на них не настачишься. Девяносто! И ни копейкой меньше! Федора даже самая никудышная кошка укусит. А домовому сам бог велел. Он существо сокровенное. Откуда узнали?
 - Из Интернета.
 - -А... Значит, поверили. Это хорошо!

К нам подкатился маленький пухлый человечек. Поставил корзинку на землю и молча, как-то обиженно, отбыл.

Хозяин протянул широкую ладонь:

- -Деньги!
- A взглянуть можно? во мне проклюнулась рассудительность. Может, там лягушка болотная?

Дядька проворно нагнулся и деловито одним пальцем постучал по плетеной стенке. В ответ что-то зашуршало и фыркнуло, потом чихнуло. Странно, но этот тонкий чих меня убедил.

Я сунула в широкую ладонь деньги, подцепила коробку и, не оглядываясь на скрипнувшую дверь, спиной чуя, как трутся о прутья два разочарованных волкодава, бодро зашагала к маршрутке.

– Дома сразу его выпустите, – услышала вдогонку. – Проня сам с вами дружбу заведет. Удачи! И берегите от дурного глаза и любопытных.

По дороге в моей ноше возились, скреблись, иногда плетёнка тяжелела с одной стороны, иногда с другой.

Опустив корзинку в центре зала, открыла дверцу и затаилась на диване. Послышался вздох, и дверца захлопнулась.

«Не хочешь выходить? – удивилась я. – Будешь жить в коробке?» Налила молока в блюдце и сунула вовнутрь, но молоко выплеснули, следом полетела и тарелка.

«Ладно! – сказала я громко. – В конце концов, у меня дела, и мне некогда с тобой возиться!»

Я подлила молока в тарелочку, но на этот раз оставила её на полу возле корзинки. А на утро плетенка была пуста. Блюдце тоже.

Всю следующую неделю никаких следов Прони в квартире я не обнаружила. Завела, называется, живность. В какие дыры он проник, где обитал, куда запропастился? Возможно, он сбежал или задохнулся, забился в узкую щель, а выбраться не смог? Мои поиски воображаемого бездыханного тельца ни к чему не привели. Так в беспокойствах прошел месяц. Наконец я, совсем растревоженная, позвонила лохматобровому.

– Исчез? Это не страшно. Привыкает, обживается! Вот увидите, скоро проявится. Он же ручной. Компанейский. Ему невмоготу долго в одиночестве быть. Изучает вас. Поговорите с ним, и он выйдет.

Вечером я торжественно уселась на диван, прокашлялась и голосом обращения президента к народу сказала:

- Проня, слышишь, выходи.

Да вот же он! На карнизе! Глядит в сторону. Махонький такой заморыш, не больше котенка.

- Вот и замечательно! - обрадовалась я.

Домовой с этого дня осмелел. Теперь я боялась на него наступить, раздавить, боялась повернуться, сделать неверный шаг, постоянно всматриваясь в пол.

Проня оказался ручным и беззлобным домовенком, не терпящим одиночества.

Но наш уютный мирок просуществовал недолго. Мне подарили попугая. Ядовито желто-сине-зеленого цвета, как китайская игрушка. В первый же вечер он загнал Проню в угол. После пристального осмотра спросил:

- Чаю хочешь?

Чем поверг домовенка в шок.

Проня теперь не вышагивал за мной по пятам, потому что за ним тут же пристраивался Гриша. Так звали нашего нового жильца. И Проня, не выдерживая такого издевательского хоровода, сбегал в лишь ему знакомые щели и часами там отсиживался.

Гриша ходил по квартире и талдычил: «Барабашка, Гриша хороший! Выходи!» Эта кличка злила Проню ещё больше, и он кидался всем, что под руку попадет, в вертлявого попугая. Я стала уже подумывать передарить кому-нибудь Гришу, но внезапно ситуация изменилась. Гриша неудачно взметнулся и сильно поранил крыло. После чего несколько дней пластом лежал в клетке. И молчал. А сердобольный Проня заглядывал к нему.

Болезнь их примирила. К моему великому облегчению, они

Иллюстрация Геннадия Сусуева

подружились. Проня уже не лип к моим пяткам, а следил, как туда-сюда бегает по квартире Гриша, или они вместе сидели на подоконнике и смотрели вниз на улицу. Я могла спокойно уехать на недельку. Проня к тому же оказался заботливым, он наливал Грише воды, подсыпал корм.

Мы придумали такой трюк, когда я звонила домой, трубку снимал Проня, но докладывал об обстановке Гриша.

- C кем ты говоришь? спросил меня однажды любопытный сотрудник.
 - -С Гришей! С попугаем.

Тот странно посмотрел на меня.

- А трубку кто берет?
- Домовой! вылетело, и я осеклась. Соседка заходила попугая кормить.

Но вскоре сотрудник подозвал меня и заговорщицки сказал:

– Слушай, позвонил к тебе. Скрипучий голос раненого индейца доложил: «Гриша у телефона. У нас все хорошо. Проня – хороший, налил воды». У тебя что, правда, домовой живет?

Я нервно рассмеялась:

- Ну что ты! Это же автоответчик!

ЭСина **О**ГНЕВА Ростов-на-Дону

Огнева Нина Сергеевна – автор шести поэтических сборников, повести-сказки для детей «Книга, название которой мы позабыли», киноповести «Стена-66» («Нюанс», Таганрог), авторской книги «Ларец мусульманской мудрости» («Феникс», РнД). Публикации в журналах «Ковчег» (РнД), «Слово», «Дети Ра» (Москва), «День и ночь» (Красноярск), «ЕДІТА», литературно-культурологических газетах «Дар», «Интеллигент. Санкт-Петербург», «Обзор-WEEKLY» (Чикаго), и др. Под псевдонимом Нина Гуль – автор сборника психологических этодов «Я – не стерва» и более десятка других познавательных книг («Проф-Пресс», «Феникс», РнД). Инициатор и исполнитель некоммерческого издательского проекта «32 ПОЛОСЫ» (изд-во «НЮАНС», Таганрог). Член Международной федерации русских писателей.

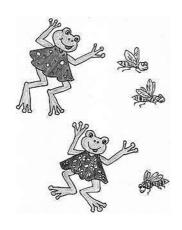
В МОРЕ И В ПРУДУ

Краб

Я большой весёлый КРАБ, Я на камешек караб... Ой, сорвался! Я тону-у-у! Как корабль иду ко дну...

Испугался я слегка. Что ж, беда невелика. Я – подводный альпинист... Ой!.. – Опять лечу я вниз!

Вам признаюсь, не тая, Так с волной играю я: «Подожди, волна, пока Я карабкаюсь на ка...» Ой!..

Лягушка

Я – зелёная ЛЯГУШКА. Берегись, комар и мушка: Мой проворный язычок Мушку ловит на крючок.

У меня большие глазки, Будто бусы из стекла, А в одной волшебной сказке Я царевною была!

Морские коньки

Как лошадки, мы игривы, Гнутся шейки, вьются гривы – Как у пони, а точней, Как у шахматных коней.

Глаз горит в потоках света, Как волшебный огонёк. И зовётся рыбка эта... Правильно: МОРСКОЙ КОНЁК!

Сны

Ясный месяц в небе светит – Ночь пришла. Уснули дети, Люди, звери – крепко спят, Просыпаться не хотят.

Детям даже поздней ночью Сны смотреть разрешено. Сновиденья, между прочим, Интересней, чем кино.

Муравью приснился сон, Будто стал огромным он И, как маленький, играет В догонялки со слоном.

Спит медведь. И мишке снится, Будто плюшевым он стал. Там, во сне, ему не спится – Он в берлоге спать устал.

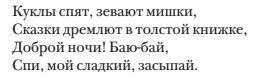
На опушке спит сосна. Спит и видит сон она: Будто в праздник новогодний В гости к ней пришла весна.

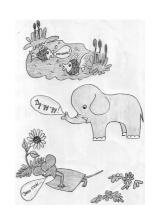
А мышонку снится сон, Будто он большой, как слон. Но в вольере по дорожке Ростом с дом гуляют кошки!

Снятся курочкам яички, Огонёк приснился спичке, Видят саночки во сне, Будто выпал первый снег. Сопок спят седые главы, Под землёю дремлет лава, Чуть дымясь, вулканы спят И, как дедушки, храпят.

Спит Луна. Меж туч – оконце. Вдоль по лунному лучу Как лунатик ходит Солнце: «Я устало, спать хочу!»

Спят платаны, спят каштаны, Детки спят и видят сны. Но бессонно, неустанно Глазки мамины ясны:

ДЕВОЧКА-БУСИНКА

Жила-была одна старушка. Никто к ней в гости не ходил, разве что прилетит на карниз Воробей-Воробушек – крошек поклевать.

Как-то вынула она из шкатулки колечки да серёжки, цепочки да браслетики и принялась примерять – молодость вспоминать.

Приложила к платью бусы из зелёного стекла, а ветхая нитка возьми да оборвись! Бусинки так и раскатились – и под кровать, и под буфет, только одна в руке осталась.

Села старушка и заплакала от досады: «Вот и детки мои раскатились по белу свету – вместе не собрать, на нитку не нани-

зать. А жила бы со мной внучечка – ну хоть вот такая маленькая, как бусинка, не грустила бы я, не плакала...

Погоревала, погоревала, да так, с бусинкой в руке, и заснула. Сидит Бусинка и думает: «Жалко бабушку. А не притвориться ли мне девочкой? Авось не заметит, что я ненастоящая».

Утром старушка стала глазки со сна протирать, а Бусинка – прыгна стол. Платьице стеклянное оправила – «дзинь-дзинь!» – и говорит: «Здравствуй, бабушка! Я – девочка-Бусинка. Возьми меня к себе внучкой?»

Обрадовалась старушка: «Ой, чудеса-то какие! Как же не взять? Ну, пойдём, внучка Бусинка, чай с булочкой пить...»

Налила бабушка чаю себе в большую голубую чашку, а Бусинке – в маленькую-премаленькую, с синими цветочками. Сидят, булочку кушают, а крошки на карниз за окно бросают—Воробью-Воробушку.

Так и стали жить-поживать.

Раз Бусинка спрашивает: «Откуда у тебя, бабушка, такая маленькая-премаленькая чашечка с синими цветочками?»

Опечалилась тут бабушка: «Ах, Бусинка, хорошо мне с тобой, да есть у меня внучка настоящая – Ксюшей зовут. Ходила она ко мне в гости – с папой да с мамой. Играла, веселилась, куколку чаем угощала. Вот чашечку забыла, да с тех пор не приходит. Разлюбила, наверное».

- А далеко ли внучка твоя живёт, бабушка?
- Да вон в том домике с башенкой и жестяным петушком на крыше, говорит бабушка и за окошко показывает. А Воробей-Воробушек: «Чик-чирик! знаю, мол, знаю такой дом! Да и с Петушком мы друзья даром что жестяной, а дружить умеет!»

Погрустила бабушка, села в своё кресло да от грусти задремала.

Бусинка – на подоконник: «Воробей-Воробушек, помоги! Отнеси в дом с башенкой и петушком на крыше – к девочке Ксюше!»

Как не помочь: каждый день вкусными крошками угощают! Взял Воробушек Бусинку в клювик, крылышками взмахнул и – прямиком к дому с башенкой.

Ксюша сидит, куколку наряжает. Вдруг слышит: «Ксюша, а Ксюша! Погляди сюда!»

- Ты кто?
- Я девочка-Бусинка, у твоей бабушки вместо внучки живу грустно ей без тебя, одиноко.
- Ой, какая ты маленькая! Меньше моей куколки. А по бабушке я и сама скучаю, да папе с мамой некогда. А одну не пускают: заблудишься, говорят.
- Co мной не заблудишься. Нам дорогу Воробей-Воробушек покажет.

И покатилась Бусинка.

Бусинка катится, Ксюша – за ней, Воробушек – над ними: «Чик-чирик! – туда, мол, а теперь – вон туда!»

Бабушка дверь отворила – так и ахнула: «Ксюша! Как же ты одна – да не заблудилась?»

Я не одна, меня Бусинка привела, а Воробушек показывал.
 Теперь я дорогу знаю, буду в гости ходить.

Попили они чаю с вареньем, Воробья булочкой угостили. А потом собрала Ксюша все бусинки, что по полу раскатились, да на прочную нитку нанизала: «Вот, бабушка, носи. Ты такая в них красивая!»

Бабушка полюбовалась, покрасовалась, да вдруг спохватилась: «А наша-то Бусинка куда подевалась? Не видно нигде!»

А Бусинка сидит себе на ниточке – зелёных подружек стеклянным локотком подталкивает: «Дзинь-дзинь! Хорошо – вместе!..»

КАК ЛИСЁНОК НА ОХОТУ ХОДИЛ

Жила в норе Лиса со своим Лисёнком. Лиса охотилась, а сынок дома поджидал.

Раз мама-Лиса пришла и плачет: «Не видать нам, сынок, на ужин вкусных курочек! Лазила я в курятник через дыру под оградкой, да хозяева доглядели: земелькой лаз присыпали, дощечкой укрыли, камешком подпёрли. Сунула я свой рыженький носик-носок в щёлочку, только одно яичко и ухватила».

- Не плачь, мама, утешает Лисёнок. Я сам на охоту пойду, курочку принесу: большой я уже, сильный!
- Ой большой, ой сильный! смеётся мама. Весь росточком как раз с мой рыжий носик-носок и будешь.
 - Аты, мама, отчего большая да сильная?
- Оттого, что на крестьянское подворье бегаю, курочек да яички таскаю вот и выросла, вот и силушки набралась.

Проглотил Лисёнок яичко – только скорлупа захрустела. А есть всё равно хочется.

Мама-Лиса поплакала, посмеялась, да поздно уже – спать пора. Уложила сыночка в гнёздышко, пушистым хвостиком укрыла, баюкает и песенку поёт:

«Спи, мой рыженький малыш — В норке спит полёвка-мышь, Спят в курятнике цыплятки, Спи, мой хитрый, спи, мой сладкий...»

Баюкала-баюкала, да сама от усталости и уснула.

Лисёнку не спится – кушать хочется. Всю ночь он думал, и придумал...

Выскользнул из норки, да бегом на крестьянское подворье: «Я маленький, весь росточком с мамин рыжий носик-носок, авось в щёлочку пролезу – яичек натаскаю. Вот и сыты мы с мамой будем».

Забрался Лисёнок в курятник. Смотрит – сидит курочка на гнезде, пёрышки распушила, во сне потихоньку квохчет: «Куд-куд-куд-куд...» – смотрит сны про червячков да просяные зёрнышки.

Тут солнце ясное над горой свой краешек показало.

Курочка глазки открыла, оглянулась, отряхнулась, с гнезда сошла и – к корытцу: проса поклевать, водицы испить. А в гнезде яичек – видимо-невидимо: беленькие, вкусненькие!

Лисёнок яичко хвать – и в лукошко! Хвать – и в лукошко...

И скорей удирать.

Курочка – к гнезду, а там пусто!

- Куд-куда! Куд-куда яички подевались?

Петушок встрепенулся: «Ку-ка-ре-ку-куда? Куда?».

Уточки закрякали: «Кря-кря-кража, кря-кража!».

Гуси загоготали: «Га-га-гадкий воришка, га-га-гадкий!»...

Даже лягушки в пруду проснулись: «Ква-ква! Ква-к-вам вор забрался!»

Лисёнок бежит к лесу – только рыжий хвостик мелькает. Бежал-бежал, а лукошко тяжёлое – совсем из сил выбился. Как вдруг чует: полегчало!

 Это я расту, сил набираюсь, – думает Лисёнок. – Правду мама сказала.

Чем ближе к норе, тем легче бежится.

Добрался до норы: «Встречай, мама-Лиса, сынка-добытчика!» Глядь в лукошко, а там – пусто. Одни яичные скорлупки на донышке.

А квочка рада-радёшенька: «Умницы, умницы детки-цыплятки! Все до дому добрались, к маме под крылышко собрались! Ай да молодцы-хитрецы! Куда лисьей хитрости до вашей смекалки!»

ПРО ЗАЙКИНУ ШУБКУ Сказка

Целое лето Зайчик бегал и по полю, и по лугу, и по лесу – почти никого не боялся, даже Лисы: шубка спасала! То ли серенькая она у зайца, то ли рыженькая – так, невзрачная, неприметная. Притаится косой возле кучки прошлогодней хвои в ельнике – его и не видно. Спрячется под стожком сена – как тут заячью шубку от пучка сухой травы отличить?

Но – всему свой черёд: осень пришла. Выпал первый реденький снежок, укрыл белым покрывалом и пашню, и стожки на лугу, и хвою в лесу.

А Лиса – тут как тут: «Ага, зайчишка, попался ты мне теперь! На белом-то снежке тебя за версту видно... Ам! – И нет косого...»

Зайчик от Лисы еле удрал, до пруда добежал, сидит под ракитовым кустом, трясётся.

Вдруг слышит: «Кря-кря! О чём горюешь, косоглазый?»

- Ах, Уточка-Крякушка, говорит, Лисы боюсь. Съест она меня: как снегом всё вокруг заметёт, не спасёт меня рыженькая шубка.
- А ты делай, как я: только холодом повеет, мы, утки, вместе собираемся, да на юг, в тёплые края. Вот тебе, Лиса! Догони-ка! Крылышками взмахнула Уточка и вслед за своей стаей.

Зайчик ушами машет – и так, и сяк... Нет, не получается от Лисы в тёплые края улететь.

Поскакал он в чистое поле. Спрятался под стожок. Вдруг слышит: «Пи-пи-пи! О чём печалишься, короткохвостый?»

- Ах, Мышка-Полёвка, врага нашего общего боюсь хитрой Лисы.
- А ты делай как я: всё лето в норку зернышки таскаю, на зиму запасаюсь. А холода настанут юрк в гнёздышко. Никакая лиса меня не учует.

Сунул было Зайчик нос в мышиную норку, да уж нет: даже заячье ушко не помещается.

Побежал Зайчик в лес. Прыг-скок: спрятался за еловую лапу. Вдруг слышит: «Эй, пушистый, чего испугался?»

- Лиса на меня охотится. Ой, не спрятаться мне от неё, Колючий Ёжик...
- А ты делай, как я: клубочком свернись, колючки торчком выстави никакой Лисе ты не надобен будешь такой-то.

Зайчик ёжился, ёжился, мягонькую шёрстку топорщил, даже пофырчал по-ежиному.

Мало проку!

Совсем отчаялся.

– Эх, – думает, – всё равно пропадать моей ушастой головушке. Хватит бегать от Лисы да соседей тревожить. Пусть уж она меня поскорей поймает и съест – зимой от страху мучиться не придётся.

На середину полянки выпрыгнул, столбиком застыл: ешь меня, злодейка!

Да так и обмер: выбегает Лиса на поляну – туда-сюда, а зайчика будто и нету. Снежок понюхала да и скрылась в чаще...

Зайчик едва от испуга оправился, вслух удивляется: «Пожалела что ли?»

Вдруг слышит: «О-хо-хо-хо-хо! Да уж, пожалеет тебя наша Лизавета, дожидайся!»

- Ах, Совушка-Сова, говорит Зайчик, отчего же Лиса меня не съела, снег понюхала да в лес убежала? Как она мою рыженькую шубку на снегу не приметила?
- О-хо-хо-хо! заухала тут Сова, да чуть от смеха с дерева не упала. Не трясись, косой. Погляди лучше на себя, какова твоя шубка от страха да от осенней стужи стала. О-хо-хо-хо!

Зайчик косой глаз ещё больше скосил на бочок, смотрит – а шёрстка-то у него совсем беленькая. Как снежок. А это Матушка-Природа постаралась: всем зайцам в лесу к зиме белые, неприметные шубки подарила. Да и не только им: рыженькие белочки зимой тоже серебристым мехом щеголяют, с ветки на ветку – прыг-скок. Только хвостики и спинки поблёскивают меж еловых лап в лучах зимнего солнышка – будто инеем покрыты.

Ну а уж лисы да волки всю зиму как были, так и бегают: от кого им прятаться? От кого скрываться?

Елена УРОДЗИНСКАЯ Ариэль

ИННА

Далекие семидесятые. Нашей дочери Инне **год и два месяца.** Подходим с мужем Марком к её кроватке, любуемся рыжей крохой. И вдруг она выдаёт:

– Вот стоят у постели моей кредиторы!

А чего ожидать от ребёнка, родители которого – заядлые туристы и любители песен Булата Окуджавы? Было у неё, как у всех детей, ещё много чего в этом смысле интересного, но записывать за ней мне в голову не приходило, а память – ненадёжная копилка. С тех пор много воды утекло. Дочь живёт рядом с нами в Израиле, у её дочек, моих внучек, говорящих на двух языках, – свои перлы, наиболее забавные из них я теперь записываю.

ТАЛИ

2 года 4 месяца

Заболел нос - такой красивый носик и болит.

* * *

Пересказывает «Сказку о рыбаке и рыбке»:

- И заговорила рыбка человеским волосом...

2 года 6 месяцев

* * *

На улице:

Мне на глаз попало солнышко.

* * *

Я:

- Косточка на ноге болит.

Она

- С косточкой надо быть осторожной - можно подавиться!

* * *

- Что ты кушала в садике?
- Закипанку.

3 года

* * *

- Дам папе, маме, себе возьму...

Я:

- -Амне дашь?
- А на тебе конфетки кончатся.

* * *

- Орешки грустят: хрум, хрум...

3 года 4 месяца

* * *

Упала с качелей, лежит на песке, комментирует:

-Я, как птичка, летаю.

* * *

– Фу, как вкусно воняет!

3 года 8 месяцев

Артисты говорят всякие хохочены.

5 лет 3 месяца

- Дедушка дотронулся до меня, и его током сбило!

6 лет

— Бабушка, у Гаи что-то во рту и ей невкусно... (Оказалось, что у её младшей сестры во рту кусочек пластмассы.)

* * *

Дедушка предлагает хлеб к колбасе, которой угощают внучек. Инна:

- Кто ж колбасу с хлебом ест?

Тали тут же:

-А что хлеб - это молочное?

* * *

Отсидела ногу:

- У меня заснули пальцы и теперь колют.

* * *

По телефону мне диктуют, а я повторяю рецепт десерта.

Тали:

- Давай сделаем!
- А ты рецепт запомнила?
- Я записала в голове!

Æлена МОРОЗОВА Донецк

ВАЛИК *4 года*

* * *

Спрашиваю:

- Какие буквы в слове «Маршак»? Назвал.
- А кто такой Маршак, ты знаешь?
- Маршак это Пушкин!

* * *

Отогревается после улицы.

- Ого! Как быстро щёчки затеплили.

* * *

После купания долго причёсывался. Уложили спать. Через десять минут рёв.

- Что случилось?
- Волосы поломал.

* * *

Увидел фотографию, где папа и мама и спрашивает:

- -Агде я был?
- Тебя ещё не было.
- Нет, я когда-то был.

Обиделся, не поверил.

* * *

Проходим мимо каштана, говорю:

- Смотри, у каштана цветочки отцвели уже.
- О! Теперь получился тополь.

* * *

В ванной плаксиво:

- Ты намокрила меня.

Проводит по мне рукой

- Сейчас тебя намокрю.

* * *

В раздевалке нет ни одной скамейки, чтоб переобуться. Говорит:

- Лавочки нет ни разу.

* * *

Говорит:

- Когда я буду апиратом...
- -А кто такой апират?
- Матрос такой.

* * *

Спрашивает:

- А когда я вырасту, какие вы с папой будете?
- Как бабушка Маня.
- Ну, тогда покажите мне, где цирк и зоопарк.

* * *

- Есть луна и лунец, маленький такой.

* * *

Рассказывает сказку.

- Жили-были король и королева.
- А кто такая королева?
- Это ферзь!

* * *

Смотрит на червяка в яблоке:

– Aга, если его съесть, то внутри вырастет дерево и на нём будут червяки.

* * *

 Луна кажется маленькой, как лампа, а она большая, как комната.

HACTЯ 5 лет

* * *

Настя упала с лесенки.

- Ты где ударилась?
- Везде.

* * *

Мы с Настей поссорились, перед тем как она пошла в ванну. Заглядываю через 5 минут. Сидит, обхватив руками колени, и говорит:

- Я так обидно купалась.

* * *

Утренние заморозки.

- Смотри: кусочек зимы!

* * *

Смотрит на фотографию нашей семьи:

- Мы, как матрёшки.

* * *

Говорю:

- Ты же старшая сестра.
- Нет, я подготовительная.

* * *

– Колотушку-подушку...

* * *

– Ну когда уже ко мне настоящий Дед Мороз придет? То дядя Витя, то мама Вики!

* * *

Отчитываю, что пришла домой грязная:

- Будешь на даче пачкаться, а здесь будь чистой.

Она смотрит на меня из-под бровей, потом говорит:

- Жизнь есть жизнь!

Œкатерина ЖУРАЛЕХ Донецк

КСЮША

В четыре года написала стишок, в котором, думаю, отразилось её понимание происходящего с нами нынче:

Сидели мы под кустиком И думали о грустненьком.

* * *

В защиту бабушки:

- Папа, бабушка тебе не слуга!

* * *

- У меня самая незабывательная голова!

* * *

Хозяйничает:

- Я делаю пельмени с вишнями.

* * *

Нарисовала солнце, а рядом – красный прямоугольничек. Спрашиваю:

- -Аэто что?
- Подушка для солнышка!

* * *

Коту:

– Брысь, Мурзик! Ты что, глухой? Тебя, что ли, к ветеринару отвести?!

- Зачем нужны чужие люди на свете?

* * *

На отдыхе случилось так, что одновременно отключили свет, не стало воды и не работал туалет.

Ксюша успокаивает всех:

- Но море ещё не отключили. И солнце, и цветы...

* * *

Ксюша вечером уснула и не пошли в Луна-парк, как собирались.

Утром - истерика.

- Ксюша, что ты хочешь?
- Хочу, чтобы мы пошли вчера в Луна-парк!

* * *

В адрес назойливых комаров:

– Ай-ай-яй, как не стыдно кусать такую лапочку!

* * *

Наблюдает за тенями на стене:

- Тени возросли!

* * *

- Папа, сегодня целый день так и будет ночь?

* * *

- Бабушка-бабушка, Мурзик волшебную палочку грызёт!

* * *

Перед чтением сказки «Три поросёнка» называю автора. Ксюшу очень рассмешила фамилия Михалков. Несколько раз повторяет: Михалков! И хохочет.

Бабушка отдыхает. Ксюша:

- Открой глаза.
- А как же я усну?
- Спи в пол-уха!

* * *

- Ксюша, сегодня мы пойдём в спортивный зал.
- Не пойдём копыта устали.

* * *

Ксюша смотрит на себя в зеркало:

- Какая я всё-таки красивая!.. Как мама!

* * *

- А какая буква после «я»?

* * *

Видит в витрине свадебное платье:

- Вот такое платье я хочу на свою свадьбу.
- Не рано?
- Да, рано, потому что по земле будет волочиться... (пауза) и жениха ещё надо найти.

* * *

Папа держит Ксюшу. Она вырывается:

- Отдайте меня!

* * *

- Когда я буду жениться, мне подарят намордник.

* * *

Перед уходом домой от бабушки:

- Я оставляю тебе ракушку. Пусть лежит и сердце радует!

В моменты разногласий главный аргумент Ксюшиной правоты:

– Не в каждой семье есть такая милая девочка! Тут не поспоришь.

* * *

Ксюша:

- Знаешь, какое у меня любимое слово?
- _ 7
- Любовь!

* * *

– Эх вы – непониматели!

* * *

В четыре с половиной года – бабушке:

– Молодец бабушка, что женилась на дедушке, которого ни за какие деньги не купишь!

* * *

В пять лет – дедушке, не выполнившему обещание приехать в гости:

- Дедушка, когда ты к нам опять не приедешь?

* * *

После общения по скайпу с дедушкой, который живёт в другой стране, задумалась. Вдруг говорит:

- А небо у дедушки - наше!

* * *

Врач:

- До свидания, Ксюша. Больше не болей!

Ксюша удивлённо:

- Так что, к вам больше приходить нельзя?..

Явилась в колготках и с волосами хвостиком. Спрашивает:

- На кого похож мой костюм?

Ни одна из предложенных мною версий её не устраивает. С некоторым раздражением объясняет:

- Да на русалку же!

Интересуюсь:

- А разве такие костюмы у русалок бывают?

Ксюша раздумчиво:

В древнюю старину колготки с хвостиком называли костюмом...

* * *

-А почему дедушка решил стать лысым?

* * *

- Зачем Бог придумал сегодня и завтра?
- Зачем Бог придумал тени?
- Почему Бога назвали Бог?

Смотрит из окна на облака в небе и вдруг:

- Бабушка-бабушка! Я вижу Бога!

Xhuzu Hauux abmopob

Певчий ангел. Сост. Т. Ивлева. - СПб.: Алетейя, 2015. - 318 с.

Составительница «Певчего ангела» Татьяна Ивлева представила произведения двадцати девяти поэтесс XXI века, проживающих в России и в странах ближнего и дальнего зарубежья, – двадцать девять имён встретились под обложкой, любовно оформленной петербургским художником Иваном Граве с использованием фрагмента картины Эдварда Бёрн-Джонса «Ангел, играющий на флажолете» (1878).

Свою подборку Т. Ивлева справедливо назвала «Тетрога теа»: говоря о своём времени, текущем и наблюдаемом («На Земле то Чечня, то Майдан»), она всегда имеет в виду аналогичные ситуации в далёком прошлом («Звон мечей гладиаторов Спарты»), а посему и латынь весьма здесь уместна. Её певчий ангел, свободно перелетая между временами Каина и нынешним братоубийством, не обнаруживает просвета в строю «вервольфов и вампиров», в «смердящем крысином парадизе», но утешается тем, что «Любовь, надежда и стихи – / Вот наши смертные грехи», и готов противостоять своим врагам, даже не рассчитывая на победу.

Одной из сверхзадач антологии, на мой взгляд, является демонстрация непрерывности и преемственности поэтического осмысления действительности именно женщинами. В этом смысле показательно и то, что подборка Т. Ивлевой (а заодно и вся книга) завершается обращением к портрету Анны Ахмаи вся книга) завершается ооращением к портрету Анны Ахматовой, и то, что в одном из стихотворений Т. Ивлева вступает в поэтический диалог с другой участницей антологии, Ольгой Бешенковской, одновременно поминая её как человека. Подборка О. Бешенковской, помещённая в сборник «Певчий ангел», отмечена «ястребиным зреньем российских метафор». С самого начала она совершенно справедливо опровергает гендерную замкнутость русской поэзии как таковой, без обиняков сообщая: «Мы нараспев дышали Мандельштамом, / Почти гордясь припухлостью желёз». В то же время, обращаясь к Марине Цветаевой, поэтесса признаётся: «Мне легко танцевать по лезвию: / у меня – твой бессмертный опыт». Сравнивая свою эмигрантскую судьбу с судьбой эмигрантов первой волны, Бешенковская ощущает в душе ту же стойкость любви к России: «И я, ночами шляясь по Парижу, / Не проиграю память в казино!» В «Строфах века» представлена поэтесса **Наталья Хаткина**,

которая, несмотря на приверженность к чёткой, порой даже чеканной форме, щедро наполняет свой поэтический мир приметами, отнюдь не входящими в традиционный «суповой набор» стихотворцев: перефразируя Владислава Ходасевича, можно сказать, что «классической розе» она явно предпочитает непритязательные «дички». Порой она это даже декларирует: «Окраине поэзии – хвала. / Она к себе с базара и вокзала / безвестных стихотворцев приняла / и с городской окраиной совпала». Настоящей поэзии, по мнению Хаткиной, «на роду написано – жалеть, / смотреть, как под дождями мокнет глина, / и слушать, как в осеннюю мокреть / окраины играет окарина». Поэтесса обоснованно считает, что поэтическое слово не предназначено для каких-либо утилитарных целей: «это – музыка. С ней – пропадать. / Ни на что она больше не годна». То, что одно из стихотворений в подборке Светланы Куралех посвящено памяти Натальи Хаткиной, ещё более усили-

вает «прошивку» книги. Кроме того, в этой подборке, откры-

вающей сборник, а стало быть, тоже во многом задающей его тональность, удивительным образом сочетается разорённое «что» с филигранным «как»: Донецк, ставший сейчас воплощённой болью мира, живописуется жёстко и возвышенно, всё ужасное, проходя через сердце поэтессы, преобразуется в прекрасное, не становясь при этом менее горьким. Столь же правдива и виртуозная попытка автобиографии, предпринятая в «Венке октав» – форме достаточно редкой и требующей не только отменного владения техникой стихосложения, но и способностью наполнить взыскательные опоки живым, трогающим воображение содержанием. Характерно, что ангелы, появляющиеся в стихах С. Куралех, не столько утешают, сколько внушают тревогу, а также побуждение как-то их защитить: «Куда мне бежать, и о чём эта смутная речь, / возвышенный шёпот и трепет, намёки и знаки? / Зачем столько ангелов? Как я смогу уберечь / их бедные крылья в такой тесноте и во мраке?» – вопрошает поэтесса. Сходные интонации звучат и в другом её стихотворении: «—Что, мой ангел, тепло ли? / —Тепло. / Дай твоё поцелую крыло / и ладони, и шрам у виска. / Жизнь, как видишь, не так уж горька».

Жизнь, как видишь, не так уж горька».

Созвучны ангельской (то есть «двоемирной») концепции и стихи Леры Мурашовой. Так, в предгрозовом небе она угадывает смутное обещание чего-то большего, чем может вознаградить посюстороннее бытие: «Какое небо, Боже мой, какое небо / над городом, распластанным в жаре! / Вина не надо, и не надо хлеба, / когда на небо смотришь на заре». А двунаправленным проводником, соединяющим дольнюю обитель с горней, может, по её мнению, послужить то самое «Слово, / которого не слышал мир пока». Поэтессу занимают те зыбкие пространства, в которых блуждает душа во время сновидений и которые она пытается перенести с собою в явь. Ещё дальше идёт Л. Мурашова в стихотворении «Когда стану рекой»: ей удаётся вообразить будущее без себя, то есть такое, где сама она оказывается «на другом берегу, / где нездешние травы по пояс». Однако и там её продолжают томить земные привязанности: «но тебя позабыть не могу, / я и там о тебе беспокоюсь».

...Напрямую, называя её непосредственно по имени, обращается к вечности Елена Данченко: «Отодвинь темноту, отодвинь / синей шторкой ли, лампочкой, свечкой, / огонёк чей выпрастывал вечность / в виде рыбок глазастых ян-инь». Вечность в её понимании не то чтобы противоположна темноте забвения или небытия, но сращивает свет с тьмой, образуя равноправный «круг из двух половин». Можно было бы сказать, что поэтессу в гораздо большей мере притягивают явления посюсторонние («На чудный мир, на этот белый свет / не надышусь», – декларирует Е. Данченко), но, несмотря на обращённые к самой себе увещевания («Не думать о конце. Не сметь, не сметь! / Не представлять его во всех деталях»), она признаётся: «Ну вот опять... ничем не задавить / вертлявую змею воображенья». Однако отчётливое осознание бренности мира и здесь уравновешивается пониманием необходимости прижизненного (и пожизненного) служения этому самому эфемерному миру: «за право раздавать, что б ни просили / и плёс речной, и пёс сторожевой, / я жизнь свою, последняя разиня, / отдам, прослыв живой, живой, живой». Раздавать, защищать и оберегать – эти ангельские то ли права, то ли обязанности в той или иной мере эксплицитно возлагают на себя все авторы «Певчего ангела».

Да простят меня неназванные поэтессы...

Подчеркну то обстоятельство, что обязанности и редактора, и корректора возлегли на плечи составительницы антологии, Татьяны Ивлевой, которая работала без какого-либо вознаграждения, за спасибо. Она сама разыскала своих авторов, сама их пригласила, сама всё составила, отредактировала и откорректировала, сама вела всю деловую переписку. Поэтому нам, читателям, надлежит быть не просто снисходительными, но и от души благодарными. В наше время для издания поэтических книг необходимы поистине ангельские черты – такие, как терпение, щедрость и самоотверженность.

Из рецензии Георгия Яропольского Чудесное посещение № 3» User les controles Cefe functiones et an Visippend and journ 2017, Do. S regifage in des classifier cranisches und desturben Literature. Berentinde Que S-Soloi, de Magiglabest für des Tribishamest für eigenen Werke dem Publiches productiones des Control (Final Control Control Final Control C

Pesysumamon этих встреч явилось периодическое издание «На перекрёстке культур». Перед вани очередной намер трёхнявычного альманаха (русский, немецкий, английский) стихои и правы с параплетыными переводами. Выпуск приурочен к 70-летило со дня смерти Эльзы Лоскер-Шолерь — одной из выдожищихся поэтесс XX вела.

WUPPERLAUF

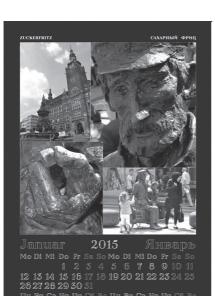

Direkt im Zentrum von Wuppertal, gegenüber dem Rathaus, »wächst« vor dem schönen Gebäude der 1994 schönen Gebäude der 1904 укублённой полукруглой гейбпене Rahaus-Galerie mi нишей Рагжуза-Талери, librer halbrunden Wandnische ein ungewöhnlicher Baue merpoennero в 1994 году, ein ungewöhnlicher Baue "расства диллийского с судыгтор далийского с судыгтор диллийского с судыгтор с с судыгтор диллийского с судыгтор с с судыгтор диллийского с судыгтор с с судыгтор с с судыгтор судыгтор с судыгтор с судыгтор с судыгтор с судыгтор с судыгтор судыгтор с судыгтор с судыгтор с судыгтор с судыгтор с судыгтор судыгтор с судыгтор с судыгтор с судыгтор с судыгтор с судыгтор судыгтор с судыгтор с судыгтор с судыгтор с судыгтор с судыгтор судыгтор с судыгтор с судыгтор с судыгтор с судыгтор с судыгтор судыгтор с судыгтор с судыгтор с судыгтор с судыгтор с судыгтор судыгтор с судыгтор с судыгтор с судыгтор с судыгтор с судыгтор судыгтор с судыгтор с судыгтор с судыгтор с судыгтор с судыгтор судыгтор с судыгтор с судыгтор с судыгтор с судыгтор с судыгтор судыгтор с судыгтор с судыгтор с судыгтор с судыгтор с судыгтор судыгтор с судыгтор с судыгтор с судыгтор с судыгтор с судыгтор судыгтор с судыгтор с судыгтор с судыгтор с судыгтор с судыгтор судыгтор с судыгтор с судыгтор с судыгтор с судыгтор с судыгтор су

В самом центре Вупперталя, напротив ратуши, на фоне красивого здания с углублённой полукруглой нишей Ратхауз-Галери,

Wuppertaler Elterverein 5×5 e.V.

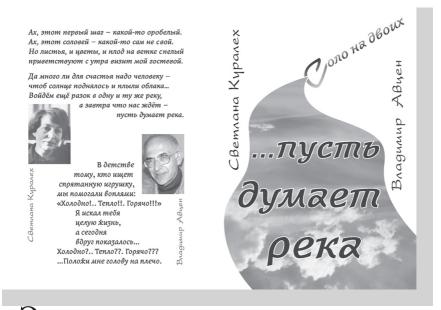
DAS SAGE ICH IHNEN, DER ZUCKERFRITZ... Im Jahr 1979 stellte Fritz Poth alias »der Zucker-fritz« seine Schubkarre für immer zwischen Neumarkt

immer zwischen Neumarkt und Kerstenplatz ab und setzte sich drauf.

Ver langer langer Zeit lebte in dieser Gegend ich, der Zuderfrütz, leb brechegend ich, der Zuderfrütz, leb brechegend ich, der Zuderfrütz, leb brechegen verschiedene Ware aus dem Gestätt. Am bezahlte meine Dieseste mit zu der Zuderfrütz, der Westen wird wie der Westen wird wie der Westen wird stadig von Kludern begleicht, welche von mit Zudeschlichen bekannen. Mit gefüllt dieser Platze es wirm und den Zuderfrühre und mit den Zuderfrühre sein der Mehren der Westen der

это говорю вам я, САХАРНЫЙ ФРИЦ... В 1979 году Фриц Пот по прозвищу «Сахарный Фриц» с его тачкой навсегла поселился

чрупір с его тачкої навсегда посемался и между Ноймаритом и мерсти Ноймаритом и мерсти Ноймаритом и мерсти Ноймаритом да бала я пота вида по на посема по на по на

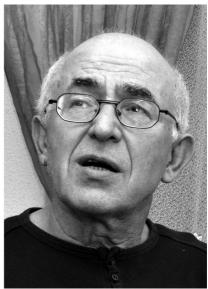

Это была красивая поэтическая чета. Их союз вызывал эстетическое впечатление: статная, светлая Светлана – и ладный, видный Владимир. Казалось, они идеально рифмовались друг с другом: оба талантливы, интеллигентны, остроумны. На литературных вечерах и вечеринках неизменно оказывались в центре.

Стихи выдавали сакраментальную тайну их близости: слишком разные, чтобы находиться вместе, они словно для того и были соединены, чтобы, по закону гармонии, восполнять друг друга, преодолевая эту разность. Исполняя каждый свою партию, они, как потом окажется, исполняли части одной общей композиции. Как инь и ян, они были противоположны не только друг к другу, но и в самих себе: высокие, прозрачные нотки Светланы Куралех, возвышаясь до хрупкости и невесомости, обнаруживали вдруг трагизм и твердость, а драматичные, диссонансные контрапункты Владимира Авцена перемежались веселыми скоморошьими распевками и забавками.

Как оказалось, такие сущностные совпадения с духом времени и судьбой своей страны небезопасны. Союз распался – и боль-

шой, советский, и малый, семейный. Владимир с новой семьей уехал в Германию, а Светлана с сыном осталась «стеречь свои задворки». Их жизненные дороги вроде бы разошлись, но нерастраченная инерция их совместной творческой жизни продолжалась. Он, не порывая отношений с земляками, стал издавать литературный альманах с домашним названием «Семейка» и проводить литературные посиделки – словно догоняя несбывшееся. Она, не прерывая своих «светских» привычек, продолжала быть желанным гостем всевозможных литературных, театральных, музыкальных или художнических встреч и собраний.

Жизнь поэта, как известно, совершается по законам стихосложения, тем более, если поэтов двое. Их жизненный текст потребовал возвращений, кольцеваний, художественно-смысловых повторов. Но и стихи, в которых запечатлевались их жизни, возвращают и обращают к своим истокам, и если читать их не порознь, а параллельно, то воспринимаются как течение единой поэмы.

де родилась в 1967 году в России. Закончила факультет журналистики в Казахстане. Десять лет работала журналистом. В 1999 году переехала в

Гернанию. Работала в газете «Восточный экспресс». Была редактором алманаха «Пинигрин». Автор трех сборников рассказов. Лауреат различных литературных прений. В данный номент работает недсестрой, живет в городе Леверкузен.

Фотожурналист Анатолий Устиненко - академик Академии журналистики Республики Казахстан, лауреат Национальной журналистской премии РК

да", лауреат многих международных и республиканских фоткомкурсов, в том числе обладательгроев, том числе обладательгроев, том числе обладательгроев, том числе обладательнамом, Пометный журивалыст Казакога Пометный журивалыст Казакога Пометный журивалыст Казакога Станам Станам Станам Станам Станам Гейтер, Ассошнойтед пресс, Франс пресс. Заминается опитоиздательсой деятельностью -- ин выпущены фоткальбомы "Мангиста", "Восточный Казахстай", "Открывая Казахстай". Живет в городе Алматы. Чем больше я читаю рассказы светланы Фельде, тем лучше узнаю себя, хотя они не обо мне. Мое читательское ощущение при этом сохже с состоянием человека, вошещието с соляечелой улицы в незнакомую комнату с заштореньыми окачеми. Перава реакция — темнота, страх и чувство опасности. Но промодит минута-другая, глаза привыжают - и сначала смутно, а затем все отчетлием всет окутно, а затем все отчетлием случно, в затем случно, в затем случно, в затем случно, в случно, с

Подобное проиходит со мной каждый раз при чтении рассовать стривань. По мере постепенного стриваньная к сложному миру, созданному автором, начинаещь оцицать в себе ответный трепет тон-майших, данных кам Богом, чувств, о которых я никогда не догадывался или забыл о них из за их невостребованности, и оза детых проняительностью повествования.

Для меня рассказы Светланы Фельде — это «живая» вода, врачующая мою огрубевшую душу.

Аркадий Тищенко, Германия

edita gelsen logobo@gmx.de ISBN 978-3-944502-XXX

Светлана Фельде

Я БУДУ ПОМНИТЬ ВКУС МЕДА

Дорога домой. Это куда?
Туда, где ждут.
Дорога домой, это для чего?
Чтобы обрести покой.
Дорога домой. Это когда?
Всегда.

С.Грановский

edita gelsen logobo@gmx.de ISBN 978-3-945965-16-0

Администраторы международного литературного интернет-конкурса короткого рассказа «Истории любви — 2013»

Епна Хам I (Кашаруликая — Хами (Кашаруликая — Хами) — выпускняя докаваются образоваться образов

Георгий Исвее — окончи Казальский гохударственный университет, кандидат философских каук, Последнее два девстийнетия профессиональный деятельность связаная с практиченая деятельность связаная с практиченая деятельность связаная с практичемераральном уроватих. Автор нескольких книг, рада публикаций в просийских инжуриворция кладаниях с 2001 года — редактогр двядиестя запиличеность убликаций печатных и этемпрочных ОМИ слате Віалосьзана практичення практичення и этемпрочных ОМИ слате Віалосьзана практичення практичення устернет-конкуров.

Дети Дафны и Аполлона

Рената Вольф

ОТРАЖЕНИЕ

Рената Вольф

Родилась 2.1.08.1055 года в Казахстане, в городе Сомипалатическ После окончания падагогического института работала учителем натематики в средней школе. В 1994 году приехала в Германию в город дуйсбург. Приобрела новую специальность: помощник налогового советника. Мать троих детей, замечательная бабушка одного внука и двух внучек с которыми с удовольствием проводит слоб свободное время. Литературой увлекается с юмости, но однажды, просмушись рано угром в прекрасном расположении духа, помяла, что может писать стихи. С тех про с дасмонемение нежещеем на бунату лосует акварельно. Пробует свои силы в художественном офорралении детской конти. В ё стихи неоднократию печатались в руссковамчных журналах Германии. Ялажется членом Литературного общества кемщев из России.

С её творчеством можно познакомиться на интернет-страничке "www.stihi.ru" Сборник стихов можно заказать: E-Mail - "renata.wolf@gmx.de"

ISBN 978-3-944502-03-8

Рената Вольф

ОТРАЖЕНИЕ

Стихи

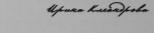

Ирина Клеандрова (родилась в 1981 г.) с отличием окончила КГТУ по специальности «Информатика и вычислительная техника», работает в сфере информационных технологий. Автор нескольких книг по компьютерной графике и базам данных, вышедших в издательстве «Наука и техника».

Стихами увлеклась в ранней юности, а в 2009 году дебютировала и в прозе.

проды и подзин, судых конмурованной политирую монкуров тройка», бъркаща». С 2014 года чене редкольти политического курнала «Буквица». Авторские подбория стихов выходили в алинайме «Буквица». Авторские подбория стихов выходили в алинайме «Буквица»; стихи, рассказы и миниаторы публиковатись в журнали «ФысКу», «БОТТа», «Содаталия миров», «Пере-

Там вьется флоксов шелковая дымки и когти астр, и хризантем снежники - печаль и тлен, и нежность без грани Как корабли, плывут в коричной пен скупые лепестки цветов последних - фиалы слез, упыбки мертвых лиц.

Ocennihih paneoduch

Иобранные стихотьорения

Да-да, единственное, о чем можно попытаться написать правдиво — это собственная жизнь. Есть вероятность получить хотя бы кереший расказ, Может, это не так уж и мажо? Честно и массимально подробно описать предметы, чтобы были осизаемы. Время и событив, чувства и мысси, в шумищем учувства и мысси, в шумищем

три собаки и феллини

осенняя РАПСОДИЯ

Клавдия Лейбова

Татьяна ИВЛЕВА

'атьянин

Подборка стихов Татьяны Ивлевой не может не задержать внимания. Их лиризм и магистральная тема ностальгии по людям, которые ушли, по далёкому детству, где все были живы, по стране, которой больше нет. Обаятельны стихи, написанные в духе хокку и танка. Это подлинно профессиональный поэт, строчки которого запоминаются, их хочется повторять.

А-р филол.наук,проф. кафедры издательского дела и межкультурной коммуникации Днепропетровского национального сформиро- университета им. О. Гончара В старину у японцев сформиро-Л.А. Мироненко валось поэтическое понятие «котодама» - «душа слова».

Татьяна Ивлева умеет чутко вслушиваться в неё. Уверена, что её изящные стихотворения, женственные и психологически точные, найдут своего взыскательного читателя. Ирина Попова-Бондаренко,

кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой литературы и классической филологии Донецкого национального университета

Tamosna Mbueba ТАТЬЯНА ИВЛЕВА . Posa Bempob